

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://zoschenkomihail.ru/> Приятного чтения!

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зощенко

Письма к писателю. Возвращенная молодость. Перед восходом солнца: Повести // Сост. и вступ. статья Ю. В. Томашевского. – М.: Моск. рабочий, 1989. – 543 с. В книгу выдающегося советского писателя М. М. Зощенко (1894–1958) входят известные читателю повести "Возвращенная молодость" и "Перед восходом солнца", а также "Письма к писателю", неперездававшиеся с 1931 го да. Эти произведения составляют своеобразную трилогию, в которой Зощенко – художник, исследователь и мыслитель – размышляет о возможностях человека совершенствовать свое духовно–нравственное и физическое здоровье.

1. АВТОР ПРИНОСИТ СВОИ ИЗВИНЕНИЯ

Это есть повесть о том, как один советский челорек, обремененный годами, болезнями и меланхолией, захотел вернуть свою утраченную молодость. И что же? Он вернул ее простым, но все же удивительным способом.

Человек вернул свою потерянную молодость! Факт, достойный оглашения в печати. Тем не менее не без робости автор приступает к этому сочинению. Обиды и огорчения принесет, вероятно, нам эта книга.

Ах, мы тревожимся в особенности за одну категорию людей, за группу лиц, так сказать, причастных к медицине.

Эти лица, ну там, скажем, врачи, фельдшера, лекарские помощники, работники "скорой помощи", а также, ну, скажем, заведующие аптеками с ихними женами, родственниками, знакомыми и соседями, лица эти, увидав книгу, содержание которой поначалу несколько напомнит им ихнюю профессию, лица эти, несомненно, отрицательно, а может быть, даже и враждебно отнесутся к нашему сочинению.

Этих лиц автор покорнейше просит посписходительней отнестись к нашему труду. Автор, в свою очередь, тоже обещает им быть снисходительным, если ему случится читать повести или там, скажем, рассказы, написанные врачом, или родственником этого врача, или даже его соседом.

Автор просит у этих лиц извинения за то, что он, работая в своем деле, мимоходом и, так сказать, как свинья, забрел в чужой огород, наследил, быть может, натоптал и, чего доброго, сожрал чужую брюкву.

2. НЕКОТОРАЯ НЕОБЫЧАЙНОСТЬ НАШЕГО СОЧИНЕНИЯ

Наша повесть на этот раз мало похожа на обычные литературные вещицы. Она мало также похожа и на наши прежние художественные вещички, написанные наивной, грубоватой рукой в спехе нашей молодости и легкомыслия.

Нет, с одной стороны, это сочинение тоже можно будет назвать художественным. Тут будет и художественное описание картин нашей северной природы, описание бережков, ручейков и опушек леса. Тут будет интересный и даже занимательный сюжет. Тут будут разные сложные и сердечные переживания героев, а также рассуждения и добровольные высказывания этих героев о пользе текущей политики, о мировоззрении, о перестройке характеров и о славных грядущих днях.

Здесь будет все, чего ждет читатель от книги, которую он взял почитать вечером, чтобы рассеять свои дневные заботы и чтоб окунуться в чужую жизнь, в чужие переживания и в чужие помыслы.

Но это только с одной стороны. А с другой стороны, наша книга – нечто совершенно иное. Это такое, что ли, научное сочинение, научный труд, изложенный, правда, простым, отчасти бестолковым бытовым языком, доступным в силу знакомых сочетаний самым разнообразным слоям населения, не имеющим ни научной подготовки, ни смелости или желания узнать, что творится за всей поверхностью жизни.

В этой книге будут затронуты вопросы сложные и даже отчасти чересчур сложные, отдаленные от литературы и непривычные для рук писателя.

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Такие вопросы, как, например, поиски потерянной молодости, возвращение здоровья, свежести чувств, и так далее, и тому подобное, и прочее. А также будут затронуты вопросы о переустройстве всей нашей жизни и о возможностях этого переустройства, о капитализме и о социализме и о выработке мировоззрения. А кроме того, мы коснемся и других, не менее важных вопросов, взятых в самом их наивысшем значении и в свете текущих дней.

3. НА ЧТО ПОХОЖЕ НАШЕ СОЧИНЕНИЕ

Ну, если это и не научный труд, если, скажем, Академия наук или там, скажем, секция научных работников, согласовавшись с горкомом и Союзом писателей, не найдет здесь признаков научного сочинения или найдет эти признаки, но не сосчитает автора в достаточной степени овладевшим марксистско-ленинским мировоззрением, то в таком случае эту книгу можно будет обозначить более средним, более, так сказать, безобидным названием, не раздражающим зрение и слуха отдельных граждан и организаций.

Пусть эта книга называется, ну, скажем, культурфильм. Пусть это будет такой, что ли, культурфильм, вроде как у нас бывали на экране: "Аборт", или там "Отчего идет дождь", или "Каким образом делают шелковые чулки", или, наконец, "Чем отличается человек от бобра". Такие бывают фильмы на крупные современные научные и производственные темы, достойные изучения.

Так же, как и в этих фильмах, сначала у нас будет идти научное рассуждение с разными сносками, справками о том о сем, с разными комментариями и, может быть, даже диаграммами и статьями, окончательно разъясняющими суть дела.

И уже только потом читатель, слегка утомленный и пришибленный чужими мыслями, получит порцию занимательного чтения, которое и явится вроде как бы наглядной иллюстрацией к вышеизложенным мыслям и рассуждениям.

Конечно, умы нетерпеливые, не привыкшие идти на поводу, а также умы, ну, скажем, негибкие, грубоватые или, что ли, низменные, не имеющие особого интереса к различным явлениям природы, кроме выдачи продуктов питания, - эти умы могут, конечно, отбросить начало и комментарии, с тем чтобы сразу приступить к инцидентам и происшествиям и сразу, так сказать, получить порцию занимательного чтения.

В таком случае они без ущерба для себя прочтут, начиная с 17-й главы, правдивую повесть об удивительной жизни одного человека, который в наши реальные дни, в дни, так сказать, торжества материализма и физиологических основ, возвратил свою молодость и тем самым имел смелость и счастье соперничать в умении с самой природой или, как до революции говорили, с самим господом богом.

4. ЛЮБОВЬ АВТОРА К МЕДИЦИНЕ

Конечно, автор принужден сказать, что он человек, ну, что ли, невежественный в вопросах медицины. Не то чтобы невежественный, ну, не совсем, что ли, на все ноги подкованный, не совсем, что ли, разбирающийся в отдельных мелких, разнообразных и часто ужасно запутанных деталях этой науки. Тем не менее, по ходу повести, автор принужден будет затрагивать кой-какие передовые медицинские вопросы о том о сем, ну, там о неврастении, о нарушенной равновесии, об упадке сил и о причинах этих явлений.

Не то чтобы автор решительно ничего не смыслил в этом деле. Нет, он кое-что представляет себе. Но, конечно, это представление не такое уж окончательно твердое. Не такое, что вот разбуди человека ночью, и он тебе сразу все объяснит и все спросонок расскажет - где чего бывает, и зачем бывает, и как то или иное по-гречески называется, и что такое рак, и в каком боку у населения почки, и для какой цели природа пристроила человеку селезенку, и почему, в сущности, этот запутанный и даже отчасти мизерный орган называется этим довольно-таки легкомысленным названием, заметно снижающим человеческую природу в ее обычном величии.

Нет, автор, конечно, не врач, и знания его в этой сфере ограничены. Тем не менее с детских лет автор имел глубокий и даже исключительный интерес к медицине и даже одно время пробовал было лечить своих менее ценных родственников разными домашними химическими средствами - йодом, дегтем, глицерином, травой, которую

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru жрут собаки при заболевании, и психическими воздействиями. Какое лечение, надо сказать, иной раз сходило довольно успешно и не всегда заканчивалось смертельным исходом того или другого зазевавшегося родственника.

Но не только к своим родственникам, но и ко всем людям автор присматривался с нескрываемым любопытством, следил, так сказать, за ежедневной игрой ихних организмов и за тем, кто сколько прожил, чем захворал и от чего именно помер. И что такое грипп. И что такое старость. И почему наступает увядание. И что надо делать, чтобы задержать быстрое течение дорогой нашей жизни.

И, надо сказать, неутешительные картины открывались постепенно перед изумленным взором автора.

5. НЕУТЕШИТЕЛЬНЫЕ КАРТИНЫ

Ну, еще лет до тридцати пяти, сколько мог заметить автор, люди живут сносно, трудятся на своем поприще, веселятся, тратят безрассудно то, что им отпущено природой, а после этого по большей части начинается у них бурное увядание и приближение к старости *. * Автор имеет в виду так называемую интеллигентскую прослойку, причем прослойку, имеющую прежние мелкобуржуазные привычки и традиции. Автор не касается в данном случае, так сказать, восходящего класса, по той простой причине, что тут нервное здоровье в достаточной степени благополучно. Однако кое-что будет сказано и о пролетарском здоровье, о здоровье тех людей, кои сейчас, по роду своих обязанностей, прикоснулись к систематическому умственному труду и нажили на этом деле неврастению.

У них пропадает вкус ко многим хорошим вещам. Морда у них тускнеет. Ихние глаза с грустью взирают на многие приличные и недавно любимые вещи. Их захватывают разные удивительные и даже непонятные болезни, от которых врачи впадают в мудрое созерцательное состояние и приходят в беспокойство за беспомощность своей профессии.

Этих больных захватывают также болезни более понятные и, так сказать, общедоступные, описанные в учебниках, как, например: меланхолия, водянка, параличи, сахарная болезнь, туберкулез, и так далее, и тому подобное, и прочее.

Захворавшие выезжают тогда поскорей со своими болезнями и чемоданами на разные курорты и побережья в поисках своей утраченной молодости. Они купаются в море, ныряют и плавают, валяются часами на самом ужасном солнцепеке, шляются по горам и пьют специальные и слабительные воды. Еще более от этого хворают и с почтением взирают на врачей, ожидая от них чудес, возвращения потерянных сил и восстановления утраченных соков.

Врачи делают больным спринцевания и прижигания, купают их в ваннах, ставят им с научной целью разные клизмы и клизмочки из соленых и минеральных вод. Или ведут с больными беседы о чисто нервных явлениях со стороны организма, убеждая при этом больного отказаться от губительных мыслей и поверить в то, что он здоров как бык и что болезненные явления у него суть нечто воображаемое, вроде как бы даже фантазия, не имеющая под собой никакой реальной почвы. Это последнее совершенно запутывает простодушного больного и примиряет его с мыслью о близкой кончине. К тому же неумолимые силы природы и нарушенное привычное равновесие по большей части мало поддаются дальнейшим ухищрениям науки и живительным свойствам водолечения. И захворавший нередко заканчивает свое земное шествие, так и не узнав окончательно, что, собственно, с ним случилось и какую роковую ошибку он совершил в своей жизни.

6. ЕЩЕ БОЛЕЕ НЕУТЕШИТЕЛЬНЫЕ КАРТИНЫ

Тогда, думая, что эти наблюдения, как бы сказать, чисто случайные, что эти наблюдения производились над людьми, здоровье и нервные силы которых подорваны многими и различными потрясениями – войной, революцией и всем, так сказать, своеобразием нашего быта, – автор тогда, не доверяя виденному, обернулся назад и нарочно прочел биографии и описания жизней всех сколько-нибудь известных и знаменитых людей прежних эпох и столетий *.

* Автор предпочел бы прочесть биографии обыкновенных, невеликих людей, но история, к сожалению, не имеет другого материала. Впрочем, в этом смысле наша параллель и сравнение до некоторой степени будут правильны. Люди нашей

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru революционной эпохи иной раз тратят нервную силу не в меньшей степени, чем тратили ее так называемые великие люди.

И нет. Еще более неутешительные картины раскрылись перед автором.

Еще более бурное увядание, еще более сложные и непостижимые болезни, еще более ужасную меланхолию, хандру, разочарование, презрение к людям (I) *, ипохондрию и еще более раннюю смерть можно было видеть на этом, так сказать, великом интеллигентском фронте.

*) Римские цифры здесь и в дальнейшем указывают на то, что к данному тексту имеются комментарии в конце книги. Однако для удобства чтения автор советует читать повесть, не обращаясь к комментариям. При чтении же комментариев следует посмотреть, к какому именно тексту они относятся.

Большой черный список можно составить из этих рано погибших великих людей (II).

Одни умирали, едва достигнув зрелого возраста, другие едва дотягивали до сорока лет, третьи, перешагнув сорокалетний возраст, влачили тем не менее жалкое существование и все равно как бы погибали для общества.

Они бросали свою славную работу (III), они целые дни валялись на оттоманках в рваных войлочных туфлях, курили трубки, грустили, бранились с женами, плакали и ныли, писали, скуки ради и чтоб забыться, свои мемуары о своей прекрасной героической молодости или сочиняли богословские и религиозные трактаты, поскольку для этой мелкой цели не требуется вдохновения (IV) и полного бурного творческого здоровья, подъема и того физического благополучия, которое было в молодости (V).

7. ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ

Но что наиболее всего удивило автора – это одна черта из жизни этих знаменитых людей, живших в прошлых веках. Это такое, что ли, примирение и покорность судьбе и даже какое-то нежелание бороться со своими болезнями.

Свои болезни они нередко считали проявлением божьей воли, или особым коварством судьбы, или своей склонностью к неудачам и после небольшого курса, главным образом водолечения, безропотно сносили то, что с ними случалось, не делая даже попыток заглянуть в глубь вещей, чтоб найти причину и понять физическое происхождение своих недугов.

Но можно сказать, к великому счастью, не все в этом смысле были одинаковы.

Одна категория людей отличалась особою крепостью здоровья и имела, не в пример прочим, продолжительную жизнь – это люди, склонные к раздумью и, так сказать, не идеалистическому пониманию жизни. Это главным образом всякого рода философы, ученые-натуралисты, химики, естествоиспытатели и вообще всякого рода профессора и мудрецы, кои по роду своей профессии чего-то такое соображали, чего-то такое думали о разных свойствах природы.

Одним словом, это были люди, которые не только сочиняли оды или там, скажем, сюиты и симфонии, не только рисовали красками разные "Закаты", и "Восходы", и "Опушки леса", но и добросовестно задумывались о своей жизни и о своем на редкость сложном организме, и об управлении им, и о своем отношении к окружающему.

Эти по-настоящему великие люди – чаще всего безбожники и материалисты все почти доживали до глубокой старости и спокойно, без лишних ахов, криков и причитаний, отходили, как говорилось раньше, "в царство теней и неизвестности".

Они мало чем хворали и даже, напротив того, приближаясь к старости, отличались все большим и большим здоровьем.

Они мало суетились, не делали бестолковых вещей и мужественно шли к своей цели, не дорожа, в сущности, даже своей продолжительной жизнью.

Не без сердечного трепета автор прочел биографию Вольтера, который, несмотря на превратности судьбы и гонения со всех сторон, изволил прожить до восьмидесяти

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
четырёх лет.

Знаменитый греческий врач Гиппократ, "отец медицины", как его называли, то есть, значит, человек, целиком понимающий всю физическую суть дела, прожил до девяноста девяти лет.

А некто Демокрит, по-видимому, самый мудрый человек из всех живущих, греческий философ и родоначальник материализма * отхватил сто два года и помер с улыбкой, говоря, что он мог бы прожить и дольше, если б к тому стремился (VI).

*) Существенные черты его учения о материализме остались почти неизменными у материалистов нашего времени.

8. ТАК СКАЗАТЬ, "СЕКРЕТ ВЕЧНОЙ МОЛОДОСТИ"

Нет, зря на свете ничего не бывает. Автор полагает и даже уверен, что эти профессора и ученые люди чего-то такое узнавали, отыскивали какой-то, может быть, секрет или, скажем, не секрет, а какую-нибудь там подходящую, единственно нужную линию поведения и, пользуясь этим, беспечно жили *, регулируя свою жизнь и свой организм, как, скажем, рабочий или там мастер регулирует свой токарный станок.

*) Мы в данном случае не говорим о науке, величайшие открытия которой позволяют надеяться на благополучный исход борьбы человека за молодость и долголетие.

Но этот секрет личного своего благополучия и долголетия профессора, как на грех, уносили в могилу.

Конечно, кое-что отвлеченное было сказано по этому поводу. Одни говорили на тему о равновесии тела и души. Другие туманно рассуждали о необходимости быть ближе к природе или, во всяком случае, не мешать ей и вообще ходить босиком.

Третьи советовали ничему не удивляться и не отрываться от масс, говоря, что мудрость всегда спокойна.

Некоторые, спускаясь с заоблачных высот и не говоря пышных слов о душе, велели лучше следить за мелкими естественными свойствами своего тела, советуя при этом кушать простоквашу, всецело рассчитывая, что это вегетарианское блюдо дает особо продолжительную жизнь, не позволяя микробам без толку скопляться в наших внутренностях и в пошлых закоулках организма, имеющих от природы низменное и второстепенное значение.

Однако автор в бытность свою учеником знал одного преподавателя, который много лет подряд кушал эту молочную диету и, захворав неожиданно легким гриппом, как говорится, "дал дуба", оплакиваемый своими родственниками и учениками. Причем родственники и ученики в один голос утверждали, что вот именно пристрастие к кислому молоку и подкосило больного, подорвав его силы настолько, что ослабленный организм не смог сопротивляться такой, в сущности, пустячной болезни.

9. ОТЧЕГО НЕ ПОГОВОРИТЬ ОБ ИНТЕРЕСНЫХ ВЕЩАХ

Не желая даже намеком унижать или в чем-либо упрекать великих людей, автор все же хочет отметить, что ничего особенно путного и положительного, а главное, доступного и понятного всем людям не было сказано в этой области.

И мудрые старцы, знавшие что-то такое про себя, отходили в иной мир, так и не осчастливив своих ближних.

Нет, конечно, автор не имеет намерения сейчас сказать: вот, мол, старцы померли со своим секретом, а вот автор, молодец и сукин сын, открыл этот секрет и сию минуту осчастливит человечество своим нестерпимым открытием. Нет. Все обстоит гораздо проще и, может быть, даже обидней. Все, что будет говорить автор, по всей вероятности и даже несомненно, известно отделу здравоохранения и медицине.

И если автор имеет намерение говорить о таких вещах своим слабым, заплетающимся языком, то отчего не поговорить в доступной форме об интересных вещах, о вещах, которые всем любопытны и всем занимательны.

Люди в свободное от занятий время изучают литературу, говорят о музыке, собирают марки, сушат бабочек, букашек и разных там, я извиняюсь, навозных жучков, но автор подозревает, что единственная настоящая тема после политики (что, в сущности, будет в конечном счете почти одно и то же, ибо социальное переустройство общества ведет к новым, здоровым формам жизни, а стало быть, и к новому здоровью), – так единственная тема, которая у всех почти на уме, которая всем почти близка, и понятна, и необходима, как вода, как еда и как солнце, – это наша жизнь, наша молодость, наша свежесть и наше умение распорядиться этими драгоценными дарами.

10. ПОТЕРЯННОЕ ЗДОРОВЬЕ

Сколько мог заметить автор, здоровье, главным образом среди вышеуказанной интеллигентской прослойки, несколько ухудшилось и покачнулось.

Автор имеет подозрение, что здоровье, во всяком случае нервное здоровье, всех людей, всех категорий, всех стран и всех классов и состояний значительно снизилось за последние столетия.

В самом деле, иной раз просто с удивлением и тревогой читаешь старинные книги, где описываются похождения героев самых разнообразных классов и профессий.

Вот это были на редкость молодцы и здоровяки. Вот это были сильные и даже могучие характеры. Вот это были обжоры и пьяницы, какие нам и во сне не снились.

То и дело читаешь: "Он почувствовал жажду, освежился, выкушав две бутылки розового анжуйского вина, и, вскочив на лошадь, понесся галопом за своим оскорбителем..."

Ну-те, скажем, поднесите две бутылки анжуйского вина нашему человеку, нашему обитателю, проживающему в 1933 году. Он, пожалуй, после этого не только на лошадь не сядет, он, по всей вероятности, "мама" сказать не сможет. А приляжет подле своей лошади, проспится, поскрипит и поохает и потом только, приняв телегу, поллетится по своим делам, махнув рукой на своего оскорбителя, который, в свою очередь, увидя за собой погоню, небось уже драпанул за тридевять земель (VII).

11. БЕСПЛОДНЫЕ ПОПЫТКИ

Не будучи профессором, или там, скажем, академиком, или, например, даже аспирантом, автор, по некоторой своей наивности и некоторой доле нахальства, пытался все же разобраться, в чем состоит секрет, отысканный старцами.

И нельзя ли, поняв этот секрет, слегка приподнять завесу над неувядаемой молодостью и долголетием?

Но, естественно, ничего путного из этого не вышло.

Конечно, автор приблизительно понимал, что вся штука в каком-то плавном ходе нашей машины, нашего организма, в соответствии с плавным ходом общественной жизни, окружением и средой.

Но, с одной стороны, автор видел людей, плавно живущих и вскоре умирающих от пустяковой простуды, с другой стороны, приходилось видеть черт знает какую бурную и неравномерную жизнь в бурной и даже потрясающей эпохе, и тем не менее хозяин этой жизни жил, долго, превосходно и отличался примерным здоровьем и благополучием.

Тогда автор, не сдаваясь еще, стал присматриваться к работе, так сказать, отдельных частей нашего механизма и вообще к разным мелочам и мелочишкам, кои профессора могли, чего доброго, проглядеть, в силу своего высокого служебного и общественного положения находя их, ну, скажем, слишком пошлыми, мизерными, не возвышенными или даже просто унижительными для человечества и бурного роста всей христианской культуры, основанной на идеализме и на горделивом превосходстве против других животных, зародившихся, чего доброго, не в пример человеку, от плесени, воды и прочих гнусных химических соединений.

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko@mail.ru Нет, новых открытий в этой области автор, увы, не сделал, однако увидел много чего поучительного и достойного самого истинного удивления. И вот, прежде чем приступить к нашей повести, мы пожелаем кой о чем рассказать, без чего ну решительно нельзя будет понять всей истории человека, возвратившего себе молодость.

Мы расскажем пять небольших, но весьма забавных историйек, объясняющих основную суть дела. Эти историйки можно в крайнем случае читать с полным добродушием, как рассказы.

Первая историйка будет о том, как ведет себя человек, когда ему хорошо. Вторая историйка – о том, что делает человек, когда ему плохо. В третьей говорится о том, что делает человек для того, чтоб ему было плохо. А два последних забавных рассказа заставляют подумать о необходимости научиться управлять собой и своим на редкость сложным телом.

Итак, прослушаем пять рассказов. А засим мы приступаем к повести, до которой, как видите, не так-то легко добраться в силу на редкость трудной темы.

12. ЧЕЛОВЕК УЛЫБАЕТСЯ

Однажды автор зашел к одной знакомой даме по делу. И там, в ее комнате, увидел улыбающегося младенца, лежащего в люльке. Это был сын этой дамы.

Этот мальчик находился в том совершенно, так сказать, бессмысленном, зачаточном периоде своей жизни, когда никакого толка, никакой, казалось бы, улыбки или свинства нельзя было от него ожидать.

Да, правда, он был сыт и здоров. Он лежал в чистых, незамоченных пеленках. Легкое шелковое одеяльце, пошитое из мамино пальто, окутывало его малюсенькое, жалкое тельце. Кружевные штучки и цветочки были нашиты там и сям. И ничего – ни блоха, ни сквозняк, ни пыль, попавшая в носик, – ничего не тревожило этот крошечный микроорганизм. Он лежал, как было сказано выше, в люльке. Мама его стояла у окна, напяливая на пузырек новую соску. Радость и материнское удовольствие сияло на ее утомленном лице.

Автор, зайдя по делу, остановился у дверей, с чувством поглядывая на знакомую и даже классическую картину материнства и младенчества.

Вдруг автор, взглянув на малютку, заметил на его красноватой бессмысленной мордашке чего-то вроде подобия улыбки.

Черт возьми, да, это была улыбка. Это была продолжительная и не случайная улыбка. Она не была обращена ни к матери, ни к пузырьку с новой соской, ни к чему-нибудь определенному. Улыбка была сама по себе, как реакция каких-то, может быть, химических процессов, недоступных моему пониманию.

В этой улыбке светилось какое-то торжество жизни, торжество здоровья и благополучия.

"Что это значит?" – подумал я. И даже какая-то обида и недоброжелательное чувство шевельнулось в моей зачерствелой душе.

Что ж это значит? Чему улыбается эта маленькая дрянь? Ну, еще понятно, чему улыбается мать... Но этот маленький людоед... Мыслей у него нету. Что такое радость, дружба, любовь, деньги, наслаждение – он не понимает. Он никуда не смотрит. Он ничем не любит. Ничего не вспоминает. Тем не менее улыбка блуждает на его детском пустяковом личике.

– Чего он у вас улыбается? – спросил автор грубоватым, раздраженным тоном.

Мать, посмотрев на дитя счастливым замирающим взглядом, сказала: – Вполне здоровый ребенок. Чего ему не улыбаться?

Поговорив с мамой о деле, автор пошел домой, по дороге рассуждая о том, что хорошее здоровье и беспечная жизнь должны, вероятно, в самом деле сопровождаться улыбкой.

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
- Заметим себе это,- сказал автор, потирая руки.

13. ЧЕЛОВЕК ОГОРЧЕН

Однажды, несколько лет назад, автор видел в игорном * клубе игрока, который проигрывал. Это был немолодой мужчина довольно подловатой наружности - с рыжими усишками, в пенсне и с небольшой лысинкой.

Этот игрок здорово проигрывал. Он рылся яростно по карманам, выхватывал новую пачку денег и совал ее на стол с таким видом, будто хотел сказать: "Нате... Жрите... Давите меня... Топчите... Вырывайте сердце..."

Этот человек ужасно нервничал.

Его глазки метали молнии. Руки дрожали и не слушались своего владельца. Он орал, как баба, с каким-то даже повизгиванием в голосе, когда возникало какое-нибудь недоразумение.

В своем нервном возбуждении он вертелся на стуле. По временам вскрикивал. А когда сидел, то ухитрялся своими тощими коленями приподнимать край тяжелого дубового стола.

"Что это значит? - подумал автор.- Что за странное поведение у этого рыжего субъекта? Чего его, подлеца, вертит?"

"Это значит,- сказал себе автор,- что бывают обстоятельства, при которых наш организм работает на редкость плохо. Громадная энергия, возникшая при этом, пропадает как бы впустую. Она, вернее, тратится на черт знает что - на крики, суетню и даже, как мы видели, на поднятие столов и тяжелой мебели".

И вот, когда проигравший начал особенно визгливо орать на своего соседа, этакого молодого субъекта, видимо только что вступившего на жизненное поприще, сосед этот заявил с обидой в голосе, что он немедленно бросит игру, если этот проигравшийся психопат не станет проигрывать более корректно.

Но все люди, сидящие за столом, в один голос сказали: -Позвольте... В чем дело?... Помилуйте. Очень естественно. Человек проигрывается. Он нервничает. Волнуется. Нечего строить обиды и требовать невозможного.

"Эти-то дураки чего заступаются? - подумал автор.- А впрочем, вероятно, такая единодушная поддержка как раз и указывает на то, что эти крики, визг и бурные движения проигравшегося есть совершенно естественное и даже обязательное проявление организма, что так и должно быть, что это в порядке вещей и что, если бы этого не было, человек, вероятно, повредил бы себе свое внутреннее хозяйство и, быть может, помер бы от удара или от разрыва сердца" (VIII).

"Заметим себе это",- подумал автор. Как говорится в старинных романах: дайте руку, уважаемый читатель, мы пойдем с вами, побродим по улицам и покажем вам одну прелюбопытную сценку.

14. НЕ НАДО ИМЕТЬ ВОСПОМИНАНИЙ

Однажды летом на Кавказе автор зашел в зоологический сад. Собственно, это не был даже зоологический сад, а это был небольшой передвижной зверинец, приехавший на гастроли.

Автор стоял у клетки, набитой обезьянами, и следил за ихними ужимками и игрой.

Нет, это не были заморенные ленинградские обезьянки, которые кашляют, и чихают, и жалостно на вас глядят, подперев лапкой свою мордочку.

Это были, напротив того, здоровенные, крепкие обезьяны, живущие почти под своим родным небом.

Ужасно бурные движения, прямо даже чудовищная радость жизнь, страшная, потрясающая энергия и бешеное здоровье были видны в каждом движении этих обезьян.

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Они ужасно бесновались, каждую секунду были в движении, каждую минуту лапали своих самок, жрали, какали, прыгали и дрались.

Это просто был ад. Это был настоящий и даже, говоря возвышенным языком, великолепный пир здоровья и жизни.

Автор любовался этой картиной и, понимая свое ничтожество, почтительно вздыхая, стоял у клетки, слегка даже пришибленный таким величием, таким великолепием жизни.

"Ну что ж, - подумал автор, - если старик Дарвин не надул и это действительно наши почтенные родичи, вернее - наши двоюродные братья, то довольно-таки грустный вывод напрашивается в этом деле".

Вот рядом с клеткой стоит человек - автор. Он медлителен в своих движениях. Кожа на его лице желтоватая, глаза усталые, без особого блеска, губы сжаты в ироническую, брезгливую улыбку. Ему скучновато. Он, изволите ли видеть, зашел в зверинец поразвлечься. Он зашел под крышу, чтобы укрыться от палящих лучей солнца. Он устал. Он опирается на палку.

А рядом в неопишемом восторге, позабыв о своей неволе, беснуются обезьяны, так сказать - кузены и кузины автора.

"Черт возьми, - подумал автор, - прямо даже великолепное здоровье в таком случае я соизволил порастрясти за годы своей жизни, за годы работы головой".

Но не в этом суть.

Один посетитель зверинца, какой-то, по-видимому, перс, долго и любовно следивший за обезьянами, схватив без слов мою палку, ударил ею одну из обезьян по морде, не очень, правда, сильно, но чрезвычайно обидно и коварно, хотя бы с точки зрения остального человечества.

Обезьяна ужасно завизжала, начала кидаться, царапаться и грызть железные прутья. Ее злоба была столь же велика, как и ее могучее здоровье.

А какая-то сострадательная дама, сожалея о случившемся, подала пострадавшей обезьянке ветку винограда.

Тотчас обезьянка мирно заулыбалась, начала торопливо жрать виноград, запихивая его за обе щеки. Довольство и счастье светились на ее мордочке. Обезьяна, позабыв обиду и боль, позволила даже коварному персу погладить себя по лапке.

"Ну-те, - подумал автор, - ударьте меня палкой по морде. Наверяд ли я так скоро отойду. Пожалуй, виноград я сразу кушать не стану. Да и спать, пожалуй, не лягу. А буду на кровати ворочаться до утра, вспоминая оскорбление действием. А утром небось встану серый, ужасный, больной и постаревший - такой, которого как раз надо поскорей омолаживать при помощи тех же обезьян".

Нет, автор рассказал эту маленькую историйку вовсе не в христианском смысле и не с проповедью христианской морали - дескать, отойди от зла и, дескать, если тебя ударили по морде, то подставь еще что-нибудь подобное для удара.

Нет, автор презирает такую философию. Автор рассказал эту историйку всего лишь для того, чтобы показать, как работает здоровый мозг, не искушенный культурой, привычками и предрассудками (IX).

15. ХУДОЖНИК ХВОРАЕТ ТРИ ДНЯ

Но и это еще не все. И на этом еще не закончены наши рассуждения.

Автор желает рассказать еще две историйки, которые осветят дело с неожиданной стороны.

Автор хочет рассказать прежде про одного художника, который икал три дня.

Это было несколько лет назад, и автор в свое время чего-то такое писал про этот случай.

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Но грандиозность этой картины и неожиданные выводы заставляют автора еще раз коснуться этого исключительного обстоятельства.

Художник начал икать ночью. В точности неизвестно, с чего именно началась у него икота. Он утверждал, будто он босиком дошел до этажерки и взял почитать на сон грядущий книгу стихов Сельвинского. В общем, неизвестно.

Одним словом, он проснулся ночью от икоты. Он полежал некоторое время на спине, не обращая внимания на это сметное, в сущности, и вздорное человеческое свойство.

Однако икота не проходила.

Художник выпил водички, походил по комнате, покурил и, не слишком беспокоясь, завернулся в одеяло, надеясь заснуть.

Однако сон не приходил, и икота не исчезала. Поикав полчаса, художник в некотором страхе разбудил свою супругу и, бессвязно лепеча, начал объяснять ей, что с ним происходит.

Супруга, не найдя в этом факте ничего особенного и тем более такого, благодаря чему можно тревожить и стаскивать людей с кровати, побранившись, снова заснула, назвав мужа, перед тем как заснуть, тяжелым эгоистом, психопатом и нравственным уродом.

В общем, утро застало нашего художника сидящим на кровати. Он сидел, совершенно ошеломленный и потрясенный своей болезнью.

Он икал правильно, как какая-то неведомая машина, через каждые полминуты.

Он с грустью и со страхом поглядывал на собравшихся к нему родственников, которые были не менее его напуганы и шокированы такой странной болезнью. Он икал три дня, с короткими промежутками на сон. На второй день болезни родственники пригласили врача, который дал успокоительных капель и велел чем-нибудь поразвлечь больного, отвлечь его внимание от случайной болезни.

Родственники, во главе с плачущей женой, повели захворавшего в кино и потом в ресторан. Однако больной икал по-прежнему, вздрагивая всем телом, и совершенно безучастно относился и к зрелищу, и к еде, которая в изобилии была подана на стол. Он прекратил было икать, увидев поданный счет, но, проверив его и расплатившись, снова принялся за свое.

На третий день к вечеру икота прошла сама по себе. Вернее, вспылив и побранившись с женой, больной отвлекся от своей болезни и, неожиданно перестав икать, заснул, как камень, в своем кресле (X).

16. У КОРМЯЩЕЙ МАТЕРИ СКОНЧАЛСЯ РЕБЕНОК

Да, правда, художник этот был нездоровый человек. Он был неврастенический субъект с истощенным, ослабленным мозгом и с расстроеным воображением.

Но вот автор знал одну молодую, цветущую женщину. У нее помер двухмесячный ребенок.

Нет, мать не особенно страдала от этого дела. Да, конечно, она поплакала, погоревала, но успокоилась, сказав себе, что, может, это и к лучшему. Но не в этом суть.

Так вот, молодая, кормящая грудью мать теряет своего младенца. Он умирает у нее скоропостижно. Он простудился и вдобавок, кажется, еще проглотил какой-то металлический ключик.

И вот тут происходит такая любопытная история. Дня через три после гибели малыша молодая осиротевшая мать замечает, что грудь ее все больше и больше набухает. Появляются боли, лихорадочное состояние, общее недомогание. И температура тридцать семь и семь.

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Сильная боль в груди заставляет тогда молодую даму отцедить немного молока. Она отцедила молоко раз и два. Потом стала отцеживать ежедневно. Причем видит, что количество молока не только не уменьшается, а, напротив того, даже как бы увеличивается все больше и больше. И вот она стала отцеживать почти по стакану в день, а после и больше.

Сначала это молоко выбрасывалось. Потом крайне рассудительный и бережливый супруг этой женщины, огорченный бессмысленной тратой столь драгоценной и полезной влаги, стал выпивать его.

Он выпивал это дамское молоко, давясь от отвращения и гадливости.

Первое время его мучило и даже рвало. Но он пускался на всякие хитрости, чтобы перебить природное отвращение. Он посыпал свой язык солью и перцем и зажимал нос пальцами, когда подносил стакан к своему рту.

И, выпив молоко, он как сумасшедший прыгал по комнате, отплевываясь и ругаясь, крича, что у козы и то молоко значительно вкусней и полезней для организма.

Но потом он привык к этому молоку, вошел во вкус и не прибегал к острым специям. И пил попросту и без затей, съедая при этом кусок хлеба, булку или пряник. Так проходят две недели.

Муж, конечно, пьет молоко, поправляется и даже посмеивается над своей супругой, говоря, что она, по-видимому, темными силами природы превратилась в особый вид коровы и что, вероятно, это будет продолжаться еще не менее года, поскольку природа не очень-то входит в рассуждения и не запрашивает родителей, нужно ли им молоко или, может быть, прекратить его доставку.

И вот идет третья неделя.

Молодая женщина ежедневно отцеживает молоко, и муж, возвращаясь со службы, выпивает его, капризная иной раз и фигурия и делая грубые замечания по поводу того, что молоко как будто жидковатое и количество его несколько меньше, чем обычно это дают обыкновенные козы и коровы.

Наконец, огорченная насмешками и замечаниями, молодая дама приглашает в отсутствие мужа врача и, стыдясь, просит его как-нибудь медицинским способом прекратить ненужный поток.

Врач, осмотрев больную, удивляется ее неопытности и туго перевязывает ее грудь бинтом, говоря, что тем самым он механически закрывает доступ и прекращает заготовку молочной продукции, перебивая инерцию, которой сейчас не требуется.

Так проходит несколько дней. Молодая дама, перенесши легкую лихорадку, перестает давать молоко, к глубокому огорчению мужа, который за последние дни прямо даже пристрастился к бесплатному напитку и заметно округлился в теле. И в силу этого он возненавидел врача, пообещав при случае набить ему морду и спустить с лестницы.

Но потом он утешился, увидев, что супруга его стала заметно меньше кушать.

Тут, похвалив природу за коммерческую справедливость и отсутствие грубого надувательства в области обмена веществ, муж перестал пилить жену и к врачу, который зашел понаведаться, отнесся с полным уважением и почтительным доверием.

Эту историю мы рассказали неспроста. Этим автор хотел еще раз сказать, что не только при слабом мозге, но и при полном здоровье надо уметь управлять своим организмом и надо уметь вовремя перебивать инерцию, так как мозг сам по себе не всегда интересуется, нужна ли та работа, которой он заведует.

17. АВТОР ВСТРЕЧАЕТСЯ С ЧЕЛОВЕКОМ, КОТОРЫЙ ВЕРНУЛ СВОЮ МОЛОДОСТЬ

На этом заканчиваются наши научные объяснения.

Все, что видел автор, и все, что он рассказал сейчас, – все эти отдельные сценки и эпизоды, все эти мелочи, достойные скорее врача, чем писателя, не объясняют в достаточной мере того, чего нам хотелось.

Автор присматривается к этим мелочам, надеясь из всего этого чего-то сделать, чего-то установить, определить, вывести один какой-то закон поведения, одно правило, по которому следует вести свою жизнь.

Но практически из этого ничего не выходило. Все рассыпалось в руках автора. Каждое обстоятельство было правильно и справедливо само по себе, но вместе ничего не выходило, и секрет неувядаемой молодости и свежести терялся в неизвестности.

Автор хотел все это отложить и обо всем этом подумать под конец своей жизни, так сказать – умудренный опытом.

Но года два назад произошла одна встреча, благодаря которой многое стало ясным и доступным пониманию.

Автор встретил одного человека, который до некоторой степени открыл секрет своей молодости. Нет, это не был, вероятно, тот секрет, которым владели великие люди. Но все же это был секрет, благодаря которому человек после целого ряда неудач и даже катастроф возвратил свою утраченную молодость. Этому человеку было пятьдесят три года. Он уже как будто примирился со своей судьбой. Уже вялые его движения, уже седые волосы, уже потухшие глаза все говорило за то, что песенка его спета.

И, понимая это, человек как бы покорился и безропотно подставил себя под последние удары жизни.

Он вяло и медленно ходил, с тупым безразличием неся свое выпуклое брюхо и свою поникшую голову. Он бормотал что-то про себя, покачивая своей вялой головой. И, казалось, ничто более не оживит этого дряхлеющего тела.

И только по временам, скорей механически, чем с чувством, сожалея о своей потерянной молодости и о безвозвратно прошедших днях юности, он хватался за голову, не понимая и не умея понять, с чего ему начать, чтоб задержать свою жизнь, и стоит ли ему начинать или начинание это ни к чему не приведет. Дайте руку, уважаемый читатель, – мы поедем с вами в Детское Село и посмотрим, что сделал этот человек, для того чтобы вдохнуть жизнь в свое разрушенное тело и вернуть свою молодость.

18. ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ

Этому человеку было пятьдесят три года. Он был ученый человек, получивший высшее образование и имеющий разные дипломы и заграничные командировки.

Он имел довольно редкую у нас в Союзе профессию – он был астроном.

О нем будет в дальнейшем большая речь, о нем автор расскажет подробно и обстоятельно. А пока мы желаем рассказать вообще, об общем положении и о том, как и при каких обстоятельствах мы встретили этого человека.

В августе 1931 года автор на время поселился в Детском Селе.

Утомленный бессонницей, ежедневной работой и разными личными делами, автор на время скрылся из Ленинграда и случайно, по знакомству, получил небольшую комнату во временное пользование. Эта комната была как раз в квартире этого человека, вернее – во втором этаже небольшого домика, который был в аренде у этого ученого профессора.

Автор не хотел близко знакомиться с ним, и не искал этого знакомства, и даже избегал его, но близкое соседство невольно делало автора свидетелем и наблюдателем того, что происходило в этом доме.

Первое время автор даже не наблюдал, даже не присматривался ни к чему, даже избегал разговоров и встреч. И только иной раз прислушивался к заунывной музыке, которая доносилась к нему снизу.

Этот человек имел привычку ежедневно играть на рояле. Он играл почти каждый вечер час или два.

И первое время это обстоятельство сердило и раздражало автора. Этот человек, как нарочно, выбирал самые грустные, самые печальные мелодии, чем приводил автора иной раз в полное исступление. Он играл грустные романсы Чайковского и разные там прелюдии и этюды Шопена – музыканта, который от чахотки и меланхолии умер в тридцатидевятилетнем возрасте.

И автор, лежа на своей кровати, невольно прислушивался к этим печальным звукам и видел в них грустную старость, увядание, желание умереть и то необычайное примирение с судьбой, от которого автор бежал и чему автор хотел сопротивляться. И, слушая эти мелодии, автор, вероятно, в сотый раз думал о печальных днях старости и увядания и о смерти, которая, может, уже стоит за плечами этого игравшего на рояле человека.

Нет, смерть никогда не страшила автора. Но вот увядание, дряхлость. Раздраженные нервы. Тусклый взгляд. И печальная морда. И набрякшее брюхо. И утомленные мускулы. Вот что приводило автора в страшное беспокойство, и вселяло тревогу, и заставляло думать об этом день и ночь.

19. ЯБЛОНИ ЦВЕТУТ

И, думая об этом, пытаюсь понять, в чем же дело, желая узнать, какую ошибку совершают люди, что уже в тридцать пять лет к ним приходит увядание, автор бегал по комнате и закрывал свои уши руками, чтоб не слышать больше заунывной музыки, звавшей к покорности, безропотности и тому отчаянию, которым был полон и этот стареющий профессор, и тот музыкант, сочинивший уже мертвыми руками эту торжественную музыку своей близкой гибели.

Профессор играл, по временам делая паузы, как бы думая и оплакивая свою судьбу.

Да, в самом деле. Как не хочется умирать. И как желательно задержать свое увядание.

Какие прелестные вещи происходят на свете. Какие милые вещи творятся на каждом шагу. Как весело и интересно работать. Какие акварельные картинки отдыхают рисуются автору в его утомленном мозгу.

Вот пастух гонит стадо. Щелкает бичом. Солнце садится за лесом. Огород. Пугало машет руками. Птицы летают.

Яблони стоят в белом цвете. Река течет. Скамейка под деревом. Мельница машет крыльями.

Как! И на все это глядеть потухшим взором? Во всем видеть надоевшие, скучные и досадные картинку? Вот она, старость. Вот увядание. Вот презренные годы, которые костлявой рукой берут за горло.

Девушка, повизгивая, купается в пруде. Ее подружка, утомленная, лежит на траве, и платье прелестными складками покрывает ее юное тело.

Вот ворона клюет мусор. Бабочка летит. Крестьяне на телегах едут в поле. Гармоника раздается.

Нет, невысказанно, невозможно писать о таких вещах. Невысказанно даже на минуту представить все это в скучном виде, в досадном освещении.

Все прекрасно и даже величественно на свете. Все замечательно нравится. И все должно нравиться до последних дней, до самого последнего дыхания, до последнего туманного взора.

Как же это сделать? Как достигнуть этого, как сохранить свою юную свежесть и впечатления до конца дней?

Нет, автор не стремится жить до ста лет. Но он до ста лет желает сохранить свою юность и свою молодость.

Автор не знает, о чем думал этот стареющий человек, играя на пианино. Автор предполагал, что он думал об этих вещах – о своей неприглядной старости, о своем

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
утомлении и о своем желании задержать это страшное разложение и распад.

20. ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ ВОЛОСАТОВ

Итак, этот стареющий господин, этот ученый педагог и астроном жил в Детском Селе, в местах довольно поэтических, красивых и даже восхитительных, вблизи бывшего царского парка.

Он жил в небольшом домике с прелестным видом на фонтан и на разные клумбы, дорожки и деревья. Гуляющая публика, проходя мимо, восторгались исключительной красотой мест, но сам профессор, по привычке, не обращал внимания на эту красоту и несколько даже удивлялся, когда ему об этом говорили.

Он жил здесь совместно со своей семьей, которая состояла из стареющей супруги, двух взрослых детей и домработницы.

Он ездил читать лекции в Ленинград. И каждое утро, вставая, проклинал эту обязанность, бормоча ругательства и выражая свое недовольство.

И, видимо, страдая душой и болея телом, он кряхтел, пыхтел, вздыхал и охал, напяливая на ноги башмаки. И, шаркая ими, шел мыться и оправляться, на ходу говоря домработнице: "Соня, дайте же мне чаю. Я скоро уйду".

И каждое утро было в точности похоже одно на другое.

Да, это было скучное пробуждение, скучное утро скучной и унылой жизни человека, который не ожидает уже больше от дальнейшего никаких сюрпризов, никаких неожиданностей и ничего хорошего.

Мы не хотим, конечно, назвать настоящую его фамилию, да и не можем, так сказать, обнародовать и выставить на всеобщее любопытство его подлинное имя. Мы назовем его Василий Петрович. И придадим ему фамилию, ну хотя бы Волосатов.

Конечно, можно бы потрудиться и придумать фамилию более красивую или более оригинальную, а не брать столь случайное, ничего не обозначающее наименование. Однако можно привыкнуть и к этой фамилии.

Такая, скажем, блестящая и сияющая, как фейерверк, фамилия Пушкин мало обозначает чего хорошего, если от нее немного отвлечься и если отойти от привычки к ней. Это будет средняя фамилия из батальной жизни, вроде Ядров, Пулев или Пушкарев.

А между тем эта фамилия благодаря великим делам засияла, как фейерверк, как комета на небе и как солнце в мировом пространстве.

А такая благозвучная фамилия, как Долгоруков, если опять-таки отвлечься от привычки и чуть сместить обозначения, получится просто дрянная, не дающая радости своему владельцу – Длиннорукий.

Нет, нам сдается, эта фамилия Волосатов – фамилия правильная и подходящая.

А если кому-нибудь она все же покажется смешной и если кто-нибудь увидит в этом склонность автора выставлять все, так сказать, святое в пошлом, комичном и мизерном виде, то на всякий случай вот вам еще фамилии и имена.

Отличное, мощное и красивое имя римского императора – Калигула обозначает всего-навсего "солдатский сапог". Имя другого римского императора Тиберия – означает "пьяница". Клавдий – "разгоряченный вином". Дивное, поэтическое наименование Заратустра, рисуящее нам нечто возвышенное, поднебесное, обозначает, увы, в переводе с арабского "старый верблюд". Мечта поэтов и желание многих дам называться хоть сколько-нибудь похожей фамилией Боттичелли – в переводе на наш скромный язык означает всего лишь маленькую бутылочку или посудину. И, стало быть, сама фамилия будет по-нашему Бутылочкин или Посудинкин. Эдип – "опухшие ноги".

Знаменитый художник Тинторетто – значит "маляр", "красильщик". Замечательный писатель Вассерман – Водянкин или там Водовозов. И даже фамилия политического деятеля Пуанкаре означает примерно-Кулаков ("квадратный кулак").

Учительница французского языка, когда автор учился в школе, имела прелестную фамилию Матино, что чрезвычайно шло к ее задорному французскому личику. Однако если эту фамилию, так сказать, перепереть на язык родных осин, то это будет просто нечто даже недостойное – дворовая собачонка. Или, значит, по-нашему, – Дворняжкина. То-то здорово! То-то огорчение для любителей заграничной красоты и эстетики!

Нет, мы решительно не нарушаем мирового порядка, придавая нашему герою скромную фамилию Волосатов, что по-французски будет, если хотите, мосье Шве. А по-немецки – господин Харман. А по-итальянски, может, черт его знает, Беатрисини, или, скажем, Солио, или Дидини. Я не знаю.

Одним словом, Василий Петрович Волосатов жил в Детском Селе вместе со своей семьей.

Жена Екатерина Сергеевна, пятидесяти лет, сын Николаша, девятнадцати лет, и, наконец, дочка, взрослая девица, научный работник и литературовед, Лидия, или, проще, Лида – вот какова была семья у нашего стареющего профессора.

Его, между прочим, называли в семье не Вася, и не папа, и не Василий Петрович, его называли очень странно и даже несколько необычно, его называли Василек.

– Вот и Василек приехал, – говорила Лида, увидев папу.

– Василек, иди обедать, – звала супруга. И даже домработница, правда, конфузясь, называла его за глаза Васильком, хихикая при этом и покачивая головой, – дескать, выдумали, черти, бесятся от излишнего жиру.

Это миленькое и радостное наименование чрезвычайно не подходило к стареющему, обрюзгшему человеку, потерявшему сияние молодости и свежести.

Автор не знает, как возникло это имя. Быть может, сердобольная мама, нежно целуя и лаская миленького ребенка, ужаснулась вдруг простоте имени и стала называть его этим забавным уменьшительным аллегорическим словом. Но скорей всего, хочется думать, так назвала его собственная супруга в счастливые годы молодости и юности. Быть может, они только что поженились. Быть может, они сидели на балконе и глядели на море и на закат солнца. Чудный воздух струится. Темнеющее небо без одного облачка. Прибой моря. Парус где-то далеко.

Ах, автору живо представляется эта счастливая картина!

Они сидят на балконе и любуются красотой природы. Ему двадцать три года, ей двадцать.

Он крепкой загоревшей рукой обнимает ее тонкий стан. Она, склонившись головкой, полулежит на его плече. Ей чудно и хорошо. Жизнь кажется волшебной сказкой. Рядом сидящий муж – древним героем, ведущим ее к неслыханным идеалам и к удивительной жизни. Помимо заката, ей, быть может, добавочно рисуются какие-нибудь там цветки, мотыльки, жучки, какое-нибудь там поле, даль, васильки, тюльпаны и белые лилии.

Она томно закрывает глаза. Муж бормочет ей нежные слова, называя ее Катюшечкой и мамулечкой. Вдруг, капризно надув губки, она восклицает, поглядев на мужа:

– Как глупо, что тебя назвали – Вася. Это прозаично, Вася, Васюк, Василий... Так было бы хорошо, если б у тебя было имя Митя или там Петя. А то – Вася.

Пропадает вся иллюзия, и не хочется даже глядеть на закат.

Ах, он конфузится, лепечет то и се, улыбается, говорит: вздор, дескать, ну как же, помилуй... Ну что ты, ей-богу... Ну почему же... Вот были же великие люди... Тоже среди них были Василии... Но тут, кроме Василия Блаженного и дяди Пушкина, Василия Львовича, он никого не припоминает и, сконфузившись, смолкает.

Тут она, несколько оживившись, вспоминает, что да, действительно, вот и с маминной стороны был дядя Василий, и он тоже жил довольно хорошо.

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
И после небольшой паузы, поглядев на заходящее светило и на роскошную южную растительность, она задумчиво говорит:

-Знаешь что, тогда я, пожалуй, буду называть тебя Васильком, а? Вот имя, которое к тебе подходит.

Он глупо смеется, обнимает ее и целует. Он похлопывает ее по розовой щечке, треплет ей волосы, дует ей в розовое ушко и говорит: "Ах ты моя крошечка. Ах ты моя умница". И, не доглядев заката, ведет ее в комнату, говоря, что, какие бы у них ни были имена, они все же самые счастливые люди на земном шаре.

Тут она падает ему на грудь и, всхлиывая от восторга, целует его лицо солеными от слез губами, бормоча:

"Васюта, Василек, Василечек". И он говорит: "Ну ладно. Чего там... Пойдем сюда..." И, задыхаясь от радости, кричит: "Катя! Катюша! Екатерина!.."

Ах, только приближаясь к сорока годам, можно оценить всю радость этих юных лет за те, быть может, глуповатые и смешные минуты, когда они ничуть не кажутся смешными.

Так вот, Василий Петрович Волосатов назывался в семье по сложившейся привычке Васильком.

А сам он был старый, увядший, больной, раздраженный и почти погибший.

И, казалось, только в насмешку можно было дать ему это сияющее имя.

21. ЕГО НАРУЖНОСТЬ И НРАВСТВЕННЫЕ КАЧЕСТВА

Итак, он был старый, больной и утомленный. Grimаса недовольства как бы застыла на его лице. Глаза стали пустые и равнодушные. Щеки висели складками. Шея покрылась морщинами. Седые усы поникли книзу. Кожа потеряла блеск жизни. И он ходил медленно, вяло передвигая ногами, выпятив живот и распустив губы, как это делают беременные женщины.

Короче говоря, это был среднего роста пузатый усач с лицом бледным и равнодушным, достойным жалости и медицинских советов.

А между прочим, в комнате на стене висели две фотографии, на которых его запечатлели в момент сияющей молодости.

Как странно и любопытно глядеть. Какая удивительная разница. Какая страшная перемена.

Вот он снят как будто бы за границей. Стоит около киоска с цветами. Голова слегка закинута назад. Сам тонкий, как тростинка. Черный плащ небрежно брошен на руку... Соломенная панамка с пестрой лентой. Усики топорщатся кверху. Легкая самоуверенная улыбка играет на его лице. И кажется, что ему море по колено, все трын-трава и жизнь перед ним в изобилии рассыпает блага и радости. "А вот еще фотография.

Вот он снят со своей молодой невестой. Черный фрак. Стоячий воротничок. Маргаритка в петлице. Молоденькая невеста, прелестная, как куколка, завернута в разные немыслимые кисейные штучки и воланы. Глазки у ней вытарашены. Ротик полураскрыт. Нежная ее лапка покоится в его мужественной, загорелой руке... И сама молодая невеста припала головой к его плечу, как бы ища защиты от предстоящих бед, несчастий и битв жизни.

А он и тут немножко наглый, самоуверенный, с победоносным взглядом мол, ничего... обойдется... как-нибудь проживем... чего там расстраиваться и раскисать... было бы здоровье и молодость.

Ах, как, вероятно, нехорошо владельцу фотографии глядеть на свою пропавшую молодость! Как небось замирает сердце и как многое, вероятно, хочется отдать, чтоб хоть на короткое время вернуть потерянное.

Короче говоря, у этого человека прошла молодость, миленькая невеста с

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru вытаращенными глазками превратилась в черт знает что – в даму в пенсне с синеватыми губами. Весь восторг молодости сменился равнодушием и по временам желанием поскорей закончить неудачную игру.

Вот каков был профессор в тот год, о котором идет речь.

Что касается его нравственных качеств, то тут, к чести его надо сказать, он был на большой высоте.

Он был из тех хороших людей, которые проживали до революции в нашей стране, страдая и огорчаясь, видя безобразие строя, страшную несправедливость и вопиющее неравенство. Он был в душе горячим и пламенным революционером, пока не пришла революция. И он мечтал о равенстве и братстве, пока не наступило социальное переустройство.

Этот профессор и звездочет был мечтатель и фантазер, не любящий грубых объятий жизни и ее пошлой действительности.

Тем не менее он был хороший человек – отзывчивый и справедливый, вечно за что-нибудь страдающий, полный беспокойства, тревоги и ожиданий.

Он расстраивал свое сердце по малейшим пустякам. Он волновался, если где-нибудь плакал ребенок. Он ходил по саду, стараясь не раздавить лягушку или даже червяка. Он тревожился, если дочь Лида опоздала со службы и не вернулась с ее обычным поездом. Он тогда с беспокойством ходил по саду, вздыхал, заламывал руки, считал до тысячи и, не дождавсь, плелся на вокзал, желая уторопить события или услышать, что никакой катастрофы не было в этот день.

И, встретив дочку, он хватал ее за руку, бормоча и смеясь, говоря: "Ну, боже мой, как же так можно пугать отца, ведь он думал, невеста что случилось".

После чего он снова впадал в равнодушие и, сонный, плелся за дочкой, брюзжа что-то себе под нос.

Что же касается его ума, то он был, вероятно, умный человек, иначе, надо полагать, он не сумел бы вернуть свою потерянную молодость.

Впрочем, об уме говорить трудно. Понятие это весьма запутанное и неопределенное.

Еще в молодые годы автор отлично умел разбираться, кто умен, а кто глуп. А сейчас автор не решается давать свои оценки и определения. Честно говоря, автор слегка запутался в этих определениях.

Иная пустыньская девица, щебечущая о природных свойствах жизни, кажется автору мудрейшей особой. И жучок, при виде врага притворившийся мертвым, вызывает у автора чувство удивления и восторга.

А староватый философ, рассуждающий о разных психологических тонкостях и вывертах, кажется иной раз набитым дураком, болваном, фразером и пустомелей, не видящим дальше своего носа.

Автор, между прочим, знал одну собаку, от которой все были в крайнем восторге. Владелица этой собаки, какая-то бывшая дама-патронесса, невероятными красками описывала умственные свойства своего четвероногого друга.

-Только что она не говорит, – рассуждала дама со слезами на глазах. – А так во всем остальном собака ни в чем решительно не уступает мне самой.

И действительно, собака была из тех смысленных псов, которые чего-то такое понимают.

Этому псу клали на морду, на кончик носа, хлебный шарик – и пес не трогал, покуда не получал разрешения.

Собаку научили таскать корзину и даже полоскать белье. Ухватив зубами какие-нибудь панталоны, она полоскала это в пруде, ворочая мордой то туда, то сюда.

Собака приносила спички из кухни и туфли из-под кровати.

А однажды, когда проехал автомобиль по шоссе, собака с лаем бросилась из сада и с рычанием пыталась схватить зубами резиновую шину. "Стало быть, подумал автор, - псина-то ведь ни черта не смыслит. Стало быть, она не только не понимает, что это есть нечто неживое, машина, автомобиль, который нельзя укусить, а стало быть, она вообще ничего не понимает. Мрак и невероятная путаница царят в этом собачьем мозгу..."

Нет, автор с осторожностью говорит, что есть ум и что есть глупость (XI).

22. ЕГО СЕМЬЯ, РОДСТВЕННИКИ И ВООБЩЕ ЗНАКОМЫЕ

Теперь представим по порядку родных и знакомых нашего профессора.

Вот прежде всего и, так сказать, первым номером нашей программы идет его мадам, его супруга и подруга его жизни, с которой он, себе на удивление, прожил двадцать пять лет.

Это была небольшого роста высохшая дама в пенсне, незаметная в смысле наружности, а также в смысле душевных качеств.

Она в своем доме как бы даже не существовала. И только время от времени проявляла признаки жизни - бранясь с кем-нибудь из соседей, с домработницей или с дворником. При этом она поднимала рев и визг, крича мужу, что ее оскорбляют и он, мужчина, должен за нее заступиться. На что профессор в молодые годы говорил: "А ты отойди, не обращай внимания". А в старости говорил: "А уйди ты, матушка, знаешь ли куда..."

Не привыкшая работать и тем более служить, она прожила двадцать пять лет за спиной мужа, и у ней было только и делов, что распорядиться насчет обеда или сшить себе новый капот.

За двадцать пять лет она едва-едва родила пару детей да сделала один аборт. Вот и все, что она сделала в своей жизни.

А остальное время она ничего не делала. Впрочем, в молодые годы она бурно ревновала своего мужа к каждой даме, закатывая сцены, истерики и драмы. А к сорока годам весь ужасающий остаток своего времени она посвятила гаданию на картах и пасьянсам, которыми она занималась до глубокой ночи.

Она имела в этом даже некоторую сумасшедшую страсть. И гадала, и раскладывала карты решительно на все и даже на самые пустые, вздорные вещи ну, вроде того, что скоро ли подадут обед, пойдет ли сегодня дождь, вернется ли когда-нибудь свободная торговля и получит ли муж деньги. Ну, и так далее, и тому подобное, и прочее - вообще чушь и дребедень.

И, прожив с ученым мужем двадцать пять лет, она так ничему и не научилась и ничего не поняла, хотя иной раз и любила вставлять в разговор какоенибудь астрономическое понятие - там, Сатурн, Уран, Млечный Путь, протуберанцы и так далее. И даже, правда изредка, затевала и разговор на сложные темы, отчего профессор махал рукой и уходил в свою комнату, где закрывался на крючок и не выходил иной раз до другого дня.

Тем не менее у ней были славные дети. Особенно на редкость симпатичная была старшая девочка Лида, которой в настоящие дни было двадцать три года. Она окончила университет и с самых молодых лет всецело стояла на платформе советской власти. И в этом смысле пикировалась со своим отцом, упрекая его в реакционности взглядов и отсталости.

Нет, она не отличалась красотой и женской прелестью. Она была несколько неуклюжа, с мужскими движениями и угловатыми манерами. И мужчины не посматривали на нее туманными глазами.

В силу чего она все помыслы своей жизни посвятила работе и общественным нагрузкам. Она была активисткой, ударницей и энтузиасткой.

Второй ребенок - девятнадцатилетний мальчик Коля - был болезненный юноша, проводивший большую часть своих дней в больницах, санаториях и домах отдыха. О

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko11.ru
нем не будем говорить. Ему, увы, надлежало вскоре умереть.

Вот какова была семья у профессора. Что касается его родственников, то родственников было немного – брат профессора, известный врач-гинеколог, работающий на крупном строительстве, да две-три племянницы, о которых в силу экономии бумаги говорить, конечно, не приходится.

Что же касается его знакомых, то знакомых профессор порастерял за годы революции. А переехав из Ленинграда в Детское Село, профессор и вовсе остался без знакомых, не стараясь, впрочем, завязывать новые знакомства и отыскивать прежние.

На службе профессор близких отношений ни с кем не имел и, кончив дело, уходил, торопясь поспеть на поезд.

Вот примерно какое окружение было у профессора. Одним словом, у него не было ни близких, ни друзей, ни приятелей. У него не было даже какой-нибудь паршивой собаки или овцы, с которой он мог бы пойти погулять.

У них была кошка. Пустое и вздорное животное.

Ничтожная тварь, которую профессор весьма не любил и при случае всегда ее сгонял с места газетой, книгой или даже локтем, где бы эта тупая тварь ни расположилась.

Да, он был, в сущности, очень одинокий человек. И это было тем более странно, что он сумел вернуть свою молодость.

23. ЕГО СОСЕДИ

Ах да, мы позабыли сказать о его соседях. Вот случайное знакомство, сыгравшее значительную роль в его жизни.

Итак, стало быть, вот еще несколько описаний и характеристик, после чего мы приступаем к главным событиям.

Одним словом: уже видны, так сказать, берега нашей занимательной повести. И автор просит читателя умерить досаду на него за его склонность к отвлеченным беседам и рассуждениям.

Итак, о соседях. Эти соседи носили фамилию Каретниковы. И принадлежали к канцелярскому миру.

Сам товарищ Каретников был бухгалтер. И его супруга служила в "Электротокке". Этот бухгалтер был еще нестарый человек, лет сорока восьми, потерявший совесть на своей профессии. Это был весьма молчаливый субъект с песьяком на глазу. И к тому же, говорят, полный импотент, неврастеник и психопат, думающий только о своей болезни и недомоганиях.

Его супруга была дама, так сказать, совершенно в обратном смысле. Это была пышная особа, цветущая и здоровая, любящая нравиться мужчинам, пустившаяся во все тяжкие на склоне лет.

Любовник у нее был некто такой Кашкин, без стеснения носивший свою весьма неважную фамилию.

Это была мрачная личность. Такой плешивый, не с усами. Арап и прохвост. Беззастенчивый жулик. Такая веснушчатая кожа. Широкий нос. И короткие руки с кривыми пальцами. Он служил на коннозаводе не то кем-то, не то чем-то, не то черт его разберет кем – каким-то, кажется, объездчиком.

Во всяком случае, он ходил на раскоряченных ногах, усы носил стоячие, и пес его знает, чего он там делал, на этой службе.

Этот мерзавец, любивший поговорить о том о сем, был откровенный негодяй. Он открыто высказывал свои политические взгляды и воззрения и в своем цинизме превосходил все, до сих пор живущее на земле.

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru Он говорил, что он прежде всего хочет жить. А все остальное существует для него постольку-поскольку и отчасти как нечто мешающее его жизни. На все остальное ему решительно наплевать. Ему наплевать на мировые проблемы, течения и учения. Что касается взглядов, то он, знаете, не вождь и не член правительства, и, стало быть, он не намерен забивать свою голову лишними взглядами. И вместо этого он лучше подумает о личных делах и удовольствиях и о собственном строительстве жизни. И вообще, он, между прочим, признает каждое правительство, которое стоит у власти, и каждое правительство он согласен горячо приветствовать.

Эту свою гнусную идеологию он прикрывал исторической необходимостью, говоря, что случайно ничего не бывает и если кто у власти, тому, стало быть, и предназначено историей стоять у власти и заворачивать делами.

Вообще, он жил, не слишком задумываясь, беспечно и жизнерадостно, отличаясь крайним здоровьем и умением распоряжаться людьми. В этот же дом он приходил как в свой собственный, обжирая хозяев и командуя всем их бытом.

Затем шла единственная дочка Туля. Такая красивая, миловидная барышня с дивными ресницами и тоненькими бровями.

Этой последней было девятнадцать лет. Воспитанная в самые тяжелые годы гражданской войны, когда люди кушали овес, картофельную шелуху и турнепс, она тем не менее выросла краснощекой, цветущей и круглолицей, как будто вскормленная мягкими булками, пирожными и ананасами.

Ее прелесть и красота сослужили ей, впрочем, плохую службу. Было слишком много соблазнов и выбора. И к девятнадцати годам она уже успела переменить пять мужей и сделать семь или восемь абортот.

И в настоящее время она вновь проживала на девичьем положении у своих родителей.

Это была, в сущности, пустенькая барышня, с головой, всецело набитой крепдешинном, тюлем, отрезами шелка, комбине, чулками и прочим дамским гарнитуром.

Ее главное желание было – ничего не делать, кушать экспортное сладкое и лежать, выслушивая разные комплименты, обещания, предложения, просьбы, требования и восклицания.

Круглая мордочка, как луна. Черные, слегка навывкате глаза. Чувственный ротик, подмалеванный и подрисованный. Широкие бедра и пышный бюст. Круглые плечики и стройные ножки. Тут было от чего сходить с ума и добиваться ее благосклонности.

Нет, она не была продуктом социалистического общества. Она возникла как реакция каких-то таинственных и сложных процессов жизни. Она не укладывалась в рамки советской действительности.

Она была рождена для капиталистического строя. Ей нужны были коляски и автомобили, горничные и девчонки со шляпными коробками. Ей нужны были

франтоватые мужчины с хлыстиками и моноклями. Маленькие собачки в синих шерстяных накидках. Швейцары, вежливо открывающие двери. И почтительный шепот восторга, восхищения и зависти перед ее богатством и миловидностью.

Нет, она ничего не знала об этой жизни и никогда ее не видела. Но она догадывалась, и мечтала, и рисовала в своем воображении картины пышной роскоши и сказочного великолепия.

Ее не коснулось дыхание современности. Она не поняла и не оценила достоинств новой жизни. Она считала эту новую жизнь как временное несчастье, как заминку в делах, как некоторое, что ли, личное невезение, которое пройдет, и тогда наступит то, что было раньше и что будет всегда.

Тем не менее она рано поняла все свои возможности, которых было в настоящее время не так-то много.

Она поняла, что ей не разбогатеть в социалистическом обществе, что мужчины, даже если их будет полтора десятка, не смогут, по крайней мере сегодня, сложившись,

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
создать ей пышную, сказочную жизнь.

Она стала тогда присматриваться к тем мужчинам, которые имели видное положение, ромбы или шпалы на петлицах или какие-нибудь значки, отличающие их от простых смертных, полагая, что, шагая через таких как бы со ступеньки на ступеньку, она сумеет выбраться на гребень жизни. И тогда там, наверху, она расправит свои крылышки и продиктует миру свои диковинные условия.

Тем не менее ничего подходящего она не находила. Она встречала трудовую жизнь, ограниченный заработок и погруженных с головой в работу людей. Она согласна была ждать и надеяться.

Она по своей неопытности наделала много ошибок. Первые ее мужья были молодые юнцы и мальчишки, которые прельщались ее красотой и мечтали о том, что она будет ихней подругой и достойным товарищем, с которым можно, так сказать, идти рука об руку к светлому будущему.

Между тем с первых же дней она высказывала такое отчаянное пристрастие к деньгам и нарядам и такое, можно сказать, яростное, исступленное устремление ко всем материальным благам, что молодые влюбленные мужчины с первых же дней испуганно смотрели на нее и били отбой, понимая, что она запутает их и доведет до тюрьмы и до черт знает чего. Все пятеро мужей, в разное, конечно, время, бросили ее на второй и на третий месяцы.

Она всякий раз с плачем возвращалась домой, где находила свою девичью комнатку нетронутой. Эту комнату родители сохраняли для нее, так сказать, на всякий пожарный случай. И таких случаев было уже пять.

Папаша-бухгалтер, занятый лечением своих недугов, безразлично относился к возвращению своей дочери. Он говорил: "А, это ты... Вернулась?" И снова погружался в свои думы или в свое лечение.

Мамаша ахала и вздыхала. А негодяй Кашкин смеялся, говоря, что девочка с течением времени поумнеет и покажет еще кузькину мать всем живущим на земле мужчинам.

В сущности говоря, девочка была родной дочерью своим родителям - своей матери и главным образом отцу, который весьма бурно провел свою жизнь, полагая, что, кроме любви, ничего на свете не существует.

В настоящее время он меланхолически сживал на крыльце, предаваясь грусти и отчаянию. Он сидел, подперев щеку рукой, смотря куда-то вдаль и чего-то вспоминая. Какая-нибудь проходящая мимо женщина заставляла его вздрагивать. Он приосанивался, прищуривал глаза, покусывал губы и громко откашливался, как бы приглашая этим женщину посмотреть в его сторону. После чего, махнув рукой, снова углублялся в себя и в свои воспоминания.

Свои недомогания и потерю здоровья он приписывал почему-то блошиным укусам.

Он яростно боролся с этими паразитами. По несколько раз в месяц он вытаскивал в сад все кровати, матрацы, перины и диваны. Он обжигал на примусе кровати и яростно выколачивал палкой все, что можно было выколотить.

Он создал целую теорию, по которой выходило, что он лишился здоровья благодаря по крайней мере трем миллионам укусов клопов и блох, которые заносили в его кровь различные яды и микробы в течение сорока восьми лет и выпили по крайней мере десять литров крови.

Он лечился от своего бытового отравления и от своих нервных недомоганий разными домашними средствами.

Презируя врачей и говоря, что они вконец заездили его, он, по совету друзей, пил разную дрянь и настойки, садился зимой на час и полтора в кадку с рыхлым снегом, а летом окунался до пояса в холодную воду, в силу чего постоянно хворал простудой, лишаями, мокрой экземой, песьяками и анемией конечностей. И имел чертовские затруднения, когда садился в кресло или на скамейку.

Ничто другое его не интересовало и не трогало, и он даже удивлялся, как может

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
людей что-либо трогать, кроме здоровья.

Служил он, впрочем, исправно, говоря, что счет и цифры ему полезны как отвлекающее средство, оттягивающее лишнюю кровь от ног к голове.

К любовникам своей жены он относился терпимо, играя с ними иной раз в шашки и в подкидные дураки.

Но всякий раз, когда появлялся на горизонте новый фаворит, он проявлял грозные признаки гнева. Он буйствовал, устраивал скандалы, орал, грозил всех убить, становился нежным и пылким мужем и на несколько дней действительно отгонял нового любовника, который от непривычки пугался, полагая, что это все время так и будет.

Но по прошествии нескольких дней бухгалтер смирялся, угасал и вежливо встречал друга дома.

Последнего фаворита – Кашкина – бухгалтер боялся как огня. И действительно, подобной личности нельзя было не бояться. Этот был способен на все: наорать, ударить в морду и даже выгнать из дому.

Он ежедневно приходил на своих кривых лапах, покручивая кверху усы, хохоча и громыхая.

Он шутил, веселился и подсмеивался, говоря бухгалтеру:

–Ну, как у вас насчет поправления здоровья? И, не выслушав, шел на своих полусогнутых на дамскую половину, где его ожидали в цветном капоте, благоухая одеколоном и пудрой.

Эта мерзавка, бывшая мать, ничуть не стыдилась своей дочери. Напротив того, часто беседуя с ней, она разговаривала как с подругой, хохоча и веселясь над некоторыми подробностями дочкиной жизни.

Вот какова была семья соседей Каретниковых. И вот какова была девятнадцатилетняя девочка Туля, сыгравшая решительную роль в жизни нашего профессора.

Но не она вернула ему молодость. Напротив, она чуть не погубила ему все начатое.

24. ПРОФЕССОР СТАРЕЕТ ВСЕ БОЛЬШЕ

Семья профессора, когда-то дружная, жившая общими интересами, заметно распадалась. Уже не было общих обедов. Каждый кушал в своей комнате, в разное время. И только вечерний чай подавался для всех в комнате профессорши.

За этим чаем шли вялые, безразличные разговоры о погоде, о дровах, еде и о прочих мелочах быта.

И только иной раз Лида, энергичная и резкая особа, грубоватая и крикливая, начинала пикироваться с отцом, упрекая его в реакционности взглядов, в отсталости и в отрыве от масс.

Отец, вяло защищаясь, ежился и пытался уходить, но, вызванный на объяснения, начинал сердиться, кричать и упрекать дочку в непочтительности.

Почему же непочтительность? Какой вздор! Нет, она говорит с ним не как с отцом, а как со старшим товарищем, который заблуждается и которого надо остеречь. Ведь не дело же, что он, умный, образованный и возвышенный, стоит на позициях болота и защищает старый, реакционный мир, идя против прекрасного будущего.

Отец, возмущенный свободностью ее речи, горячился все больше и больше, высказывая под горячую руку свои взгляды и воззрения.

Нет, он возмущен. Девчонка, которая ни черта не смыслит, смеет его остерегать. Нет, почему же? Он честный человек. Он всегда стоял за новую жизнь. Но он не видит логики в некоторых вещах. Он не видит будущего. Он не желает фантазировать вместе со всеми. Короче говоря, он не представляет жизни без денежных отношений. Нет, он не идет против социализма. Очень хорошо, если это будет, но этого,

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru вероятно, не будет. Это потерянное время. Это романтический бред и фантазия, которую он очень уважает, но он имеет право не доверять будущему.

Захлебываясь от волнения, Лида, размахивая руками, требовала от отца конкретно указать, что именно ему кажется невероятным и невозможным и в чем, по его мнению, нет логики.

Но отец уклонялся от объяснений, бормоча, что он не все еще продумал и что он все ей скажет, когда ему самому будет ясно.

Эти разговоры оканчивались криками и воплями. Возмущенный отец, припертый к стене ясностью и элементарностью вопросов, терялся, защищаясь криками, упреками и слезами. Черт возьми! Хорошо. Извольте. Да, вот он за капиталистический мир. Да, он предпочитает быть нищим в Европе. Он предпочитает там открывать двери буржуям. Вот какое иной раз у него бывает настроение. Вот до чего его доводят собственные дети. Вот делайте с ним, что хотите.

Лида, раскрыв рот, с изумлением смотрела на отца. Ее поражала сила его гнева и сила его раздражения. Жалость шевелилась в ее сердце, но, поборов в себе это, она с натянутой улыбкой вставала из-за стола и, пожав плечами, уходила.

Взбешенный и раздраженный Василек выходил из комнаты, разбрасывая стулья и стуча дверьми.

Он выходил в сад и на улицу и шагал, размахивая руками. Он боялся этих вспышек, предполагая, что это его погубит или еще более подорвет его силы. Но всякий раз после этих вспышек гнева он с удивлением замечал, что вялость его и расслабленность исчезают и даже какое-то мужество и бодрость как бы вливаются в его жилы (XII).

Он возвращался к себе, слегка успокоившись, мог даже работать – писал письма, просматривал лекции и читал, что случалось с ним очень редко. Однако наутро он вставал разбитый и утомленный и, еле двигаясь, шел на работу.

Такие разговоры случались все чаще, и вспышки гнева делались все сильнее и страшнее.

Мадам, махая руками и умоляя успокоиться, уходила от греха в другую комнату. А Василек гневно и раздраженно бушевал, кричал и выбегал из дома.

В такие дни соседи Каретниковы, волнуясь от неизвестности, с любопытством прислушивались к крикам, ожидая, что скандал перенесется на улицу, и тогда им будет все ясно и понятно, что там происходит.

Прохвост Кашкин, предполагающий, что это скандалят муж с женой и крайне ненавидя эту последнюю, потирая руки, говорил о профессоре: "Ну, молодец. Кажется, спасибо, загрыз старуху. Давно пора".

Эти семейные раздражительные сцены совершенно расшатали семью профессора.

Сам Василек, стараясь избежать скандалов, стал просто бояться своей дочери. Он избегал встреч, а когда встречался – хмурился или умоляющими глазами смотрел на нее.

Теперь все реже семья собиралась в саду. В теплые летние и осенние вечера еще недавно семья, рассаживаясь на крыльце, дружески беседовала о том о сем. Сейчас это почти прекратилось.

И, собравшись иной раз в саду, семья неловко молчала. Лида качалась в гамаке. Василек ходил по дорожкам, лавируя между лягушек. Мадам сидела на крыльце. А Коля, когда был дома, располагался у раскрытого окна.

Наконец мадам, желая расшевелить общество, начинала нести какую-нибудь чушь и околесицу.

–А вот, кажется, Сатурн,– говорила она, наобум тыча куда-нибудь пальцем.

Профессор, горько усмехаясь, начинал выговаривать ей, что неужели она за

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru двадцать пять лет жизни с ним не научилась разбираться в солнечной системе, что Сатурна в это время и в этой четверти неба не бывает.

Лида, желая сгладить свои отношения с отцом, спрашивала его о той или иной звезде. И тогда понемножку смягчались сердца, и начинался разговор об астрономии и о новых открытиях в этой области.

Однако, видимо, многое было уже сказано и рассказано, и требовались новые слушатели, которые оживили бы лектора.

Такие слушатели находились. И чаще всего это был друг дома соседней Кашкин, любитель поговорить на научные темы. Завидя профессорскую семью, он подходил к забору и, глядя на небо своими осоловелыми глазами невежды, абсолютно ничего не понимая и не разбираясь, где чего есть, говорил какую-нибудь пошлость, вроде того, что есть ли люди на Луне.

Профессор, горько усмехаясь, описывал мертвую планету, лишенную воздуха и всякой жизни.

-А скажите, профессор,- говорил Кашкин, разглядывая небо нахальным взглядом,- а где у вас тут Юпитер расположен?

Профессор показывал ему на Юпитер. И Кашкин, ковыряя в зубах щепкой или соломинкой, расспрашивал о вселенной, хотя решительно никакого дела ему не было до мироздания. Его больше всего занимала мысль, как и всякого, правда, здравомыслящего человека, есть ли жизнь на других планетах, а если есть, то какая именно, какой там строй, имеются ли там, как думает профессор, лошади, собаки и магазины.

Профессор оживленно говорил о том, что астрономия - самая точная наука, и она, собственно, не занята разгадкой вопроса - есть ли жизнь на других планетах. Вопрос этот в астрономии третьестепенный, и что науку более интересует состав материи вселенной, чем поиски живых существ, и тем более собак и лошадей.

Тем не менее профессор высказывал целый ряд предположений. Он говорил о Марсе и Венере. Рассказывал, какая там температура и какова там возможная жизнь. Он рассказывал о других, более дальних планетах: о Юпитере, где год равняется двенадцати нашим годам, а сутки всего десяти часам, о Нептуне, где год длится сто шестьдесят пять лет и где весна продолжается сорок лет. О Сатурне, опоясанном кольцом, на котором сутки делятся тоже десять часов, а год - почти тридцать наших лет.

Эти элементарные сведения несказанно поражали нашего Кашкина. На каждую фразу профессора он говорил: "Не может быть!", или "Да что вы говорите!", или "Да бросьте, не смешите меня!"-каковые замечания сердили и раздражали профессора.

-Я извиняюсь,- говорил Кашкин,- ну как же сутки-то десять часов? Бросьте вы меня смешить! Как же это они укладываются в это время?

Профессор говорил о свойствах приспособления, но Кашкин, пораженный кратковременными сутками, делал собственные умозаключения, выводы и предположения.

-Ну хорошо,- говорил он,- ну, пускай они спят три часа, ну, пускай работают четыре часа, но три-то часа, поймите, мне же мало для личных дел. Все-таки хочется туда-сюда пойти. Я не говорю - театр. В театрах я почти не бываю. Но мало ли? Одних трамваев другой раз ждать час и больше приходится. Или там чего-нибудь купить - целные сутки стоять. Нет, это у них что-то уж очень торопливая жизнь. У нас все-таки, знаете, лучше. Хотя тоже, конечно, много неувязок, но в двадцать четыре часа мы все неувязки можем уложить. У нас хватает этих часов для беспорядка.

Но особенно Кашкин был недоволен порядком на тех планетах, где год длился тридцать и сто шестьдесят лет.

-Вот с этим,- говорил он,- я, профессор, никак не могу примириться. Это уж, знаете, есть чистое безобразие и перегиб. Год - сто шестьдесят лет! Что же это? Я, для примера, родился осенью, в сентябре. Это я, значит, дай бог, только до

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru весны протяну. Это, значит, я даже лета не увижу. Даже если буду семьдесят лет жить. Ну нет, знаете, я так не согласен... И как же они, черти, вообще-то обходятся? Ну, там, урожай. Да они, подлецы, не засеют, а потом сто шестьдесят лет жди, питайся воздухом и грибами... И, значит, у них пятилетка в четыре года пятьсот лет идет. Очень мило! Ну, это, знаете, какие-то подлецы там живут, а не люди.

Профессор добродушно посмеивался над изысканиями Кашкина. Они вдвоем изощрялись, выискивая недостатки и несуразности длинного года и высчитывая, сколько времени там длится пятилетка в неделю и каковы там должны быть ее особенности.

Лида хмурилась, говоря, что это уж антисоветские анекдоты и она просит наконец умолкнуть.

На своих раскоряченных ногах Кашкин уходил, совершенно обалдевший от научных сведений.

Эти сведения до того чувствительно поражали его в самое сердце, что он иной раз, не заходя на дамскую половину, уходил домой, покачивая головой, недоверчиво зыря на звезды и явно не веря многому.

После ухода Кашкина Василек, как бы извиняясь за свое легкомыслие и анекдоты, рассказывал иной раз о новых открытиях, о движении Солнца и о вечном холоде вселенной, о гибели Земли и о таких неизмеримых пространствах, какие недоступны пониманию человека (XIII).

25. ДЕНЬГИ, ЛЮБОВЬ, СТАРОСТЬ, СОМНЕНИЯ

Домашние неприятности совершенно сломили здоровье профессора. Но он сердился и раздражался не потому, что в спорах его побеждала Лида – девчонка и его дочь. Он сердился на себя за то, что не мог прийти до сих пор к какому-нибудь определенному и ясному политическому решению.

То ему казалось все правильным, нужным и замечательным, и даже грандиозным. То, напротив того, встречая какие-нибудь мелочи быта или человеческие! свойства, он махал рукой и говорил, что все это вздор и неосуществимая фантазия.

И в своих противоречиях он искренне страдал, волновался и стремился прийти к какому-нибудь решению, что ему не удавалось.

Эти противоречия уничтожали остаток здоровья профессора. Он стал плохо спать, задыхался, хватался рукой за сердце и чувствовал такую усталость, какой он еще никогда не знал.

Лида с жестокостью молодости не замечала этих; страданий Василька. Ей во что бы то ни стало хотелось образумить отца, выбросить из него весь идеалистический мусор прежней жизни. Ей казалось, что ее отец ни о чем не думает и что он попросту не слишком-то политически грамотный господин. И в силу этого она не уставала говорить с ним о политике, растравляя его и приводя в бешенство.

Жизнь Лиды неожиданно изменилась. Однажды, вернувшись из Ленинграда домой, она спокойным, бытовым голосом сказала родителям, что сегодня она вышла замуж, записавшись с секретарем коллектива.

Родители, раскрыв рот, слушали столь спокойные речи о столь крупном событии, недоумевая и не осмеливаясь расспрашивать.

Да, она вышла замуж. Временно она остается еще дома. Но весной или осенью муж получает квартиру, и тогда она распростится со своей семьей.

Мать, взволнованная и ошеломленная, просила хотя бы привести мужа посмотреть на него одним глазком.

Ну что ж, она, конечно, приведет его. Только он слишком перегружен. Ему сейчас не до личной жизни. Она сама-то будет видеть его раз или два в неделю. И то, если он не будет в отъезде. А если его пошлют на посевную, то долго не придется видаться. Пока же они видятся только на службе, и то в обеденный перерыв, раз или два в пятидневку.

Мамаша, думая, что она от всех этих своих гаданий и пасьянсов слегка свихнулась, слушала свою дочку, не стараясь даже уразуметь основную суть.

Эта перемена почти не отразилась на Лиде – ни на ее характере, ни на отношениях к родным. Впрочем, с некоторой, пожалуй, мягкостью и жалостью она стала разговаривать с отцом. И, поспорив с ним, сама первая шла на примирение. Однако споры не прекращались.

– Василек, – говорила Лида таким тоном, будто бы разговаривала с маленьким, – мне бы хотелось услышать от тебя наконец, в чем дело, в чем твое расхождение с нами. Ну, давай не будем сердиться и ругаться. Давай поговорим по-хорошему. Я постараюсь тебе объяснить.

Не доверяя мягким словам, Василек отнекивался, бормоча о том, что да нет, он как будто бы со всем согласен, разве что некоторые мелочи, о которых, право, не стоит говорить. Это сложно, и она не поймет.

Нет, она-то поймет, но вот она чего не понимает: как это заблуждаются люди? Так все ясно. Отчетливо. Такая открывается грандиозная, величественная картина новой жизни, где нет классов, рабства, эксплуатации. Ей просто не понять, как умный и порядочный человек может не пойти за этим. И в чем наконец его сомнения? И что за таинственные мелочи, хотела бы она знать. Вероятно, за этими мелочами стоит нечто крупное, что толкает его в ряд классовых врагов.

Нет. Он, в сущности, не враг. Ну хорошо, он расскажет о своих сомнениях. Он сам, впрочем, не очень-то разбирается в них. Нет, он вообще против капитализма.

Ну хорошо. Он постарается объяснить. Да, он согласен, что капитализм не ведет человека к улучшению моральных качеств. В самом деле, капитализм оплачивает наилучше всего и создает наилучшие условия тем людям, которые умеют торговать. Значит, там наивысшая оплата идет прежде всего по тем, в сущности, низменным способностям и по тем невысоким качествам ума, как, скажем, хитрость, изворотливость, умение вовремя купить и с выгодой продать. И в силу этого он признает, что в основном капитализм культивирует и обостряет ум именно в его низменных свойствах. Он признает, что и в смысле тактики правильно, пожалуй, именно теперь в корне изменить порядок, чем ждуть, как ожидают, скажем, меньшевики, улучшения человеческой породы и еще большего развития техники. Он признает, что такой взгляд есть малодушное желание отложить решение вопроса на дальние времена, так как улучшение породы само собой не приходит и никакой тенденции к этому нельзя увидеть на протяжении сотен лет.

Лида радостно слушала отца, бормоча: "Ах, молодец! Ах, Василек! Ах, глядите! Он сумел перешагнуть меньшевиков".

Да, со всем этим он согласен. Все это он считает правильным и достойным. Его тут беспокоила одна вещь, которую он, пожалуй, разрешил. Он говорит об инстинкте, свойственном каждому животному, об инстинкте накопления и о заботе о черном дне, без чего не бывает ни спокойного существования, ни ясности, ни здоровья. Ну что ж, в этом смысле государство берет на себя заботу. Это дело поправимое. Но вот, как ни странно, одна вещь никак не укладывается в его голове. Он никак не может отрешиться от понятия "денег" и никак не может понять жизни, в которой деньги не будут играть той роли, какая им предназначена. Да, он против эксплуатации труда. Он против частной торговли и наживы. Но он против равенства. Он за социализм с деньгами.

– Ах, это мелочи! – смеялась Лида. – Ну вот, и договорились. Ну, Василек, ну как, право, не совестно! Ведь это же самый пустой вопрос. Ведь деньги это вопрос привычки. Сознание изменит эту привычку. Или ты действительно думаешь с деньгами въехать в социализм?

Да, он признает, что от этого привычного понятия просто трудно отрешиться. Но за этим он видит более сложные вещи. Ну, хотя бы старость и уродство, ничем не компенсированные.

– Ну, это уже свинство, – сердилась Лида. – Ты, кажется, договариваешься до черт знает чего. Значит, ты хочешь, чтоб старики были бы богатые и имели возможность покупать в жены молодых женщин, так?

Нет, зачем покупать? Зачем такие резкие слова? Нет, он не хочет этого. Он просто реально оценивает человеческие свойства. Он признает, что любовь и уважение, которые куплены за деньги, ничего не стоят. Что это, в сущности, отвратительно и не дает ни радости, ни утешения. Но он не решает этого вопроса в области эстетики. Он считает, что молодая женщина может искренне полюбить и даже такого, как он, если у него положение лучше, чем у других. А если этого положения у него не будет – кто на него посмотрит? Все пойдут за молодыми.

Лида, с трудом скрывая смех, слушала Василька. –Ах,– смеялась она, папка, Василек, значит, только-то у тебя и расхождения! Значит, ты, старый ловелас, выговариваешь себе возможность жениться на молоденькой женщине!

Василек сердился, говоря, что она ничего не понимает и что за этим стоит вся жизнь. Что это определяет не только старость, но и зрелые годы.

Лида, в свою очередь, сердилась, браня отца развратником, грязным стариком, которому нужна проституция и покупка любви за деньги.

–Ничего,– говорила она,– вас, стариков, приведут в христианский вид. Нечего вам развивать грязные инстинкты и стремиться черт знает к чему. Поживите наконец в чистой и опрятной старости. А если захотите настоящей любви – вас в пятьдесят лет могут полюбить не за деньги, а за общественно-полезную работу, за тонкость ума, за талант. Невелика честь полюбить за деньги. Это не настоящее.

Взволнованный Василек просил ее умолкнуть, говоря, что ей не понять всей сложности вопроса и что он вовсе не о себе говорит, а вообще. Вообще о старости и о стремлениях людей. Он знает, что, если будут все равны старики останутся за флангом и ничем не будут компенсированы. Он знает людей, знает, как возникают чувства.

Снова разгорался спор и крики, сыпались обидные слова. Страсти разгорались. Василек стучал кулаком об стол, говоря, что она его уморила. Лида кричала, что ему, старику, следует думать о своей науке, а не о паршивых девицах, что она этим буквально шокирована, что она поражена низменными уклонами своего отца.

Задыхаясь и хватаясь за сердце, Василек раскидывал стулья, выбегал на улицу, напялив на свою седую голову фуражку.

Он шел, как бы не видя ничего, по улице. Потом волнение его понемногу ослабевало. Ах, зачем были крики и волнения? Его жизнь закончена. И все ничтожно в сравнении с этим концом. Что, ему двадцать лет, что он горячился и кричал? Как глупо! Ах, как глупо и тяжело! Он шел мимо маленьких домиков, размахивая руками и не сторонясь прохожих. Он смотрел на эти деревянные домишки, построенные в прошлом столетии. Тут, в этом бывшем Царском Селе, в этих домиках, проходила прежняя придворная жизнь рухнувшей империи. Тут жили барыни и фрейлины. Гвардейские офицеры и сановники. И люди, близкие ко двору. Он с любопытством осматривал окна и подъезды, к которым когда-то подъезжали кареты и коляски. Он мысленно видел людей, выходящих из карет. Лакеев в красных ливреях. Дам с маленькими собачками, в мехах, в боа.

Вот какой-нибудь гвардеец, гремя саблей, входил в этот подъезд к какой-нибудь пышной красавице.

Нет, он позабыл эту жизнь. И казалось странным, что это когда-то было. Вот в чем у него не было сомнений. Он презирал эту дворянскую жизнь, напыщенную и пошлую. Его раздражали баре, и особняки, и пышная * жизнь, которая давалась по рождению, а не по заслугам.

Вот в чем он не знал сомнения и что презирал. Но деньги, деньги! Новая жизнь, в которой будет равенство и не будет денег. Вот это не укладывалось в его голове.

Какая-то молодая особа в шелковом пальто, с накрашенными губками, мило улыбнувшись, поклонилась ему.

Он сначала не обратил внимания, не ответил на поклон, потом, обернувшись, посмотрел ей вслед, недоумевая, кто бы это был.

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
Он обернулся не вовремя. Молодая особа в этот момент, тоже обернувшись, кривляясь и дурачаясь, высунула ему кончик языка. Но, видя, что он заметил ее глупую шалость, смутилась и бросилась в сторону, захохотав и закрыв лицо руками.

"кто бы это был?—подумал профессор.—Ах, возможно, что это соседская дочка".

Он никогда не обращал на нее внимания и не запомнил ее лица. Но, вероятно, это была она – с накрашенными губами, вульгарная и неприятная особа с вихляющимися бедрами.

Это в самом деле была Туля. Она возвращалась со свидания домой. Она смеялась теперь своей шалости. И, веселья, краснощекая, шла домой своей танцующей походкой. Она дошла до калитки своего сада и обернулась назад. Милая привычка красавицы, которая предполагает, что за ней кто-нибудь сзади волочит. Но никого не было. Старый профессор стоял на углу и смотрел в другую сторону, ошеломленный старыми видениями.

Она еще раз показала кончик языка этому глупому старику, без толку стоящему на углу, и, смеясь, вошла в сад. Она не предполагала еще, что этот стареющий человек через год будет ее мужем.

26. ПЕРВЫЕ ШАГИ

Однажды Василек вернулся домой бледный, с перекошенным лицом.

Он лег на кровать и, сказав жене, что умирает, просил принести холодной воды. Он положил на сердце компресс и через час, отдышавшись, сел на кровать, рассказывая слабым голосом, что с ним случилось.

Да, что-то с ним творится неладное. Сердце работает все хуже. Вялость и усталость приковывают его к кровати. Бессонница мучает его. Сегодня он чуть не умер в поезде от сердечного припадка.

Это резкое ухудшение своего здоровья он приписывал своей старости. Однако предполагал, что, помимо этого, он, видимо, заболел какой-то нервной болезнью. И он действительно был болен.

Все душевные невзгоды, конфликты и противоречия, все особенности его жизни и характера подготавливали ту нервную раздражительность, которая к старости часто бывает непоправима и признаки которой сходны с признаками старости и, быть может, имеют одинаковую сущность.

Чудовищную работу надо было ему проделать убрать болезнь и вернуть растрченную молодость.

Нет, у него сейчас и мыслей таких не было. Есть врачи и медицина, которые помогут ему собраться с силами.

Да, он чувствовал, что, кроме старости, он, пожалуй, еще чем-то болен. И тогда он однажды решил навестить врача.

Нет, мы не будем заниматься скучными объяснениями его лечебных процедур.

Он полгода лечился у врачей. Ему прописывали бром и стрихнин, мышьяк и фитин. Ему прописывали ванны и клизмы. Его закутывали в сырые простыни и пронизывали его тело электричеством. Его спрашивали, не было ли у него тяжелых болезней и не предавался ли он каким-нибудь излишествам в детстве. С ним беседовали о сложностях нервных болезней, грели его голову синим светом и пытались даже усыпить, чтоб внушить ему светлые мысли о здоровье. И никто ему не рассказал простыми и понятными словами о том, как могла возникнуть его болезнь и как с ней бороться, помимо пилуль и микстур (XIV).

Короче говоря, через полгода он был задерганный неврастеник, напуганный всеми признаками своей болезни и пугающийся всего. Он робел, если сердце плохо работало. Он страшился, если желудок не действовал день. И считал часы, сколько он спал, и сколько он недоспал, и сколько ему надо еще поспать, чтобы быть свежим. Постоянные мысли о болезни, приемы лекарств и процедур совершенно укрепили в его сознании мысль, что он тяжело болен. Болезнь, подкрепленная

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru микстурами, не имела намерения покидать больного. А старость ее усиливала и поощряла.

Он взял отпуск и лежал теперь в кровати, тяжело дыша, не имея часто сил ни сесть, ни встать, ни даже лежать.

Напуганный таким состоянием, он хотел поехать к знаменитому невропатологу. В один из крайне упадочных дней, когда он едва встал с постели, он, принуждая себя, стал собираться.

Он побрился, передел белье, оделся и, опираясь на палку, покачиваясь, вышел на улицу.

Но тут, к своему изумлению, увидел, что все проделанные движения не только его не утомили и не только не лишили остатка сил – напротив того, он почувствовал некоторый прилив сил, который, впрочем, скоро сменился упадком.

Но этого было достаточно, чтоб подумать и внимательно присмотреться к болезни. Нет, он не поехал к врачу, а, погуляв в парке, стал думать о своей болезни, присматриваясь к ней и анализируя ее.

Мы не будем и тут описывать первые шаги лечения и первые ошибки. Дело это скучное и неинтересное. Мы вкратце расскажем об основном. Автор ни на минуту не забывает о читателе, которому охота наконец узнать, как профессор женился, как развелся с женой и что из этого вышло. И не было ли еще чего-нибудь интересного или исключительного. Все было. И обо всем мы будем рассказывать.

Итак, Василек сам лично принялся изучать свою болезнь. Он достал книги, словари и медицинские энциклопедии. И внимательно стал все читать, делая выписки и рассматривая анатомические картинки, снимки внутренностей и диаграммы.

Это было кропотливое и длительное занятие. Все было профессору внове, и каждую мелочь приходилось изучать и проверять.

И, читая груды книг, Василек искренне огорчился и жалел, что нет какого-то руководства, какого-то одного сборника правил, по которым надлежало понимать работу своего тела и своей психики. Первые шаги его были неправильны и ложны. Понимая, что ему следует сдвинуть себя с мертвой точки, он принялся за физическую культуру. Он стал делать гимнастику, разные повороты и приседания, от которых буквально охал и кричал диким голосом. У него поднялось сердцебиение, от которого он чуть не умер, и тогда он оставил это почтенное занятие, решив, что до этого ему следует еще что-то сделать.

И, раздевшись, он стоял перед зеркалом, грустно поглядывая на свою фигуру. Печальное и ужасное зрелище! Все тело было вялое и поникшее. Все безжизненно висело, во всем были смерть, разрушение и упадок.

Как мудрено из этого сделать что-нибудь хорошее, молодое, здоровое, цветущее.

И, вспоминая молодые, здоровые тела, упругие и подтянутые, он делал сравнение и видел, что именно ему надо делать и в чем иметь изменения.

Тогда, понимая, что это печальное тело, полное упадка и дряхлости, создалось благодаря его жизни, благодаря его поступкам и поведению, он решил по возможности изменить эту жизнь, и поведение, и поступки.

И вот тут-то он столкнулся с такими трудностями, что часто отчаяние захватывало его, и он неподвижно лежал часами, решив не бороться больше и плыть по течению.

Лида приходила к нему и гладила его руку, упрашивая не предаваться отчаянию. – Василек, – говорила она, – что за мысль так лечить себя? Есть способ более простой и легкий – подойти вплотную к жизни. Займись общественной работой, почувствуй себя частью общей семьи. Ты все равно придешь к этому.

Но он, печально покачивая головой, говорил, что это не для него, он никогда не почувствует себя искренним. Он попробует бороться один.

Он решил изменить свою жизнь, свой порядок дня и все свои привычки. Для этого

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru ему надо было убрать все обстоятельства, приводившие его в раздражение.

Этих обстоятельств было так много и они были так вески, что, казалось, это было сделать невозможно.

Однако шаг за шагом, доказывая себе логически и внушая, он убрал причины, приведшие его к болезни. Он вспоминал свои молодые годы, вспоминал, как он относился к тем или иным вещам, и старался следовать этому, хотя это иной раз было трудно и даже невозможно. Он хотел правильным поведением убрать свою болезнь и создать молодость (XV).

Но он вспоминал не те зрелые годы, когда создался его характер, а ту свою юность, когда он жил беспечно, не задумываясь, как цветок или как птица. Он вспоминал те годы для того, чтобы сравнить и увидеть те ошибки, которые он допустил и которые привели его к старости и одряхлению.

И, создавая себе новые привычки, расставаясь с прежним добродушием старости, убирая от себя все волнения, беспокойства и тревоги, он вдруг стал замечать в себе какую-то жестокость молодости и даже по временам какую-то, пожалуй, подлость, которую он вовсе не хотел иметь.

Но игра была сделана. И остановиться он не хотел и не мог. Однако до молодости ему было еще так же далеко, как до Северного полюса.

27. ЦЕНА МОЛОДОСТИ

Когда ему пришла мысль о молодости, о том, что он снова может стать молодым, свежим, энергичным и беззаботным, он, страшно взволнованный и даже потрясенный, выбежал из дому и долго бродил по саду, стараясь унять ужасное волнение и дрожь во всем теле.

Эта мысль показалась ему настолько удивительной, сказочной, невероятной и вместе с тем не несбыточной, что чем больше он думал, тем ярче рисовались счастливые картины его будущих дней.

Тогда он вышел из сада и, быстро шагая, пошел в парк. И там, в парке, ходил, сняв фуражку, взволнованный и пораженный.

Была ранняя осень. Желтые листья лежали на дорожках и на траве. Легкий ветер по временам покачивал верхушки деревьев. И неприятно каркали вороны, потревоженные первым дуновением осени.

Василек присел на скамейку и, уронив фуражку на землю, неподвижно сидел, закрыв глаза и боясь шевельнуться, чтоб не потревожить свои волшебные мысли.

Ему рисовались необычайные картины его будущей молодости.

Цветы. Роса. Летнее утро. Солнце в окошке. Радостное пробуждение. Беззаботность. Любовь. И тот восторг, та свежесть чувств и те восхитительные ощущения молодости, о которых он почти позабыл и которые трудно даже сейчас припомнить или даже на минуту представить себе.

Да, он позабыл эти ощущения. И теперь, стараясь припомнить, поражался, насколько все было иное и почти сказочное, удивительное по своей силе и радости.

Он вспомнил вдруг первое письмо от женщины. Надушенный конверт. И тоненькие буковки. И сладостную дрожь в руках, когда он распечатывал это милое послание. Он вспомнил вдруг себя мальчишкой. Первую ложку варенья, когда сводило скулы от желания и жадности. Утреннюю дрожь и восторг, когда он вставал на рассвете, чтоб идти удить рыбу.

Нет, ничего подобного, ничего похожего не случилось с ним в дальнейшей жизни.

Да, он вернул бы эти ощущения любой ценой, хотя бы даже на самое короткое время.

И тогда он, улыбаясь, стал думать: а что именно он отдал бы за несколько лет возвращенной молодости?

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru И оказалось, что он отдал бы решительно все жизнь, здоровье близких людей, честность, и профессию, и все то, чем привык дорожить и гордиться с самого начала своей жизни.

И тогда он стал смеяться, говоря себе, что это бывает только в сказках, что никто не потребует от него ни преступления, ни "продажи души", ни под лости за возвращенную молодость. Он вернет ее со5г ственным умением и ценой своих знаний и настоим чивости.

Он пришел домой иным человеком, чем был прежде. Он холодными глазами посмотрел на свою мадам к Лиду. И, медленно шагая, вошел в свою комнату.

Еще вчера он, возвращаясь домой, старался незаметно проскользнуть к себе, чтоб не натолкнуться на чьи-нибудь расспросы и чтоб не встретиться с Лидой и не начать с ней объяснений, разговоров и дискуссий. Сегодня он, усмехаясь и не опуская глаз, прошел перед Лидой, готовый в случае чего дать ей решительный отпор.

В короткое время он резко изменился и изменил свою жизнь, привычки и даже свою психику.

Он свыкся было со своей старостью, со своим утомлением и сутулыми плечами. Он с молодых лет привык презирать лощеных, здоровых, краснощеких, грудастых людей, называя их животными и скотами. Нынче в своем воображении он рисовал себя именно таким. Он полюбил этот образ и стремился к нему. Все, что раньше его тревожило и приводило в беспокойство, перестало его тревожить. Он относился ко всем вещам иначе, чем раньше, и усмехался тому, что заставляло еще недавно страдать и волноваться.

Встречаясь с Лидой, он мило улыбался и говорил ей, что он вел себя как мальчишка, что этому пришел конец, что он покорнейше просит ее больше не третировать его и не задерживать бессмысленными вопросами и требованиями. Что касается политических вопросов, то пусть она знает – он не враг, он, в общем счете, идет за социализм, и кое-какие мелочи он сам, без чьей-либо помощи, в дальнейшем продумает и решит. Это решение он откладывает на те времена, когда он будет здоров. И если придет к положительному решению, то отдаст все свои силы и это свое возвращенное здоровье на общее дело.

Тем не менее Василек начал по временам подтрунивать над Лидой, говоря, что она курсистка, девчонка и пигалица, которой впору сопливых ребят учить, а не его, профессора и довольно видного ученого своего времени. Их роли теперь переменялись. Теперь Лида, взбешенная и взволнованная холодными, саркастическими словами, хлопала дверью, выбегая из комнаты. А он иронически подшучивал, говоря, что в нашем любезном отечестве всегда почему-то было затруднительно жить и эта трудность и по сие время остается. Да, конечно, он понимает – трудности роста, но что вообще он не слишком-то высокого мнения о российских мозгах, которые выдумали дугу и балалайку – пустые и комичные предметы, без которых решительно обошлось все остальное человечество.

Лида кричала, что он пошляк и обыватель и что ей совестно, что у нее такой мизерный отец. Нет, она приложит все старания уехать из дому как можно скорей. Она завтра же попросит мужа вывезти ее из этого обывательского вертепа.

Однако она не уезжала. Ее муж, с которым она виделась весьма редко, был сейчас, как нарочно, до крайности загружен самыми экстренными делами. Он приходил домой поздно и, поспав часов шесть, снова спешил по своим делам. Он со дня на день откладывал переезд Лиды, говоря, что счастье от них не убежит и что сейчас есть дела поважнее всех мелочей повседневной жизни.

Лида, несколько огорчаясь в душе и вместе с тем удивляясь поспешности, с какой он женился, соглашалась немного обождать, признавая, что поиски квартиры, переезд и разные хозяйственные дела и передраги отрицательно отзовутся на ходе его работ. А он хвалил ее за благоразумие и политическую зрелость, говоря, что он теперь наглядно видит, как он здорово не ошибся, выбрав именно ее, и что лучшей жены ему действительно, пожалуй, сейчас не найти... И Лида, довольная похвалой, восторженными глазами смотрела на мужа, говоря, что и ей тоже, пожалуй, лучшего мужа не надо. Они были по-своему счастливы и не спешили потревожить свое счастье поцелуями и объятиями.

Что касается Василька, то он теперь ежедневно занимался гимнастикой. Начав с маленьких упражнений и легких поворотов, он перешел к более сложным вещам – он бегал по саду туда и сюда, перепрыгивая, как козел, через клумбы и скамейки. И даже, когда никто не следил, подтягивался на руках, держась за сучок дерева, надуваясь и багровея от чрезмерного старания. У себя дома, в комнате, он ходил преимущественно голый или в легких трусиках, а на улицу, несмотря на прохладный сезон, выходил в сетке, в летних штанах и в туфлях на босую ногу. В таком безобразном виде, несвойственном ученому, он добежал до вокзала или до парка и, нимало не смущаясь встречных, возвращался домой, покрасневший и оживленный.

Лида с изумлением посматривала на отца, считая, что старик слегка свихнулся и что все это, вероятно, закончится весьма дурно.

28. ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Между тем жизнь соседей, Каретниковых, шла попрежнему. По-прежнему бухгалтер Каретников, возвращаясь с работы, сидел на крыльце, поглядывая обал- ; дельми глазами на проходящих женщин. А иногда с яростью выколачивал матрасы и перины и обжигал на примусе кровати и даже деревянные стулья и столы.

Эти выколачивания являлись всякий раз причинами ссор и криков.

Мадам профессорша, делая замечания по поводу пыли и блох, нарывалась на неприятности и грубые окрики.

Молчаливый Каретников, не вступая в пререкания, показывал ей кукиш или с еще большей энергией начинал бить палкой по одеялам. А Кашкин, услышав боевые крики профессорши, поспешал в сад и тотчас вступал в словесную схватку, срамя профессоршу и называя ее облысевшей дурой и некультурной мерзавкой, которая осмеливается запрещать им все гигиенические начинания. Что ж, значит, по ее милости они должны нюхать пыль и подвергаться укусам паразитов? Очень хорошо. Ну нет, он не посмотрит на ее идиотские требования. И, крича так, он умолял своего бухгалтера трясти одеяло как можно ближе к ее забору или даже за ее забором, чтобы это наглядно напоминало ей о чистоте и культуре.

Женское население дома не принимало участия в этих схватках. Туля, в своем шелковом пальтеце, гуляла неизвестно где. А мадам Каретникова готовила еду на кухне, чтоб накормить своего фаворита, ослабевшего от крика и любовных битв. Профессор Василек, несмотря на окрепшее здоровье, страдая по временам меланхолией и упадком чувств, выходил иной раз на эти крики, желая рассеяться и немного освежиться. Он иронически относился к этим мешанским драмам и, желая примирить обе стороны, начинал разговоры о том о сем. Разговорившись с Кашкиным, он однажды пошел с ним прогуляться и после этого даже подружился с ним.

Его привлекал этот здоровый, плотный субъект, который не знал, что такое меланхолия, утомление чувств и прочие интеллигентские ощущения.

Он присматривался к нему, стараясь узнать, как он достиг всего этого и что он для этого делает.

Он хотел поучиться у этого бревна и хотел позаимствовать у него его навыки и склонности.

Но он увидел глупость и непроходимую пошлость, которые защищали этого человека от превратностей жизни.

Польщенный вниманием профессора и увидев, что им интересуются, Кашкин начал молоть всякую чушь и лепетать афоризмы своей житейской мудрости.

-Здоровье, -говорил Кашкин, -никому зря не дается. И если человек осыпан болезнями, то он есть ослабший человек, не способный бороться против жизни. Я, говорит, держусь мнения митрополита Филарета, который прожил до ста пяти лет, не допуская до своего сердца никаких огорчений. Я, говорит, не считаю возможным огорчаться при жизни. А когда помру или когда буду к этому состоянию склоняться, вот тогда и начну беспокоиться. И когда меня начнут, черт возьми, зарывать в сырую землю, вот тогда я и буду огорчаться, беспокоиться и проситься наружу. Я, говорит, есть индивидуум, которому охота жить, а не расстраиваться.

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

–А какую вы имеете цель в жизни? – говорил профессор, желая понять идеологию этого неповторимого индивидуума.– Ну, к чему вы, например, стремитесь?

–Не смешите меня, – говорил Кашкин.– Я стремлюсь ко всему хорошему, но, конечно, какой-нибудь такой, знаете ли, цели не имею (XVI).

Взяв профессора под руку, Кашкин на своих раскоряченных ногах шел рядом, говоря, что главную причину потревоженной жизни профессора он видит в его малоинтересной супруге, от которой он бы сам сгорел в месяц, если бы ему, боже сохрани, довелось такое супружество.

Профессор, вернувшись домой, прилег на кровать и стал думать о своем браке и о своем одиночестве. Ему хотелось разговаривать и шутить, ему хотелось легких и смешных отношений. Но он видел суровую даму в пенсне, замкнутую в своем фантастическом мире.

Тогда он стал вспоминать свои любовные романы, которые бывали у него раньше. Он вспомнил свой последний роман, который случился девять лет назад.

Он вспомнил эту женщину, Людмилу Павловну, сестру своего приятеля, богатого домовладельца-эмигранта, бежавшего от пролетарской революции в Париж.

Эта женщина, красивая и взбалмошная, почему-то замешкалась и осталась на родине, страдая от этого и ужасаясь той жизни, которую она получила в обмен на свое беспечное и веселое времяпрепровождение.

Это был жалкий и короткий роман, который закончился неожиданно и, вернее, даже не закончился: попросту Василек, подавленный своим безразличием ко всему, перестал бывать, не объяснив ей и ничего не сказав.

Сейчас ему крайне захотелось ее увидеть, поговорить и утешить нежными словами и обещаниями.

И на другой день, поехав в Ленинград, он после лекций отправился ее разыскивать. Он нашел ее на прежней квартире. Он с замиранием сердца поднялся по лестнице и постучал в дверь, готовый к тому, что его не примут, выгонят или оскорбят.

Он прошел сквозь грязный коридор коммунальной квартиры, сквозь развешанное белье, мимо любопытных людей, которые высовывали свои головы то из одной, то из другой двери.

Он не узнал ее, когда вошел в комнату. Крайне увядшее лицо, равнодушные глаза, седые прядки волос и темная бумазейная кофта ошеломили профессора и заставили его раскаяться, что он пришел.

Она сидела за столом и пила чай, дую в блюдечко. Жалкий жестяной чайник стоял на столе. Какие-то лепешки лежали на бумаге.

Она захлебнулась, увидев его, и, замахав руками, вскочила, обрадовавшись и восторгаясь. Ах, она рада, что он пришел, она часто его вспоминала. Что он так смотрит на нее? Неужели она так сильно изменилась?

Он рассматривал ее со страхом и нескрываемым удивлением.

Он, не сдерживая себя, сказал – ах! – и стал бормотать слова приветствия и извинения. Они сели на диван и не знали, о чем говорить. Наконец она сказала, что она замужем, что ее муж рабочий, что он любит ее и уважает, а она живет с ним потому, что надо же с кем-нибудь жить. Нет, она не огорчается, как прежде, она просто не думает о прошлом и будущем.

Говоря так, она вдруг заплакала и, подойдя к умывальнику, стала вытирать заплаканные глаза, всхлипывая и сморкаясь в полотенце. Потом снова села рядом, робко положив свои ладони на его руки.

Василек, проклиная себя за то, что он явился, бормотал слова утешения и, поговорив о своей жизни, встал, прощаясь и обещая почаще заходить.

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Он с пустым и холодным сердцем вышел из комнаты и шел теперь по улицам, браня себя за ненужное посещение.

Он вышел на набережную, держа в руках фуражку. Осенний ветер с моря гудел в ушах и трепал его волосы.

Нет, он не чувствовал ни жалости, ни огорчения. Он чувствовал одиночество и чудовищную пустоту.

Он прошел мимо Зимнего дворца и подходил теперь к мосту.

Звенели трамваи. Гудели автомобили. Мимо проходили люди, чужие и равнодушные.

О какой молодости он думал? Что за вздор! Он старый человек из другой жизни. Вот он помнит этот мост на барках. Осенняя Нева высоко вздымала это варварское сооружение. Не трамваи, а конки, запряженные парой лошадей, въезжали с неистовым звоном на мост. Ах да, впереди пристегивали третью лошадь, и кучер, стегая кнутом, подбодрял животных преодолеть препятствие.

Здесь, по панели, ходили люди в котелках, гвардейские офицеры гремели саблями, и роскошные барыни, нахально развалившись на сиденьях, проезжали в экипажах.

Какая безумная затея вернуть свою молодость, когда какая-то тень той прошлой жизни неотступно шла за ним по пятам.

29. ПЕРЕМЕНА

Вот наконец наступила зима.

Василек, поздоровевший и почти цветущий, бегал на коньках, нимало не смущаясь улыбок и косых взглядов.

Его несколько грузная фигура, брюшко и, главное, длинные усы веселили и развлекали молодежь на катке. Малыши, подшучивая над ним, открыто смеялись и даже толкали иной раз на него какого-нибудь зазевавшегося конькобежца.

Но Василек мужественно сносил все нападки. Когда он появлялся на катке на своих снегурочках, раздавались возгласы восхищения и крики радости... Раздавались возгласы: "Папаша пришел. Папаша, не упади-лед раздавишь".

Но после первых двух месяцев к нему привыкли и даже заставляли его участвовать в потешном шествии и в общем беге.

Маленькие шестнадцатилетние девочки Липа и Нюся, и совершенно маленькие девчурки, родившиеся после революции, - Антенна, Фратерните, - и Володя подружались с профессором и бегали с ним взапуски, хохоча и веселясь.

Они заставляли его отгадывать их имена, и Василек наугад называл целый ряд имен и, не умея отгадать, смеялся при этом и дурачился.

Да, этот солидный профессор, державший в своей голове весь звездный мир, этот почти управитель небесных сфер, наизусть знающий, сколько километров до Луны и сколько весит планета Сатурн, этот человек вел теперь дурацкие разговоры на самые поразительно ничтожные темы - в каком классе учиться та или иная девчонка, и как ее зовут, и какая профессия может быть у ее отца.

Раскрасневшийся и слегка утомленный, Василек приходил домой и, напевая себе под нос, шел на кухню, где шарил в духовке, что осталось от обеда.

Он приходил в свою комнату и, вспоминая минувшие пустяки, раздевался и ложился в кровать и почти тотчас засыпал.

Утром, вставая рано, он делал гимнастику, бегал по саду и, подзаправившись, выезжал в Ленинград.

Между тем у соседей случилась неприятность. Бедная девочка Туля, рассчитывая выйти замуж за человека с одним ромбом, снова в слезах вернулась домой, говоря, что ей поразительно не везет и что мужчины более подлецы, чем можно было думать.

Равнодушный к таким делам бухгалтер Каретников на этот раз несколько взволновался, говоря, что это уже, знаете ли, слишком, что он не в состоянии кормить эту прожорливую девчонку, которая только и делает, что возвращается домой, заставляя родителей переживать неожиданности.

Мадам Каретникова, удивившись неизменности линии Тулиной жизни, велела ей поступить на работу, находя, что сейчас это для женщины более верное дело, чем все остальное.

А Кашкин сказал, что ей следует попросту выйти замуж хотя бы за их соседа профессора, который приблизительно мечтает об этом и который будет ее возить на южные побережья и курорты, а подохнув, непременно оставит ей крупную персональную пенсию, все имущество и арендованный дом.

Туля, со слезами слушая эти советы, махала руками и визгливо начинала рыдать, когда упоминалось имя профессора, но потом вдруг, пообдумав и вытерев глазки, сказала, что ей, пожалуй, нравится это. И что она, если на это пошло, берется буквально в два счета убрать госпожу профессоршу со своей дороги.

Кашкин, вдохновленный идеей и подбодряемый нелюбовью к профессорше, чувствуя свои организаторские способности, решил самолично двинуть дело.

Он явился к профессору на другой день и, шепча ему на ухо, без обиняков сказал, что нынче мучения профессора окончились – он может, если хочет, сделать официальное предложение одному из лучших созданий, а именно Туле необыкновенной красоточке и умнице, которая что-то последнее время вздыхает по нем.

Василек, несколько ошеломленный сообщением, начал отговариваться, утверждая, что он и не думал об этом и что, в сущности, ему даже не нравится эта накрашенная кукла, у которой выщипаны брови и черт знает какая походка, привлекающая, может быть, развратных турок и арабов, но отнюдь не его. И что вообще ему более нравятся скромные и милые женщины с грустными глазами и медленными движениями.

Но Кашкин, перестав шептать на ухо, начал вдруг кричать на профессора, укоряя его почему-то в неблагодарности и утверждая, что он фигурует, не имея на то решительно никаких природных данных. Он велел профессору зайти к ним в гости и убедиться в несостоятельности его толкований.

Несколько смущаясь и робея, Василек на другой день, пройдя через сад вороватой походкой, пришел к ним.

Мамаша, никогда не видевшая профессора вблизи, попятилась от гнева и удивления, сказав Кашкину, что этот престарелый субъект навряд ли составит счастье ее любимой дочери.

Но Кашкин, махнув на нее рукой и закричав, велел не вмешиваться не в свое дело. Он велел ей побежать на кухню и приготовить покушать чего-нибудь такого особенного, которое непременно нравится профессорам и ученым.

Затем, приказав Туле быть не слишком развязной и подвижной и велел не слишком ворочать ногами, говоря, что профессор этого почему-то не любит, он подвел ее к Васильку, сказав, что еще два года назад он понравился ей, когда она его увидела первый раз спящим на траве в саду. Ей будто бы запомнился этот нежный, скромный и неподвижный образ, который в дальнейшем буквально ей мешал подолгу сосредоточиваться на каком-нибудь другом отдельном мужчине.

Туля, засмеявшись, серебристым голоском сказала, что спящим она его не видела, но сидящим на скамейке она действительно много раз его видела и всякий раз до чрезвычайности удивлялась его грустному и усталому виду.

Они начали болтать, вспоминая случайные встречи, а Кашкин тем временем побежал за бухгалтером.

Найдя его на крылечке, он велел ему выйти к гостям, приказав при этом вести преимущественно строго научные разговоры и не разрешив ни в коем случае касаться каких-либо недомоганий бухгалтера, говоря, что беседы о болезнях могут вообще затормозить или сорвать общий ход дела.

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Семейный вечер прошел довольно гладко, за исключением речей Кашкина, который, утрапливая события, договаривался до крайних степеней, громко советуя профессору не откладывать то дело, о котором они нынче беседовали. При этом он подмигивал и хлопал профессора по руке, называл его молодцом, свирепым силачом и дядей с барок.

Бухгалтер, выпив пару рюмок, захмелел и, неся околесицу, обнимал профессора, говоря, что, если бы не его недомогания, он бы мир перевернул со всеми его научными достижениями.

Туля, сияя красотой и распространяя аромат духов, расспрашивала профессора об его замечательной профессии, интересуясь главным образом, какую именно оплату профессор имеет за столь трудное, кропотливое научное дело.

С этого дня профессор стал бывать у соседей ежедневно. Туля вела себя крайне строго и благородно, позволяя профессору раза два в вечер поцеловать ее Руку.

Побрившись и надушившись, помолодев лет на десять, Василек ежедневно приходил к Туле и подолгу засиживался у нее, разговаривая о том о сем и строя планы будущей жизни.

Девушка говорила, что она согласна быть его женой, но что она ставит непременно условием – побрить или в крайнем случае покорооче постричь усы, которые носил профессор. Она говорила, что мужчины теперь не носят таких усов, что это смешно и ей просто будет стыдно и совестно гулять с ним. Говоря об этом, она чуть не плакала и брала слово непременно исполнить ее желание.

В скором времени Василек действительно подстриг усы, оставив маленькие полоски, которые он слегка подкрасил в коричневый цвет, помолодев благодаря этому еще лет на пять.

Василек возвращался теперь домой, всякий раз смущаясь и побаиваясь предстоящих объяснений. Но объяснений не было. Лида злобными глазами смотрела на отца и, презрительно фыркая, отворачивалась.

Что касается мадам, то она как будто бы ничего не замечала и неистово раскладывала пасьянсы, стараясь найти ответы на свои сомнительные и вздорные вопросы.

Здоровье Василька было в это время чрезвычайно хорошим. Он чувствовал себя молодым и энергичным. Он чувствовал тот прилив сил и ту замечательную радость, которых не было у него уже много лет (XVII). Он мог подолгу работать, как прежде, в молодые годы. Он начал записывать даже свои лекции, которые бросил восемь лет назад.

Он радостный вставал утром. Шел на работу и, вернувшись домой, спешил к Туле, к которой он чувствовал теперь привязанность, благодарность и даже влюбленность.

Кашкин, подмигивая ему, потирал руки и говорил слова ободрения, от которых профессор таял и радовался.

В один прекрасный весенний день профессор, сложив два чемодана и написав жене записку, вышел незаметно из дому и перебрался на жительство к соседям.

30. ДРАМА

Драма произошла более сильная, более тяжелая, чем можно было ожидать.

Долго не понимая, в чем дело, профессорская жена теперь както сразу почувствовала всю тяжесть событий.

Лида, смущаясь и краснея за отца, держа в дрожащей руке записку, говорила матери разные слова утешения. А та, остолбенев, ошеломленная сидела в кресле, неподвижно устремив взор в одну точку. Она не плакала и не рыдала, и даже слезы не текли у нее из глаз.

Эта странная немолодая женщина, жившая в своем каком-то фантастическом мире,

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoshchenkomihail.ru
вдруг почувствовала себя несчастной, молодой и оскорбленной.

Страшное отчаяние овладело ею. Она после нескольких минут ошеломления стала метаться по комнате, истерически крича и падая на пол. Ее припадки и горе были так велики, что Лида думала было побежать к соседям, чтобы умолить их вернуть беглеца.

Однако к вечеру покинутая женщина, по-видимому, немного успокоилась. Она надела шелковое платье, подкрасила губы и долго стояла у зеркала, что-то соображая и напряженно думая.

Полагая, что мать успокоилась, Лида ушла к себе. Но поздно вечером к ней прибежала домработница Соня, говоря, что мадам ушла неизвестно куда в одном платье. Чувствуя недоброе, Лида выбежала на улицу и, не найдя мать, послала записку к соседям, трагически сообщая Васильку о событии.

Профессор, прочитав записку, хотел было побежать домой, но, подумав, остался и попросил Кашкина сходить выяснить, что случилось.

Кашкин, движимый крайним любопытством, не стал себя упрашивать. Он моментально побежал к Лиде и, узнав, что мадам ушла в одном легком платье, высказал предположение, что она непременно ушла к вокзалу и там, вероятно, бросилась под проходящий поезд. Высказывая это предположение, он добавил, что подобные дела в его практике не раз случались и он слегка даже привык к этому и, во всяком случае, не видит в этом чего-нибудь особенного и такого, из-за чего надо чересчур волноваться и рыдать.

Так неуклюже успокаивая Лиду, он побежал с ней к вокзалу и, не найдя там ее матери, высказал предположение, что она, может быть, повесилась в чулане, что на это тоже иногда решаются оскорбленные женщины.

Лида, закричав и схватив Кашкина за руку, бросилась домой. Они бежали через парк, чтобы сократить дорогу.

Была весенняя светлая апрельская белая ночь. Снег еще не совсем стаял. И Лида, плача и торопясь, промокнув до колен, умоляла Кашкина поспешить, чтобы спасти ее несчастную мать.

Вдруг у пруда они увидели лежащую фигуру. Наклонившись к ней, увидели, что это была жена профессора. Она лежала на снегу, странно раскинув руки. Ноги ее были в воде.

Кашкин высказал предположение, что она непременно отравилась, после чего хотела броситься в пруд.

Однако это было не так. Она лежала в глубоком обмороке. Она хотела, видимо, броситься в воду, но силы ее оставили, и теперь она лежала, потеряв сознание.

Лида с Кашкиным с трудом принесли ее домой и, приведя в чувство и натерев спиртом, уложили в постель. Покинутая женщина, очутившись в тепле, расплакалась, и это были слезы здоровья и облегчения. Кашкин, почувствовав некоторое снисхождение и жалость к ней, сказал, что все обомнется и все будет хорошо и что ради них, мерзавцев мужчин, не стоит, собственно, проливать драгоценные дамские слезы, которые могут пригодиться для других целей.

После чего, успокоив Лиду, он вернулся домой и, захлебываясь от торопливости и возбуждения, рассказал профессору, что именно случилось.

Профессор, пожав плечами, сказал, что завтра он непременно зайдет объяснить с ней и что подобного взрыва дурацкой романтики он не ожидал увидеть.

Туля, надув губки, сказала, что он, кажется, что-то слишком озабочен событием и, кажется, готов даже сейчас побежать. И что если это так, то ей не нужно такого раздвоенного чувства, пусть он совсем уходит к своей кикиморе и больше не возвращается. Ее самолюбию не очень-то льстит подобная соперница, с которой к тому же ничего не случилось.

Через час бухгалтер Каретников пошел узнать о последних новостях. Не заходя в

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko11.ru дом, он поглядел в окно и увидел, что профессорша спала. А рядом с ней на стуле сидела Лида, скорбно сжав губы и нахмутив брови.

Утром, как ни в чем не бывало, профессор отправился в Ленинград и вернулся к Туле, не заходя домой.

Профессорша, заболев простудой и нервной горячкой, две недели пролежала в постели. И встала несколько иной, чем была, – чрезвычайно строгой, молчаливой и сосредоточенной.

Лида два раза приезжала домой со своим мужем. Это был человек, по наружности простой и добродушный, в высоких русских сапогах и темном свитере. Он конфузился, улыбался, когда говорил, и Лиду называл Лидухой.

Он, покачивая головой и возмущаясь поступком профессора, утешал тещу, говоря, что муж, конечно, вправе уйти, но что именно так уходить, конечно, не полагается. Она должна быть твердой и мужественной, ей не так-то много лет, чтобы впасть в отчаяние. Он предлагал устроить ее на работу и, радостно оживляясь, говорил о будущей жизни, о невозможности в дальнейшем таких мещанских драм и о счастливых днях, которые люди завоюют себе упорным трудом и собственной волей. Он обещал непременно найти ей такую счастливую работу, которая принесет облегчение и не даст ей быть одинокой и покинутой.

Лида благодарно пожимала ему руку и говорила матери, что это единственный человек, цельный и мужественный, которого она уважает в полной мере.

31. НЕОБЫКНОВЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Что касается профессора, то он без памяти полюбил свою красавицу Тулю, или, как по паспорту оказалось, Наталью Каретникову. Он просто не представлял, что у него может возникнуть такое чувство.

Он часами, когда она спала, смотрел на ее лицо, на ее узенькие бровки и вздрагивающий ротик. Он боялся пошевелиться, чтоб не разбудить ее.

И, когда она вставала, он приносил ей чай в кровать и с ложечки кормил ее, упрашивая и умоляя скушать и выпить еще.

Она ломалась и капризничала, говоря, что у нее нет аппетита и что в скором времени она, наверное, умрет от туберкулеза или от чего-нибудь подобного, в то время как волчий аппетит не покидал ее ни днем ни ночью. Она капризничала, фигуряла и третировала мужа. Она заставляла его по нескольку раз приносить то одно, то другое. И он, боясь ее гнева и немилости, безропотно исполнял все ее капризы и желания.

Он страстно и необыкновенно полюбил ее. А она, видя такую любовь, совершенно дошла до пределов возможного. Она валялась в кровати до тех пор, пока он не приходил со службы, и вообще часто не желала совсем вставать, и не хотела даже мыться, говоря, что вода першит ее атласную кожу и закидывает прыщиками.

Он, намочив полотенце теплой водой с одеколоном, вытирал ее красную мордочку. И чистил ей зубки, упрашивая ее раскрыть ротик, чтоб пополоскаться.

Она, дурачась, плевалась в него полосканием и падала на кровать от смеха, когда он пытался обидеться или нахмуриться.

Она называла его дурачком, мурочкой и мордочкой, и он таял от этих ласковых слов, чувствуя себя на седьмом небе от счастья и блаженства.

Теперь Василек, приезжая со службы, приносил ей конфеты и подарки. Он обещал ей сделать разные меховые пальто и длинные шелковые платья.

Туля, капризная, требовала разных немислимых вещей – горностаевых палантинов, поездки в Японию или в крайнем случае поездки в Ялту, на Черное море.

Это последнее профессор ей торжественно обещал, после чего она почувствовала как будто некоторую благодарность и нежную привязанность к молодющему старику, надоедавшему ей своими ласками.

Кашкин, видя необычайную любовь, горделиво ходил по дому и, встречаясь с профессором, говорил, что, не будь его, тот ниогда не увидел бы ничего подобного, а помер бы в своей лачуге, как последний муравей, без луча счастья и радости.

Профессор жал ему руку и говорил "мерси", на что Кашкин уклончиво отвечал, что с "мерси" ему не сшить шубы.

Туля, по временам требуя зрелищ, ходила с профессором в кино и ездила в Ленинград, посещая там кафе и мюзик-холлы.

И всякий раз профессор, выходя с Тулей из сада, немного трусил, боясь встретиться с Лидой или с бывшей женой.

Он встретил однажды Лиду, держа свою Тулю под ручку.

Лида страшно покраснела, увидев его. И вдруг, подойдя к нему, неловко и как-то по-женски ударила его по лицу.

Туля, дико завизжав, хотела, как разъяренная тигрица, броситься на Лиду. Но Василек, схватив Тулю за руки, отвел ее в сторону и попросил не впутываться в глупую историю.

Он посмотрел на Лиду скорее равнодушно, чем злобно, и улыбнулся ей какой-то нехорошей улыбкой, обнажившей его зубы. Затем, приподняв фуражку, он круто повернулся на каблуках и, взяв свою разъяренную крошку под руку, проследовал дальше.

Лида бросилась назад, к своему дому. А Василек, потирая щеку, увлекал подальше свою даму, которая буквально рвалась догнать Лиду, чтоб схватиться с ней или укусить в щеку.

Кашкин, узнав об этом случае, страшно хохотал, говоря, что теперь профессор, съев по морде, тем самым окончательно отрезал пути к возвращению. Он сказал, что случай этот, несомненно, к счастью и что теперь следует окончательно ликвидировать все отношения.

Он намекал на оставленное в том доме имущество профессора и вызвался принести все это, если ему будет уделено кое-что из заграничного гардероба профессора. Туля тоже пожелала пойти вместе с Кашкиным, но Василек попросил ее не делать этого.

В тот же день Кашкин, придя к Лиде, потребовал суровым тоном выдачи всего, что полагалось профессору.

Лида вдруг, не сдерживая себя, плюнула в лицо Кашкина, сказав, что он может обирать, что ему угодно.

Кашкин, сказав: "Но-но, не очень-то распушайте себя плевками", проник в комнату и, собрав два узла имущества, вернулся к профессору, умолчав о плевке.

Однако плевков этот взбудоражил Кашкина. И, почувствовав часа через полтора крайнее оскорбление, он дал себе слово разорить это осиное гнездо.

И, выйдя в сад, он стал кричать в сторону соседей разные обидные, оскорбительные слова и названия, предлагая Лиде выйти и обещая заплевать с ног до головы эту долговязую дылду, которая разыгрывает из себя какую-то горделивую баронессу.

Покричав еще о безобразии аристократической жизни и вернувшись домой, Кашкин отобрал из профессорского гардероба несколько пар брюк и джемпер и, слегка утешившись, позабыл о своих угрозах. Между тем наступил май.

Туля категорически велела профессору достать путевку в дом отдыха на Кавказ или в Крым.

И Василек, достав путевки, стал поспешно собираться, слегка беспокоясь, как бы не случилось такого, что помешает им выехать.

32. ПОЕЗДКА НА ЮГ

Наконец день поездки был назначен. Туля, возбужденная и красивая, впервые в своей жизни собиралась в столь далекое путешествие. Неопытная в таких делах, она собрала в свои чемоданы столько ерунды и дряни и столько простынь, полотенец и шляпок, что все это нужно было нести по крайней мере трем носильщикам.

Василек, не менее взволнованный предстоящей поездкой, суетился и нервничал.

Его здоровье было прекрасным, и он никогда еще не чувствовал такой бодрости и прилива энергии. Небольшой шум в голове он приписывал волнениям последних дней.

Любовь его к Туле не ослабевала. И, кроме любви, он чувствовал к ней благодарность – ему казалось, что эта девочка возвратила его молодость. Накануне отъезда вдруг пришла записка от Лиды. Василек, прочтя записку, страшно побледнел и стал ходить по комнате, обхватив свою голову руками.

Туля иронически и недоброжелательно смотрела на него, ожидая, что он сейчас отменит поездку или что произойдет сейчас еще что-нибудь, более худшее. Привыкнув к неожиданностям своей жизни, она была готова ко всему.

Но Василек, взяв себя в руки, сказал, что все пустяки, все пройдет и все обойдется.

В записке Лида писала, что его сын Николай умер в больнице после операции.

Василек, поцеловав Тулю, сказал ей, что они тем не менее едут завтра и что нет той силы, которая остановит их.

Через час они продолжали сборы как ни в чем не бывало.

Наконец наступил день отъезда.

В отдельном купе они выехали из Ленинграда в Севастополь.

Василек был счастлив и радостен. Он восторженными глазами смотрел на Тулю, говоря, что, кроме нее, вся остальная жизнь померкла для него.

Они приехали в Севастополь и на пароходе выехали в Ялту.

Девушка впервые видела юг и теперь, восторгаясь природой, вскрикивала, показывая пальчиком то на величественные горы, то на необычные облака.

Василек объяснял ей все, что полагается, и таял от радости и счастья.

Много раз он был тут, все, казалось, уже стерлось в его воображении, но сейчас он как бы новыми глазами глядел на все, восхищаясь не менее, чем восхищалась она.

Они приехали в Ялту и остановились в гостинице, в комнате, выходящей на море.

Первые дни невозможно описать – настолько все было необыкновенно хорошо и замечательно.

Они утром, обнявшись, выходили на балкон и, целуясь, восторгались неземными красотами природы.

И теперь, вспоминая свои молодые годы, он почти не видел разницы. Напротив, многое сейчас казалось ярче и дороже и даже таким, каким он никогда не видел.

Его несколько беспокоили легкие головные боли и непрестанный шум в ушах. Но он забывал об этом в присутствии Тули.

Через несколько дней Туле, однако, надоели картины природы и чрезмерно пылкая любовь профессора.

Она сидела теперь на балконе в некоторой меланхолии, капризничая и раздражаясь

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
еще больше, чем всегда.

Василек пытался занять ее разговорами о том о сем. Он рассказывал ей о звездах и планетах, но она не проявляла никакого интереса к далеким мирам. Она ходила по земле двумя ногами, и все, что было далеко и недостижимо, ее ничуть не трогало и даже не забавляло.

Она вставляла глупые и даже ехидные фразы в его астрономические рассуждения, спрашивая о таких вещах, о которых науке было неизвестно, – о любовных делах на других планетах, о шелковых тканях и о том, что бы случилось, если бы она, величественная в своей красоте, появилась бы в ином мире.

Нет, ее не слишком-то интересовала эта чушь и детские сказки. Ей было скучно вдвоем сидеть на балконе. Она начала ныть и скулить, говоря, что ей хочется танцев, заслуженного успеха и прекрасных экипажей.

Она начала флиртовать с молодыми людьми на пляже и в столовой. Она начала снова наряжаться и выходить к обеду подкрашенная и подведенная.

Молодые люди, принимая профессора за ее отца, довольно недвусмысленно подходили к Туле с разговорами и предложениями погулять.

Василек не препятствовал прогулкам и, воспользовавшись ее отсутствием, отдыхал на кровати, надеясь, что спокойствие утихомирит шум в голове.

Он чувствовал себя исключительно хорошо, но неистовый шум и звон в ушах заставлял его думать о том, что происходит что-то не совсем благополучное.

Он приписывал это морским ваннам и купаньям и отчасти тому режиму молодости, который он вел в течение почти полугода. Он давал себе слово быть более осторожным и не ходить в далекие прогулки по горам.

Однажды, придя к себе в номер после морских ванн, он неожиданно застал Тулю в объятиях какого-то молоденького инженера. Свет померк в его глазах.

Он сказал: "Ах, Туля!" – и, судорожно хватаясь руками за дверь, упал.

Плача и причитая, Туля бросилась к нему. А молодой мужчина, поправляя галстук и бормоча: "Пардон, пардон", выбежал из комнаты.

Был позван коридорный, который положил Василька на диван.

Был приглашен врач, который сказал, что у профессора удар, быть может незначительный и несерьезный.

Василек лежал, неподвижный, на диване. У него отнялась правая часть тела, и он не мог говорить.

Он умоляющими глазами глядел на Тулю и разводил левой рукой, как бы говоря, что вот, мол, какое произошло несчастье.

Через два дня ему стало лучше, и он с трудом мог произнести несколько слов. Эти первые слова были: – Вез'ыте д'ом'ой...

33. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Что касается Кашкина, то с отъездом профессора он почувствовал крайнюю пустоту, и ему буквально не сиделось дома.

Он несколько дней, весьма недовольный и рассерженный, ходил по комнатам, задерживая чету Каретни-ковых своими грубыми замечаниями и окриками.

Да, черт возьми, он свалил дурака. Он, который создал буквально небесное счастье общарпанному профессору, – он не воспользовался ничем. Пару штанов, что он взял у этой ученой размазни, он бы мог отдать и обратно.

Рассерженный Кашкин, хватая из шкала эти штаны, швырял их в кроткого бухгалтера, который все же не осмеливался брать себе эти штаны, а, откладывая в сторону,

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru говорил, что профессор в дальнейшем непременно еще чего-нибудь отпустит из своих вещей.

Кашкин, презрительно фыркая, плевался на пол, чувствуя, что он упустил горячее время.

Да, черт возьми, очень ему нужны штаны, когда он мог бы потребовать у профессора по крайней мере обеспечения на год, пайка или хотя бы поездки в ту же Ялту. Казалось бы, мог эта скотина сообразить и вывезти на южное побережье не только эту дуру, но и его, утомленного хлопотами и беготней. Если на то пошло, он возьмет сейчас и дернет в Ялту. Какого черта он тут будет ждать. Пускай профессор чувствует и понимает его благодеяние.

И действительно, поговорив несколько дней на эту тему, Кашкин, неожиданно купив билет, выехал в Ялту, ликвидировав перед тем кое-что из вещей профессора.

Кашкин приехал в Ялту на третий день после несчастного случая, из-за которого профессор поплатился своей завоеванной молодостью.

Впрочем, врач, который лечил его, сказал Туле, что положение не очень плохое и что при правильном режиме профессор вскоре будет здоров.

Врач утешил Тулю, добавив, что дело не только в несчастном случае, а тут давно подготавливалась почва для удара – профессор, видимо, не совсем по силам вел жизнь молодого человека.

Туля, успокоившись на этом, пофлиртовала с врачом, прося его заходить почаще. Кашкин прибыл к вечеру.

Тысячи слов и всевозможных чувств волновали его, когда он подходил к гостинице. Он церемониться не будет. Нет, он все скажет. Он ему отпоет. Хорош гусь – взял и уехал, а ему оставил шиш с маслом. Думает – ученый, так может затирать рядовых людей. Кашкин открыл дверь номера со словами: Хороши, нечего сказать. Блаженствуют. Валяются, подлецы, на диване...

Однако в первое же мгновение Кашкин понял все. Он увидел банки с лекарствами на стуле и неподвижное лицо профессора. Он увидел Тулю с заплаканными глазами, сидящую на стуле в купальном костюме.

Сердито посмотрев на Тулю, которая зарыдала, он подошел к профессору и сказал: – Говорить-то можете, или уже тово? Василек, с трудом разевая рот, сказал, что он просит поскорей везти его в Ленинград.

Побранившись с Тулей и назвав ее холерой и вороной в павлиньих перьях, Кашкин стал распоряжаться отъездом, несмотря на то что врач категорически запретил везти больного сейчас.

– Дорога его может убить, – сказал врач. – Сейчас не стоит рисковать.

Тем не менее, а может быть, и благодаря этому Кашкин, заказав билеты, сказал, что завтра они отбывают на пароходе в Севастополь.

Только один день Кашкин побродил по пляжу и пару раз выкупался. Благодаря этому он был сердит и к югу отнесся критически, говоря, что ничего особенного он в нем не находит.

На другой день они сели на пароход. Профессора внесли на носилках. Туля следовала с заплаканными глазами, как вдова, нарядившись в черное.

С большим трудом и хлопотами они приехали в Ленинград и с вокзала отправили профессора в больницу в карете "скорой помощи".

Дорога не ухудшила состояния больного – он лишь немного отупел и не обращал внимания на своих спутников, которые в его присутствии говорили черт знает о чем, и даже Кашкин обнимал Тулю, говоря, что, несмотря на все, она все же дивно хороша и он, пожалуй, даже мог бы жениться на ней.

На что Туля, смеясь, говорила, что он рылом не вышел и что назначение ее в жизни

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1.ru не такое, чтобы быть женой какого-то мелкого подлеца.

Отправив профессора в больницу, Кашкин с Тулей вернулись в Детское Село.

Лида, находясь в саду, неожиданно увидела их. Скрывая свое отвращение и гордость, она подошла к забору и дрожащим голосом спросила Кашкина об отце. На что Кашкин, засмеявшись, сказал, что ее отец прихворнул и в настоящее время лежит в городской больнице буквально без задних ног.

Туля, для приличия заплакав, вошла в дом, к крайнему изумлению бухгалтера и его супруги, которые просто застыли в неподвижных позах от удара и удивления.

А Лида, поговорив с мамашей, оделась и выехала без промедления в Ленинград.

Мать осталась дома и, заламывая руки, тревожно ходила по комнатам. Лиду пустили к отцу только на пятый день. Купив у ворот больницы несколько мандаринов, Лида вошла в палату к отцу, строгая и суровая.

Но, увидев отца в жалкой и страдающей позе, заплакала, уткнув голову в его колени.

Слезы полились из глаз Василька, и он, взяв здоровой рукой ее руку, поцеловал, как бы прося прощения.

Через несколько минут они, успокоившись, разговаривали дружески и любовно.

Василек полулежал на подушках. Правая часть его тела не совсем еще слушалась своего хозяина, и речь его была затруднена и невнятна.

Однако Василек надеялся на быстрое улучшение. К счастью, кровоизлияние в мозг было весьма незначительное, но положение ухудшалось нервным ударом, который, по мысли врача, должен пройти в ближайшие дни.

Что касается своей жизни, то Василек, с трудом ворочая языком, сказал: - Бывают ош'ыбки, но л'ыния п'авильная.

34. ВОЗВРАЩЕННАЯ МОЛОДОСТЬ

Через месяц Василек выписался из больницы. Лида, приехав за ним, отвезла его в Детское. Однако он мог бы и сам, без посторонней помощи, вернуться. Болезнь его исчезла, и только сильная бледность говорила о недавнем несчастье. Походка его была твердая и мужественная. Они пешком прошли от вокзала домой.

У калитки дома соседей остановились, как бы случайно. - Ну что, сказала Лида, - сюда?

Профессор, молча взяв Лиду за руку, пошел к своему дому.

Ему стало неловко вдруг за некоторую театральность и благородство жеста, тем более что благородства не было, а была боязнь за свою жизнь и неуверенность в своих силах. Он украдкой посмотрел на Тулино окно. Сердце его больно и сладко сжалось. Нет никакого сомнения, что он вернулся бы к ней и униженно просил бы ее любви и прощения.

Василек, горько усмехнувшись, взял Лиду крепко под руку и вошел в свой сад. Предстоящая встреча с женой волновала его. Руки его слегка тряслись, и голос дрожал.

Он вошел на крыльцо смертельно бледный. Профессорша встретила его почему-то нарядная, с накрашенными губами и с цветком в волосах.

Они молча поцеловались, и Василек, опустившись вдруг на колени, сказал, что он виноват и просит прощения.

Мадам заплакала, обнаружив тем самым подведенные ресницы и свою неопытность в косметических делах.

Все кончено. Она не сердится на него. Напротив, она считает себя виноватой во

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1941.ru
многим. Она не интересовалась его жизнью. Она вела себя как дура и как старуха.
Но теперь все пойдет заново.

Тут, смеясь и плача, они стали обдумывать свою дальнейшую жизнь.

Лида ходила по комнате, потирая руки, довольная и гордая возвращением отца.

В короткое время Василек вернул почти прежнее состояние, то состояние, которое у него было до отъезда на юг.

Два летних месяца, полный отдых и великий опыт прошлых дней сделали его здоровье даже более крепким, чем было прежде.

Он бегал в своей сетке по саду и по парку, он играл в волейбол, катался на лодке, и вскоре его было просто не узнать.

А осенью, начав работать, он, несколько конфузясь, заявил Лиде, что он теперь записался в бригаду ударников и что у него политических расхождений теперь нету. А кое-какие мелочи он, пожалуй, согласен оценить несколько иначе, чем он их оценивал раньше.

Быть может, он этим намекал на обойденную старость. Да, он идет за новую, прекрасную жизнь, за новый мир, в котором все человеческие чувства будут подлинными и настоящими, а не покупными.

Лида, с восхищением хлопая в ладоши, говорила, что лучшего отца ей не сыскать.

Профессорша тоже подтянулась. Гимнастикой она не пожелала заниматься, говоря, что у нее почему-то не гнутся ноги, но зато она помногу гуляла по саду с кошкой на руках.

А вечером, надев желтый капот, энергично ходила по комнатам, желая спокойной ночи обитателям дома – мужу, и Лиде, и ее супругу, когда тот раз в шестидневку приезжал к ним.

Мадам теперь подолгу беседовала со своим мужем, и муж вскоре убедился, что она не такая уж дура, какой она казалась ему последние двадцать лет.

Он даже почувствовал к ней некоторую нежность и нередко называл ее теперь "мамуля", что отдаленно напоминало ему солнечное наименование – Туля.

35. ЭПИЛОГ

Уехав вскоре из Детского Села, автор более не встречался с этими людьми.

Но, говорят, что за это время ничего плохого там не случилось.

Профессор, говорят, чувствует себя весьма недурно. Он совершенно побрил усы и выглядит совсем молодцом, помолодев еще лет на пять.

Он по-прежнему энергично работает и даже собирается выпустить книгу о мироздании.

Лида по-прежнему замужем за своим супругом. Они, кажется, этой осенью собираются в Ялту, если его почему-либо не пошлют на трассовые разработки.

Во всяком случае, он регулярно бывает теперь в Детском раз в шестидневку, и счастье Лиды не поддается описанию.

Эта, как ее, жена профессора, сагитированная Лиди-ным мужем, деятельно изучает стенографию и надеется с нового года начать работать. Но выйдет ли из этого толк, автор не берется судить.

Что касается Кашкина, то этот последний по-прежнему процветает. Ему ровнехонько ничего не делается. На службе он получил повышение за активность, и в настоящее время Алексей Иванович Кашкин отдыхает в Гаграх в доме отдыха.

У Каретниковых он бывал последнее время редко – повидимому, он перенес поле

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
деятельности в другое место.

Сам Каретников этим летом неожиданно погиб – его убило молнией. Вернее, молния ударила невдалеке от него, а он, подумав невесть что, умер от разрыва сердца. Все это произошло чрезвычайно неожиданно и быстро. Бедняга, даже не вскрикнув, упал, и его многострадальная душа тотчас вознеслась к небу.

Похоронами распорядился Кашкин. Он хоронил и заказывал гроб. И даже сам катил тележку, на которой возлежали бранные останки его друга, господина Каретникова.

Кое-кто из родственников Каретникова пришел на похороны в надежде, что им перепадет кое-что из оставшегося имущества. Но надежды были более чем эфемерны. И мадам, и сам Кашкин не допустили родственников даже на балкон, заставив их ожидать процессию в саду, под липами.

Кашкин сказал на могиле небольшую речь о том, что покойный Каретников был неплохой человек, хотя он задурил свою голову излишней глупостью и беспокойством за свою болезнь.

Мадам Каретникова громко рыдала, оплакивая скорей Кашкина, который уже тогда глядел в сторону, чем усопшего мужа.

Бедная девочка Туля после еще одной неудачной истории нашла наконец тихую пристань. Она вышла замуж за корабельного инженера Ф. К. и зажила спокойной жизнью.

Корабельный инженер после медового месяца велел ей было поступить на службу, но не тут-то было. Поступив на службу, Туля через несколько дней почувствовала себя матерью и, бросив службу, перешла на положение домашней хозяйки и будущей матери.

Она несколько подурнела, желтые пятна выступили на ее лице, отчего она горько рыдала, говоря, что материнство ей кажется не менее трудным, чем замужество.

Но все это пройдет, и Туля еще будет сиять в Ленинграде своей незабываемой красотой.

Брат профессора, известный врач, по-прежнему работает на новостройке.

Две племянницы его тоже чего-то делают и изредка бывают у профессора.

Соня ушла и поступила на фабрику "Красное веретено".

Волосатовы взяли было девчонку семнадцати лет, но она, оказалось, страдала припадками эпилепсии. И, кроме того, подавая к столу кушанья, всякий раз половину съедала, оставляя семью полуголодной.

Ей хотели было отказать, но она, вскоре отъевшись, перестала прибегать к этому способу насыщения и пока что служит, хотя ею и не все довольны.

Вообще, говорят, профессора не узнать. Он ходит загоревший и окрепший, много и с удовольствием работает и больше не жалуется на головные боли и шум в ушах.

И можно предполагать, что года через два он левой рукой будет гнуть подковы, если почему-либо случайно не умрет.

С Лидой же Василек больше не ссорится. Он говорит, что идет за новую жизнь, за ту жизнь, которая будет уважать человека не за хитрость и не за количество денег, а за подлинные достоинства – за талант, ум и мужество. Кое-какие же мелочи новой жизни не вызывают у него, пожалуй, больше никаких сомнений.

И, говоря об этом, Василек всякий раз слегка вздыхает и украдкой поглядывает в ту сторону, где находится Тулин дом (XVIII).

КОММЕНТАРИИ И СТАТЬИ К ПОВЕСТИ "ВОЗВРАЩЕННАЯ МОЛОДОСТЬ"

1(к стр. 120)

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru Интересно отметить, что некоторые знаменитые люди рассматривали свою хандру и "презрение к человечеству" как нечто высокое, малодоступное простым смертным, полагая при этом, что это не признаки физического нездоровья и не результат неправильной жизни, а что-то возвышенное и исключительное, полученное ими в силу большого назначения жизни.

Обычно биографы из почтительности поддакивают этим мыслям и утверждают, что гениальный человек не мог ужиться в той пошлой обстановке, которая окружала его.

Между тем хандра есть совершенно определенное физическое состояние, вызванное либо неправильной работой нервных центров, а стало быть, и неправильной работой внутренней секреции, либо нерасчетливой тратой энергии, не пополненной вовремя. Сколько мог заметить автор из тех же биографий, физически здоровый человек с неутомленным мозгом не имел ни презрения к людям, ни хандры, ни ужасов пошлости, а если находил эту пошлость, то работал и боролся за то, чтоб улучшить будущее. Но, заболев, всегда приобретал эти свойства. II (к стр. 120)

Вот список наиболее замечательных и всем известных людей (музыкантов, художников и писателей), закончивших свою жизнь в самом цветущем возрасте:

Моцарт (36 л.), Шуберт (31), Шопен (39), Мендель-сон (37), Визе (37), Рафаэль (37), Ватто (37), Ван-Гог (37), Корреджио (39), Эдгар По (40), Пушкин (37), Гоголь (42), Белинский (37), Добролюбов (27), Байрон (37), Рембо (37), Лермонтов (26), Надсон (24), Маяковский (36), Грибоедов (34), Есенин (30), Гаршин (34), Джек Лондон (40), Блок (40).

Сюда можно добавить еще много имен знаменитых людей, умерших около сорокалетнего возраста:

Мопассан (43), Чехов (43), Мусоргский (42), Скрябин (43), Ван Дейк (42), Бодлер (45) и другие.

Необходимо отметить следующее: некоторые из этих замечательных людей покончили жизнь самоубийством, иные умерли от чахотки, третьи от неожиданных и, казалось бы, случайных болезней. Но если присмотреться ближе, то никакой случайности не оказывается. Все совершенно логически вытекало из прожитой жизни. Все было "заработано собственными руками" '.

Даже смерть от эпидемического заболевания не доказывает еще случайности. Здоровый, нормальный организм оказал бы достойное сопротивление, для того чтобы одержать победу над болезнью.

Автор хочет этим сказать, что случайной смерти как бы не существует.

Даже насильственная смерть, скажем, дуэль и смерть Лермонтова, скорее похожа на самоубийство, чем на случайную гибель.

Дуэль и смерть Пушкина также в какой-то мере напоминает самоубийство или желание этого, может быть даже и не доведенное до порога сознания. Во всяком случае, если проследить все поведение поэта за последние три-четыре года жизни, то это соображение покажется правильным. Достаточно сказать, что Пушкин за последние полтора года своей жизни сделал три вызова на дуэль. Правда, два первых вызова (Соллогуб, Репнин) остались без последствий, но они были показательны - поэт сам стремился найти повод для столкновений. Настроение искало объект * .

*) Автор не рассматривает этих людей вне эпохи. Нет сомнений, что личное свойство и поведение того или иного человека создавались средой и всеми особенностями эпохи. О чем мы и будем говорить попутно. В молодые годы Пушкин давал повод для дуэли, но не стремился найти его.

Третья, состоявшаяся дуэль, привела Пушкина к гибели. Однако погиб не тот здоровый, вдохновенный Пушкин, каким мы его обычно представляем себе, а погиб больной, крайне утомленный и неврастеничный человек, который сам искал и хотел смерти. Уже начиная с конца 1833 года жизнь Пушкина стремительно идет к концу.

Можно вспомнить слова сестры поэта - Павлицевой:

"Если бы пуля Дантеса не прервала его жизни, то он немногим бы пережил

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru сорокалетний возраст".

И в самом деле: здоровье Пушкина в конце 1833 года резко изменилось.

Известна запись О.Пушкине в январе 1834 года (Граб-бе):

"Пылкого, вдохновенного Пушкина уже не было. Какая-то грусть лежала на его лице". Осипова пишет в 1835 году:

"Приехал Пушкин, скучный и утомленный..." Муж сестры поэта пишет:

"Сестра была (в январе 1836 года) поражена его худобой, желтизной лица и расстройством нервов. Ал. Серг. не мог долго сидеть на одном месте, вздрагивал от звонка и шума..."

Начиная с 1834 года в письмах Пушкина все время попадают такие фразы: "Желчь волнует меня...", "От желчи здесь не уберешься...", "У меня решительно сплин...", "желчь не унимается...", "Все дни болит голова...", "Начал много, но ни к чему нет охоты...", "Головная боль одолела меня..."

Эти письма написаны человеком несомненно больным, разбитым и страдающим неврастенией.

Эта болезнь развивалась и усиливалась со дня на день и привела поэта к желанию смерти. Известна запись, сделанная со слов Е. Вревской: "За несколько дней до дуэли Пушкин, встретившись в театре с баронессой (Вревской), сам сообщил ей о своем намерении искать смерти". Эта смерть была не случайна.

Целый ряд противоречий, политических и личных, двойственное отношение к своему социальному положению, запутанные материальные дела и почти невозможность изменить жизнь – покинуть столицу без того, чтобы не поссориться со двором, – все это расшатало силы поэта и привело его к такому физическому состоянию, при котором поэт стал искать выхода в смерти.

В двух случаях Пушкин продолжал бы жить. Первое – Пушкин отбрасывает политические колебания и, как, скажем, Гете, делается своим человеком при дворе. Второе – Пушкин порывает со двором и идет в оппозицию.

Двойственное же положение, в котором находился поэт (кстати сказать, не только по своей воле), привело его к гибели. Противоречия не ведут к здоровью. Эта смерть была не случайна и неизбежна. Эта смерть была похожа на самоубийство.

Самоубийство же, по мнению автора, не может быть случайным. Тут громадная ошибка, когда говорят: у человека была сильная воля, и поэтому он мог покончить с собой. Это, несомненно, не так. По большей части никакой воли самоубийца не проявляет. Попросту у человека создается такое физическое состояние, при котором уничтожение себя является как бы нормальным и не случайным актом. (Можно допустить лишь редкие исключения.)

Обычно говорят: он покончил с собой, потому что у него было такое душевное состояние. Это верно. Но тут пропускается одно звено. Такое звено пропускают, когда, скажем, говорят: у пьяницы дрожали руки. Что это значит? Это значит, что центры, истощенные и разрушенные алкоголем, плохо заведуют движением.

У самоубийцы же душевное состояние, то есть мозг, ослабленный и истощенный навязчивыми мыслями и в дальнейшем, может быть, отравленный ядами неправильно работающих внутренних органов, приводит в такое полнейшее расстройство все тело и всю секрецию, что человек, в сущности говоря, почти не делает над собой насилия, заканчивая свою жизнь.

Конечно, бывают самоубийцы в состоянии аффекта, в состоянии умоисступления. В этом случае картина упадка одинакова, хотя и не равноценна. Мозг, охваченный тревогой, тоской, страхом, быстро истощаясь. или, скажем, отравляясь, или находясь в полупарализованном состоянии, приводит жизнь тела в такую. правда временную, негодность, что человеку не составляет труда искать смерти.

Такого рода самоубийства, конечно, бывают нередко. Но это случается главным образом с истерическими людьми и обычно имеет благоприятный исход, поскольку сам

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru самоубийца приходит (скажем, от холодной воды) в нормальное состояние и деятельно помогает людям спасти себя, крича о помощи и требуя спасательных кругов, врачей и карету "скорой помощи". Люди же, ищущие смерти не в состоянии временного исступления, от такой помощи отказываются и, спасенные раз, все равно и почти всегда заканчивают свои дни насильственной смертью.

Природа в этом смысле как бы идет навстречу. Ослабленный, полупарализованный мозг почти не имеет реакции на боль, и, стало быть, страх смерти и инстинкт сохранения жизни значительно притупляются.

Приходилось видеть на войне, как раненые и ошеломленные люди долго не ощущают не только боли, но даже и своей раны.

В декабре 1930 года я видел, как раненых при катастрофе (товарный поезд подмял под себя трамвай) отвозили в больницу. Один молодой человек, находясь в сознании, сказал пожарному:

- Я сам доберусь до больницы. Помогите лучше вот этой женщине. У нее, кажется, сломана рука.

Как оказалось в дальнейшем, у этого молодого человека были вдребезги разбиты ноги. И не только пойти - он не мог даже двинуться.

Тут природа как бы подготавливает человека к смерти, нередко лишая его разума и чувствительности. При любой почти смерти, даже, скажем, при замерзании, симптомы обнаруживаются прежде всего со стороны нервной системы. Замечается сильное притупление ощущений и полное отсутствие чувствительности. Мозг находится в полупарализованном состоянии, и переход к смерти нечувствителен.

И, стало быть, наоборот - чем-либо ослабленный и полупарализованный, истощенный мозг не защищает организм от смерти, а, напротив того, способствует ей, даже ищет ее и, во всяком случае, поощряет поиски.

Конечно, некоторые самоубийства на первый взгляд поражают и изумляют своей казалась бы неожиданностью.

Джек Лондон, этот здоровяк и "матрос", этот писатель величайшего оптимизма и утверждения жизни, покончил с собой на сороковом году жизни. Смерть эта казалась действительно неожиданной и невероятной. Родные писателя долгое время даже скрывали это обстоятельство.

Что же оказалось? Джек Лондон в течение восьми-девяти лет написал столько, сколько другой писатель, при нормальной работе, мог бы сделать в течение своей продолжительной жизни.

Почувствовав крайнее утомление, писатель бросает работу и уезжает на какие-то чуть ли не Соломоновы острова, надеясь там починить свое здоровье долгим отдыхом и путешествием.

Однако мозг, ослабленный крайним и длительным напряжением и отчасти алкоголем, не мог восстановить и даже поддержать нормальную работу организма. Потерянная инерция, на которой держался писатель, рухнула. И реакция была столь велика, что человек без сожалений расстался со своей жизнью.

Это, так сказать, в общих чертах картина гибели этого человека. Какова же внутренняя механика гибели? Как простыми словами, не переводя на язык науки, точнее объяснить механизм этой катастрофы?

Мозг, то есть нервные центры мозга, заведует всем внутренним хозяйством и регулирует работу всех органов.

Усиленная мозговая работа возбуждает и искусственно усиливает деятельность всех органов. (Заметим, что чем сильнее нервные раздражители, тем обычно интенсивней эта внутренняя работа органов.)

Но вот работа прекращена. Нервных раздражителей больше не существует. Привычный поток крови к нервным центрам и усиленное питание этих центров прекращается. Работа центров идет вяло и с перерывами. Это влечет за собой вялость и даже по

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
временам бездеятельность многих органов внутренней секреции. И налицо картина
крайнего ослабления и крайнего упадка жизни.

У Лондона нервное раздражение, в силу огромной работы, было чрезвычайно велико.
Тем сильнее оказалась реакция, когда эти раздражители были убраны. Эта смерть,
если так можно сказать, произошла от неумелого обращения с самим собой.

Сделаем сравнение. Если автомобиль, идущий со скоростью восьмидесяти верст в
час, резко остановить, то катастрофа неизбежна. Это знают люди, управляющие
машинами, но этого почти не знают люди, управляющие своим телом. Смерть Лондона
была не случайна.

Но можно ли было ее избежать? По-видимому, можно. Тут потребовался бы
постепенный переход на отдых. Потребовались бы временно иные раздражители,
которые поддержали бы работу организма и не создали бы столь сильной реакции.
Такие раздражители, как смена впечатлений, поездка и путешествие, в данном
случае, конечно, не могли помочь. Они были слишком неравноценны прежним
раздражителям. На это можно было бы пойти при незначительном переутомлении.

Вопрос этот, конечно, чрезвычайной сложности, и о нем будет речь в дальнейшем.
Пока только отметим, что смерть этого писателя была не случайна, но она была
неизбежна.

Крайнее утомление мозга и неумение создать себе сколько-нибудь правильный отдых
привели и Маяковского к ранней смерти.

Политические противоречия не раздирали поэта – их не было. Тут главным образом
была трагедия постоянной работы. Даже гуляя по улицам, Маяковский бормотал
стихи. Даже играя в карты, чтоб перебить инерцию работы, Маяковский (как он
говорил автору), продолжал додумывать. И ничто – ни поездка за границу, ни
увлечения, ни сон – ничто не выключало полностью его головы. А если иной раз,
создавая насильственный отдых, поэт и выключал себя из работы, то вскоре, боясь
крайнего упадка сил, снова брался за работу, чтоб создать ту повышенную нервную
инерцию, при которой он чувствовал, что живет.

Трудно сказать, как именно создалось такое состояние. Быть может, существовали
какие-нибудь природные свойства, какие-нибудь органические неправильности
нервных центров. Но, может быть, это создалось благодаря собственным ошибкам и
собственному неумению руководить собой.

Известно, что Маяковский, выезжая, скажем, отдыхать на юг, менял там свой режим
– подолгу лежал на солнце, вел размеренную жизнь, но для головы, для мозга он
режима не менял. Он продолжал работать, продолжал обдумывать свои новые
произведения. И даже нередко выступал перед публикой с чтением своих стихов. Это
был, конечно, не отдых. Это создавало хроническое нервное перераздражение. Поэт
с каждым годом чувствовал себя все хуже. Головные боли, вялость и разбитость
усиливались.

Следует отметить, что причины своих недомоганий Маяковский видел в другом. Свои
частые недомогания поэт приписывал то туберкулезу, который якобы начался у него
(как ему одно время казалось), то табаку. Он бросил курить и вовсе бросил пить,
отказываясь даже от рюмки вина, однако никакого улучшения, конечно, не
последовало.

Утомленный и ослабленный мозг не слишком заботится о внутреннем хозяйстве,
которым он заведует и которое он регулирует. Это и привело поэта к гибели.

Все другие причины и обстоятельства были чисто случайными. И если бы этих причин
не было, нашлись бы иные причины, которые толкнули бы поэта на самоубийство.
Настроение искало объект.

Такая трагедия и гибель нередко случались с великими людьми. И причины такой
гибели часто создавались не только социальными обстоятельствами или
противоречиями, а попросту иной раз непомерной тратой нервной энергии, неумением
обращаться с самим собой и неумением заведовать своей сложной машиной – своим
телом.

Многие из замечательных людей погибли также от чахотки. Вот болезнь, которая

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru чаще всего поражала поэтов, писателей и музыкантов.

Случайность заражения этой болезнью почти отпадает. Был целый ряд случаев, когда здоровые люди в течение долгих лет жили и ухаживали за больными чахоткой и сами не заражались.

Шопен умер от чахотки на сороковом году своей жизни. Жорж Занд, прожившая с ним вместе несколько последних лет, осталась до конца своей жизни здоровой. Жена Чехова также не заразилась этой болезнью. от которой умер Антон Павлович.

Стало быть, тут все дело в особой склонности, в особом предрасположении подорванного организма. Ведь нередко бывали случаи, когда люди по доброй воле прививали себе ту или иную болезнь, чтобы на себе проследить течение ее, однако не заболели.

Был невероятный случай, когда мюнхенский профессор Петтенкофер (в 1883 г.), желая доказать, что микробы не для каждого человека представляют опасность и даже что они сами по себе безвредны, взял пробирку с ядовитой культурой холерных вибрионов и на глазах многих свидетелей выпил все содержимое ее. Петтенкофер не только не умер. но даже не заболел расстройством желудка.

Этот невероятный случай назван наукой загадочным. Высказывали мнение, что микробы действительно не для всех опасны и что требуется особое предрасположение и особые свойства ослабленного организма. Это мнение, вероятно, и есть наиболее правильное. Вообще же вопрос о сопротивляемости организма остается до сего времени неразрешенным.

Здесь, по-видимому, можно провести параллель и в отношении заболевания чахоткой. По-видимому, надо иметь особую склонность и, может быть, особое, неправильное питание легких, чтоб заболеть чахоткой.

Существует распространенное мнение, будто больной туберкулезом обычно отличается чрезвычайной склонностью к чувственности и повышенным эротизмом. Однако возможно, что тут в какой-то мере причина спутана со следствием. Повышенная чувственность, требуя большого расхода энергии, несомненно нарушает и понижает питание легких и создает благоприятную почву для туберкулеза.

Конечно, не только повышенная чувственность, но и всякая непомерная трата сил может создать аналогичную картину.

А если это так, то и чахотка не является чем-то неожиданным и случайным, даже при условии неблагоприятной наследственности. Она, правда, нередко и даже по большей части возникает в силу социальных причин и бывает часто как бы неизбежной благодаря непомерной работе и крайне тяжелым условиям жизни, но вместе с тем она также происходит и за счет неумелого обращения со своим организмом.

В заключение этой статьи автор хотел сказать несколько слов о Гоголе и о причинах его ранней смерти.

Болезнь, психоз и смерть Гоголя чрезвычайно характерны и поучительны.

Конечно, о Гоголе должна быть особая речь. Кажется даже странным, что этот великий человек, вернее – великий писатель, находится в нашем списке, то есть в списке тех лиц, которые чего-то не поняли.

Из чувства почтения к этому писателю автор не решается окончательно утверждать свои мысли. Быть может, автор и сам тут в чем-нибудь не разобрался. Но все же нам кажется, что Гоголь совершил грубейшую ошибку, приведшую его к душевной болезни и к ранней смерти.

С тридцати лет Гоголь ездил по европейским курортам в поисках своей утраченной молодости.

Он ждал, что исцеление придет к нему, если он примет столько-то ванн и выпьет столько-то стаканов карлсбадской воды.

Он с серьезным видом писал об этом своим друзьям. Эти письма просто тяжело

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru читать. Представление Гоголя о своем организме иной раз доходит до полной наивности, что идет вразрез с его умом и пониманием жизни.

Но автор в данном случае делает поправку на эпоху. Каждая эпоха бывает слепа к каким-то вещам.

Гоголь искал исцеления от воды и от путешествий, в то время как это исцеление могло прийти к нему лишь изнутри. Быть может, стоило только изменить свое отношение к тем вещам, которые его тревожили. Что, пожалуй, можно было сделать, так как больших противоречий политических и общественных писатель не знал.

Философ Сенека (53 г. нашей эры) писал своему другу Люцилию:

"О Люцилий, чему ты дивишься, что путешествия тебе не помогли. Ведь ты повсюду за собой возил себя самого". (Эту замечательную фразу Сенека приписывал Сократу.)

Так вот, Гоголь повсюду возил с собой себя самого и ничего не сделал для того, чтобы изменить это и предотвратить душевную болезнь, которая развивалась при крайне ненормальном течении его жизни.

Гоголь умер на 42-м году жизни. Врачи, лечившие его последние годы, находились в полнейшем недоумении по поводу его болезни. Казалось бы, никаких болезней у него не было. И, конечно, восемьдесят лет назад эти болезни распознать было трудно. У него был нарушен обмен веществ и была неправильная, крайне ослабленная работа всех органов, несомненно вызванная расстройством внутренней секреции, которая, в свою очередь, пришла в негодность в силу крайнего переутомления нервных центров. Необходимо сказать, что внутренняя секреция находится в теснейшей связи с тем аппаратом, который состоит из ряда центров, находящихся в мозгу¹.

¹ Это так называемая вегетативная нервная система, которая, кроме центров в мозгу, состоит еще из нескольких нервных стволов,

Стало быть, значительное утомление мозга и неправильное питание его нарушают работу секреции, которая, в свою очередь, неправильно работая, отравляет мозг и кровь химически неправильной продукцией своих желез.

Тут, вероятно, дело не только в систематическом утомлении. В данном случае (у Гоголя) можно допустить какую-то наследственную неправильность, какую-то слабость механизма, заложенную в центральных частях нервной системы, которая регулирует и создает обмен веществ. В наши годы медицина, без сомнения, признала бы у Гоголя психоневроз, который, вероятно, можно было убрать путем тщательного психоанализа и перевоспитания характера. При разумном отношении это не привело бы к душевной болезни. В молодые годы у Гоголя большой нервный подъем сменялся сильнейшей депрессией. Это как раз и указывает на неполадки в регуляторе, который ведает темпом и ритмом организма. В молодые годы Гоголь отчасти умел бороться с этой неправильностью, правда скорее инстинктом, чем рассудочно. Он перебивал неправильную и ложную инерцию упадка сменой впечатлений, путешествиями.

Он встряхивал себя с ложной позиции, как встряхивают, чтоб зажечь, электрическую лампочку с порванным волоском. Если б Гоголь изучил себя более внимательно и понял некоторые особенности своего не совсем здорового мозга, он смог бы управлять собой и не допустил бы развития душевной болезни, которая возникла от целого ряда причин и ненормальностей как внутреннего порядка, так и внешней линии его жизни.

Интересно и доказательно отметить, что физическая смерть Гоголя последовала именно из-за неправильного обмена веществ. Последние недели своей жизни, будучи психически больным, Гоголь ел чрезвычайно мало, а последние дни он вовсе отказывался от еды.

имеющих разветвления по всему телу. Аппарат этот регулирует и заведует деятельностью центра, работой кишечно-желудочного канала, кровообращения, выделением химических секретов желез и т. д. Эта связь (несомненно, взаимная) между железами секреции и нервной системой чрезвычайно сложна и не окончательно изучена. Во всяком случае, тесная связь установлена - укол булавкой в определенный участок мозга вызывает появление в моче животного сахара.

Тогда врачи стали его кормить насильно. Однако желудок его бездействовал. И Гоголь умер в полном упадке сил от полнейшего функционального расстройства всего организма.

В сущности говоря, тут все дело было в истощенном мозгу. Правда, врачи говорят, что мозг сам по себе не истощается. Но это, вероятно, не совсем так – неправильное питание мозга, конечно, изменяет состав клетки и истощает нервные узлы, а стало быть, истощает или, лучше скажем, ослабляет мозг, который является главным регулятором нашего тела, и ни одно жизненное явление, ни один процесс, ни один жизненный акт не совершается без предварительного нервного импульса и без особой реакции мозга. И, повредив этот аппарат, нарушив правильность его отправления, можно тем самым совершенно запутать и привести в негодность работу всех органов.

Повредить же этот сложный и нежный аппарат чрезвычайно легко. Желудок, сердце и легкие существуют миллионы лет – они неразрывно связаны с человеческим существованием. Мозг же как аппарат мышления возник недавно. И это тем более требует бережного и умелого обращения.

III (к стр. 120)

Таких людей, бросивших работу в молодые годы, чрезвычайно много. Из великих можно назвать: Глинка, Шуман, Фонвизин, Дэви, Либих, Буало, Томас Мур, Вордсворт, Кольридж и другие.

Очень характерна жизнь нашего замечательного композитора Глинки. Он прожил 54 года, но примерно в 38 лет деятельность его почти заканчивается. Он берется писать две новые оперы, но бросает работу. И последние 10 лет находится в большой депрессии – пишет лишь мемуары о своей жизни и церковные произведения.

Буало прожил до 75 лет, но с 40 уже не работал. Знаменитый химик Дэви, открывший ряд новых элементов (калий, натрий, барий и магний), открывший газ ацетилен, изобретатель предохранительной лампочки, названной его именем, гениальный физик и химик Дэви в 30 лет уже близится к закату. И в 33 года его научная деятельность обрывается. Однако после этого он

живет еще 20 лет. Причем интересно отметить силу разрушения или, скажем, изменения работы его мозга. За эти 20 лет он пишет две незначительные и даже странные книжки. Одна из них – "Руководство к ужению рыб". Вторая – "О культуре". Последняя книга признавалась любопытной и даже замечательной, но человечество, несомненно, обошлось бы и без нее.

Вот еще картина гибели и разложения великого человека. Знаменитый немецкий химик Либих (1803– 1873) к 30 годам, крайне переутомленный напряженной мозговой работой, уже чувствовал полнейший упадок сил. Он писал друзьям:

"...Я почти устал от своей жизни и могу представить себе, что в иных случаях выстрел или веревка являются прохладительными средствами".

Вот другое письмо, которое писалось в 35-летнем возрасте:

"...Не будь я женат и не имей я троих детей – порция синильной кислоты была бы мне приятнее, чем жизнь..."

Тем не менее человек прожил до 70 лет. К 40 годам прекращается его карьера как экспериментатора в области науки.

Главные его открытия и исследования были сделаны до 37-летнего возраста.

Во второй половине жизни он кое-как работал над практическим применением своих открытий. Эти работы, однако, практического применения не имели и не получили никакого распространения.

Суп для грудных детей, порошок для печения хлеба, кофейный экстракт вот чем 30 лет занят был великий человек. Тут произошла (как и у Дэви), по-видимому, какая-то физиологическая затрата тех частей мозга, которые особенно напрягались при творческой работе.

Шуман. Гофман, Леонид Андреев закончили свою деятельность примерно к 36 годам. В 36 лет Л. Андреев писал в письме: "Началась бессонница. Все не сплю - в голове клейстер. Я нездоров. Вдруг сразу начинает отказываться вся машина. Видимых причин как будто нет. Невидимые - где-то глубоко, в душе. Все болит, работать не могу, бросаю начатое".

И в 38 лет:

"Теперь совсем расхворался. Что-то с нервами, что-то с сердцем, что-то с головой. Все болит, и в особенности распроклятая голова..."

С этих лет Андреев перестал существовать как замечательный писатель. Произведения последних лет были посредственны и даже как бы вымучены.

Причины были, говоря идеалистическим языком Андреева, "где-то глубоко, в душе".

Блестящий сатирический английский поэт Ворд-сворт (1770-1851) прожил 81 год. Англия считала его одним из величайших поэтов и называла его именем целую эпоху английской литературы, ту эпоху, в которой блистали имена Байрона, Шелли, В. Скотта. Ворд-сворт пользовался в Англии большей популярностью, чем даже Байрон. Однако все ценное сделано было Вордсвордом до 40 лет. После чего, как отмечала история литературы, "он исписался и в течение 40 лет повторял самого себя..."

Другой замечательный поэт Англии, Кольридж, жил до 62 лет, но в 30 лет оставил поэзию, как сказано у биографа - по болезни, и выступал в дальнейшем только в качестве критика, а еще позже - в качестве философа и богослова.

Чрезвычайно любопытна жизнь и гибель нашего писателя Фонвизина. Литературная его карьера закончилась в 37 лет. В 40 лет его разбил паралич. Причины этой болезни врачи установить не могли. Однако сам Фонвизин приписывал это исключительно усиленной литературной деятельности.

Разбитого параличом Фонвизина возили в колясочке. причем он не раз приказывал лакею остановить свою коляску на набережной, около Академии наук (там был тогда университет), и, когда студенты выходили из университета, Фонвизин махал рукой и кричал им: "Не пишите, молодые люди, не пишите. Вот что сделала со мной литература". Он умер на 48-м году жизни.

Напряженная мозговая работа подорвала даже такие великолепные, даже сказочные силы, как у Наполеона.

На 36-м году жизни Наполеон делает первую грубейшую ошибку. Он впервые выказывает страх (то есть, попросту, слабость нервов) перед Бурбонами арестовывает на нейтральной зоне герцога Энгиенского и расстреливает его.

Про эту ошибку наполеоновский министр полиции, Фуше остроумно сказал: "Это было больше, чем преступление, -это была ошибка".

В 1808 году Наполеон начинает самую бесполезную и даже бессмысленную войну против Испании. Один из биографов, говоря об этой войне, отмечает: "Разум Наполеона утратил сознание меры".

После первых неудач нервы Наполеона уже заметно стали сдавать. Вернее нервы Наполеона стали сдавать, и тогда начались первые неудачи. После 1808 года Наполеон стал не только раздражительным, но он буквально приходил в бешенство при малейшем возражении.

С этих лет он уже подряд проигрывает почти все сражения. Он затевает плохо продуманный поход в Россию. Он становится чувствительным и даже малодушным. В период Ста дней он проявляет признаки крайнего безволия - он плачет над портретом сына и в ответственный момент не едет сам к войскам, а посылает своего генерала.

Можно смело сказать, что после 39 лет жизни Наполеон как бы не существует. О Наполеоне 1815 года биограф пишет: "не физическая, а душевная усталость свинцовой тяжестью приковывает его даже днем на целые часы к кровати".

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Истощенный, перераздраженный мозг разрушил этого великого и необычайно умного человека, быть может – одного из умнейших людей.

Вот небольшая сценка, которая показывает, насколько Наполеон был умен и насколько понимал физическую сущность вещей.

В 1810 году он посетил лагерь зачумленных. Он хотел показать пример мужества и бесстрашия. Обойдя лагерь, он сказал своим приближенным: "Кто способен побороть страх, тот может побороть и чуму".

И в самом деле. Страх – это такое нервное состояние (слабость, бездеятельность многих нервных центров), при котором организм особенно восприимчив к болезням.

Закат Наполеона был не случаен. Он был, кроме того, неизбежен. Положение обязывало затрачивать колоссальную энергию.

IV (к стр. 120)

Это устаревшее слово "вдохновение", вероятно, ничего не объясняет современному читателю. И поскольку весь наш материал касается людей, связанных с творчеством, нелишне об этом кое-что сказать и расшифровать это понятие, это состояние, которому приписывались какие-то чуть ли не божественные свойства.

Старое понятие "вдохновение" не заменено еще другим словом. Это такое, что ли, счастливое сочетание физического здоровья, бодрости, нервной свежести и уверенности в себе, которое позволяет всю силу своей личности бросить в одно место – в данном случае, скажем, в искусство. Это есть мощь, потенция. Это есть особая, но не совсем правильная работа всего организма. Вернее, даже совсем неправильная работа. Вдохновение – не совсем нормальное состояние. Это скорее перегрузка, это высокая работа организма за счет других, более низких, функций. Это так называемая "сублимация".

Каким образом и откуда возникает это творческое состояние, названное вдохновением?

Замечено, что человек, который живет распутно, не может иметь вдохновения. Он может иметь вдохновение, но он имеет его тем меньше, чем больше он распутничает. Причем не только распутство, то есть излишняя трата энергии, но и счастливая, равномерная жизнь, благополучие, любовь к женщине – все это весьма плохие обстоятельства для вдохновения.

Правда, классический пример – влюбленные пишут стихи. Но они всякий раз перестают писать, если их любовь увенчана. То есть влюбленные пишут стихи именно до того момента, покуда они не затратили своей энергии на более "низменные" потребности.

Если же предположим, человека оставила женщина и этим он несчастен, есть все шансы, что он напишет какую-нибудь вдохновенную поэму или роман. Таких примеров мы знаем множество. Боккаччио в своем предисловии к "Декамерону" пишет, что несчастная любовь создала ему эту книгу. Он написал эту книгу "благодаря Амуру, который освободил его от своих уз". Бетховен однажды, отказавшись от любви, которую предложила ему одна из его поклонниц, сказал своему другу: "Если бы я таким образом захотел пожертвовать свои силы, что же бы осталось для лучшего, для благородного".

Чрезвычайно трагична и показательна в этом смысле жизнь Бальзака. Этот величайший писатель, написавший столько, сколько никому не удавалось, подряд терпел в любви поражения.

Человек любил женщину в течение почти 30 лет. И за эти годы он лишь три раза с ней встречался. Первый раз две недели, второй раз месяц, и наконец, уже будучи развалиной, за полгода до смерти, он женился на ней. Вот пример необычайной сублимации, переключения низменных процессов на творчество.

Ж. Ж. Руссо пишет роман "Новая Элоиза" в тот год, когда он, как сообщают его биографы, был безумно влюблен в одну женщину – и она не принадлежала ему.

Вот еще один классический пример сублимации. Пушкин делает предложение Н.

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru Гончаровой. Свадьба назначена на октябрь 1830 года. Пушкин получает от отца имение Болдино и в последних числах августа спешно выезжает туда для устройства дел. В первых числах сентября Пушкин собирается вернуться назад. Однако возвращение невозможно. Всюду по случаю холеры расставлены карантинные посты, и путь к Москве и Петербургу отрезан. Влюбленный поэт невольно задерживается в Болдине больше чем на три месяца.

Все негодование, страсть, тоска, злоба и бешенство на задержку, вся нерастратенная нежность и любовь к своей невесте – все это в течение трех месяцев "перемалывается", переключается на творчество. Так называемая "болдинская осень" была исключительна по обилию творческой продукции. Никому, пожалуй, и никогда не удалось в течение трех месяцев создать столько, сколько создал Пушкин.

Он закончил "Евгения Онегина", он написал пять "Повестей Белкина", он написал "Каменный гость", "Пир во время чумы", "Домик в Коломне", "Скупой рыцарь", "Моцарт и Сальери", "Историю села Горюхи-на" и, кроме того, несколько мелких стихотворений. Это была знаменитая "болдинская осень", которая всегда поражала историков литературы.

Величайшее творчество никогда почти не шло об руку со спокойным, размеренным благополучием и тем более – с удачной любовью к женщинам. Правда, многие, если так можно сказать, "надували" природу. Гете, например, был женат на неграмотной служанке, жил с ней, казалось бы, безоблачно долгие годы, однако он постоянно влюблялся в "прекрасных женщин", которых он встречал при дворе. И эту влюбленность он как бы превращал в поэзию.

И нам не приходилось видеть по-настоящему счастливых людей, которые были бы велики в своей работе. Все они были неудачники в личной судьбе. Трагична жизнь Ницше, Гоголя, Канта, которые вовсе не знали женщин.

V (к стр. 120)

Кажется чрезвычайно наивными и неуклюжими те критики, которые "уговаривают" писателя вернуться на путь художественного творчества. Одно время, например, уговаривали Л. Н. Толстого вернуться к художественной прозе, в то время как писатель был занят религиозными вопросами. Уговаривали Гоголя.

Конечно, тут никакие уговоры не помогают. Тут дело не в нежелании писателя. Тут дело в физическом состоянии, которое изменить не так-то просто.

В этом смысле даже Белинский допустил ошибку, наставляя Гоголя на путь истины и упрямивая его вернуться к прежней художественной работе.

Как будто это зависит от писателя. Хорошо, дескать, сейчас вернуться.

Такое возвращение могло быть после капитального ремонта всего организма писателя, что, например, не удалось Гоголю. А если бы удалось, то он вернулся бы и без всякого увещевания. И, вернувшись, создал бы не искусственным образом "положительный тип", о котором он так мечтал и за которого все же взялся во втором томе "Мертвых душ", не имея на то физических данных.

Это, повторяю, могло бы случиться, если бы Гоголь вернул свое здоровье и свою "утраченную молодость". И, может быть, за порогом сознания такое стремление – найти положительного героя – и было стремлением пересоздать себя и свою больную психику. Но тут надо было начать именно с себя.

VI (к стр. 122)

Вот список великих людей, здоровье и долголетняя жизнь которых были, по мнению автора, организованы собственными руками:

Кант – 81, Толстой – 82, Галилей – 79, Гоббс – 92, Шеллинг – 80, Пифагор – 76, Сенека – 70, Гете – 82, Ньютон – 84, Фарадей – 77, Пастер 74, Гарвей – 80, Дарвин – 73, Спенсер – 83, Смайльс – 90, Платон – 81, Сен-Симон – 80, Эдисон – 82 '.

Здесь наиболее всего характерны следующие примеры.

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

Кант (1724–1805) нередко говорил (и писал), что он сам, собственными руками сделал себе здоровье и удлинил свою жизнь.

К этому относились как к некоторому чудачеству великого философа.

Между тем Кант, как мы увидим, на самом деле "сделал себя", и даже сделал, если можно так сказать, из материала не совсем "доброкачественного".

В молодые годы Кант отличался весьма плохим здоровьем. Многочисленные болезни, нервные припадки и склонность к меланхолии предсказывали непродолжительную жизнь.

"Это был слабенький мальчик, – писал его биограф, – с нежным, бессильным телосложением, с плоской, вдавленной грудью".

Другой биограф (Куно Фишер) говорил о Канте: "Человек со слабым здоровьем, причинявшим ему всякого рода беспокойства и затруднения при умственной работе". И, наконец, сам Кант писал:

"У меня имелась склонность к ипохондрии, граничащая с пресыщением жизнью",

Бессильный, даже болезненный от природы, он между тем достиг глубокой старости. К 40 годам здоровье его укрепляется все больше и больше, и до последних двух лет его жизни он не знает никаких болезней. "Его хорошее телесное состояние (сообщает биограф

¹ Сюда, несомненно, следует отнести также и нашего гениального соотечественника И. И. Павлова, которому в настоящее время 85 лет, однако он не потерял ни бодрости, ни способности к творческой работе. раф) было следствием осторожности. Он никогда не болел (кроме молодых лет) и никогда не нуждался в медицинской помощи".

Продолжительную свою жизнь он считал делом своих рук. Он вел специальную запись рано умерших людей и ежегодно читал и внимательно изучал таблицы смертности, которые по его просьбе всегда присылались ему кенигсбергской полицией.

Вся его жизнь была размерена, высчитана и уподоблена точнейшему хронометру. Ровно в десять часов он ложился в постель, ровно в пять он вставал. И в продолжение 30 лет он ни разу не встал не вовремя. Ровно в семь часов он выходил на прогулку. Жители Кенигсберга проверяли по нем свои часы.

Все в его жизни было размерено, заранее решено, и все было продумано до самой малейшей подробности, до ежедневной росписи кушаньям и до цвета каждой отдельной одежды.

Об этом стремлении установить твердые привычки мы будем говорить отдельно (см. комментарий X). Пока же скажем, что это стремление вовсе не было чудачеством или особой, что ли, ненормальностью Канта. В этом была целая система, целое даже учение, о котором, повторяю, будет у нас отдельная речь.

Во всяком случае, всю свою жизнь Кант подчинил строжайшей системе гигиенических правил, выработанной им самим и основанной на продолжительном и чрезвычайно тщательном наблюдении над своим телом и настроением.

Он в совершенстве изучил свое телесное устройство. свою машину, свой организм, и он наблюдал за ним, как химик наблюдает за каким-либо химическим соединением. добавляя туда то один, то другой элемент.

И это искусство сохранять жизнь, оберегать и продолжать ее основано на чистом разуме.

Силой разума и воли он прекращал целый ряд болезненных явлений, которые подчас у него начинались.

Ему удавалось даже, как утверждали биографы, приостанавливать в себе простуду и насморк.

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Его здоровье было, так сказать, собственным, хорошо продуманным творчеством.

Психическую силу воли он считал верховным правителем тела.

Автор не считает идеалом такую жизнь, похожую на работу машины. Надо все же сказать, что опыт Канта удался, и продолжительная жизнь и громадная трудоспособность его блестяще это доказывают.

Это был изумительный опыт человека, приравнявшего свой организм к точнейшей машине. В этом было, конечно, много справедливого. Но в этом была и ошибка, о которой будем говорить в дальнейшем.

Пастер (1822–1895). Знаменитый натуралист и профессор химии на 40-м году жизни был разбит параличом. У него было кровоизлияние в мозг от чрезвычайно большой, напряженной работы, которая велась, так сказать, запоем, без всякого элементарного соблюдения гигиенических правил.

И – случай исключительный и даже беспримерный: он прожил почти до 74 лет. То есть после удара он прожил с лишком 30 лет, причем в эти 30 лет отличался исключительным здоровьем и необычайной нервной свежестью. Больше того: наиболее ценные работы и открытия были сделаны именно в этой второй половине жизни этого гениального человека.

Биографы вскользь указывают, что Пастер, медленно оправляясь от удара, обложил себя медицинскими книгами от домашнего лечебника до Смайльса и, изучая себя и свою болезнь, шаг за шагом сумел возвратить свое здоровье и молодость. Правда, до конца жизни Пастер слегка волочил левую ногу, но тут, вероятно, оставалось механическое повреждение тканей мозга, и изменить это было не в силах человека.

Гете (1749–1831) так же, как и Кант, стремился к точности и порядку. Так же, как и Кант, он не имел в молодости здоровья. И это здоровье он создал собственной волей и тщательным изучением своего тела.

В 19 лет у него было кровотечение из легких. В 21 год он был, казалось бы, конченый неврастеник с крайне расшатанным здоровьем и нервной системой.

Он не мог переносить даже малейшего шума. Каждый шум приводил его в бешенство и иступление. Сильные головокружения и обмороки мешали ему заниматься умственным трудом.

Изучив себя, Гете шаг за шагом вернул и сделал себе блестящее здоровье, которое не покидало его почти до конца его продолжительной жизни. (Он умер 82 лет.)

Он боролся со своим нездоровьем, со своей неврастенией и с психической слабостью чрезвычайно настойчиво и обдуманно.

Признавая, что хотя бы отвращение к шуму есть не только физическое, но и психическое состояние, он стал преодолевать это отвращение несколько, казалось бы, странным, но несомненно верным путем. Он приходил в казармы, где бьют в барабан, и подолгу заставлял себя слушать этот шум. Иной раз он, будучи штатским человеком, шагал вместе с воинскими частями, заставляя себя маршировать под барабанный бой.

Чтобы побороть свою привычку к частым головокружениям, он нередко заставлял себя подниматься на соборную колокольню. Он стал посещать больницы, следил за операциями и этим необычным способом укрепил свои нервы и свою психику и до конца дней остался крепким, мужественным и исключительно работоспособным человеком.

Эти, в сущности, небольшие сведения о его борьбе за здоровье показывают все же и заставляют предполагать, что и в дальнейшем была громадная борьба за здоровье и за свою жизнь, при тщательном изучении самого себя. Эта борьба закончилась полнейшей победой. Гете прожил до глубокой старости и до глубокой старости не потерял творческих способностей.

Этот великий человек был одним из очень немногих, который, прожив 82 года, не имел даже дряхлости.

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
"И когда он умер, – сообщает Эккерман, – и с него сняли платье, чтоб переодеть, оказалось, что его 82-летнее тело было юношески молодым, свежим и даже прекрасным".

Да, правда, по нашему мнению, Гете пошел на некоторый компромисс. Он не пошел на борьбу и сделался блестящим придворным министром, выкинув всю двойственность, которая, несомненно, расшатывала его здоровье и его личность в молодые годы. Он сделался консерватором и "своим человеком" при герцогском дворе, чего, например, не мог сделать Пушкин.

Между прочим, смерть, по мнению Гете, зависит от воли человека.

Гете, будучи 68-летним стариком, писал в письме по поводу смерти своего знакомого:

"Вот умер З., едва дожив до 75 лет. Что за несчастные создания люди – у них нет смелости прожить дольше".

Секретарь Гете Эккерман, оставивший после себя записки, приводит такой разговор с Гете:

"– Вы говорите о смерти, как будто она зависит от нашего произвола?"

– Да, – отвечал Гете, – я часто позволяю себе так думать".

Стало быть, как и Кант, Гете признавал за психикой верховное управление.

"Просто невероятно, – писал Гете, – какое влияние может оказать дух (то есть мозг, психика) на поддержание тела... Главное, надо научиться властвовать над самим собой".

И однажды, когда Гете заболел, поранив палец, он приписал излечение собственной своей воле:

"Я неминуемо заразился бы гнилой горячкой, если б не устранил от себя болезнь твердой волей. Просто невероятно, что может сделать нравственная воля. Она проникает все тело и приводит его в деятельность, которая не допускает вредных влияний".

Порядок и точность во всем были главные правила поведения Гете.

"Вести беспорядочную жизнь доступно каждому". – писал Гете.

И, будучи министром, говорил: "Лучше несправедливость, чем беспорядок". Л. Н. Толстой прожил 82 года. Его длительная жизнь не была случайностью.

Он прожил долго не потому, что его жизнь была жизнью графа и помещика благоустроенная и обеспеченная. Конечно, это отчасти ему помогло, но зато отчасти это его и губило, создавая целый ряд противоречий, которые расшатывали его нервы и здоровье. Как известно, эти противоречия и явились причиной его смерти – великий старик, порвав эту барскую жизнь, ушел из дома и вскоре в пути умер.

Обычные представления о Толстом как о человеке с прекрасным здоровьем неверны. В молодые годы он болел легкими и даже лечился от начавшегося туберкулеза. А начиная с 40 лет он страдал тяжелой неврастенией и большим упадком сил. С этой неврастенией он упорно боролся в течение многих лет. Эта борьба была успешна. Бросив художественную литературу и занявшись философией, Толстой сумел вернуться к прежней работе, возвратив себе потерянные силы.

В период болезни он писал об этом болезненном состоянии своим друзьям и родным. Эти письма удивительно читать, настолько они по своему настроению не совпадают с обычным нашим представлением о Толстом, который в 75 лет научился ездить на велосипеде и в 80 лет гарцевал на лошади и делал на ней рысью по двадцать верст. Вот, например, он писал Страхову: "Сплю духовно и не могу проснуться. Нездоров. Уныние. Отчаяние в своих силах. Думать даже и к тому нет энергии". Из писем к Фету:

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
"...Я был нездоров и не в духе и теперь так же. Нынче чувствую себя совсем больным..."

...Не сплю, как надо, и потому нервы слабы и голова, и не могу работать, писать". Из писем к жене (1869):

"Третьего дня я ночевал в Арзамасе... Было два часа ночи. Я устал страшно, хотелось спать, ничего не болело. Но вдруг на меня напала тоска, страх, ужас – такие, каких я никогда не испытывал. Я вскочил, велел закладывать. Пока закладывали, я заснул и проснулся здоровым".

Такого рода выдержек из писем можно привести целое множество. По этим письмам можно восстановить картину физического упадка и нервной болезни Л. Н. Толстого.

Интересно проследить, как Л. Н. Толстой боролся за свои нервы и каким путем он восстанавливал свое здоровье. Понимая, что какие-то участки его мозга переутомлены литературным трудом, он не бросал вовсе работы (что, несомненно, его погубило бы), а переключал свою энергию на другое. То он начинал заниматься греческим языком, то хозяйством, входя в каждую мелочь, то составлял азбуку для крестьян, то, наконец, брался за философию и писал статьи по религиозным и нравственным вопросам.

В сущности, вся философия Толстого – философия чрезвычайно неврастеничная, "удобная", если так можно сказать, для того физического состояния, в котором находился писатель, когда об этом писал. Все философские выводы и правила поведения были сделаны как лечебник здоровья как быть здоровым, и что именно для этого следует делать, и каково должно быть отношение к окружающим вещам, людям и обстоятельствам. Эта философия была главным образом пригодна для самого Толстого с его характером, с его особенностями и с его неврастениями.

И в создании этой философии было стремление организовать себя, защитить себя от болезней, которые расшатывали его волю и тело. И трудно представить, что это было иначе. Толстой был слишком умен, чтобы видеть всех людей похожими на себя, и вряд ли он мог думать, что его философская система, его система непротивленчества и пассивная покорность пригодны для всех, и даже здоровых, стойких, энергичных людей.

Автор не имеет намерения унижить гениального писателя. По всей вероятности, Толстой и не думал о себе, когда писал свои статьи. В этих философских статьях было стремление помочь страждущим и больным людям, но, вероятно, подсознательно это было стремление найти такое отношение к вещам, при котором можно было бы продолжить свою жизнь и не разрушать своего здоровья.

Эта философская система для многих закончилась катастрофически. Было несколько самоубийств среди последователей Толстого и много испорченных жизней.

Вспоминается известное самоубийство некоего толстовца, кажется Леонтьева, который, раздав свое имущество и разуверившись в учении, застрелился на 43-м году своей жизни.

Как бы там ни было – Толстой одержал победу. Он вернул свое потерянное здоровье, вернул способность к творчеству и почти до конца своих дней не имел ни дряхлости, ни упадка. В. Булгаков пишет о 82-летнем Толстом: "Л. Н. ехал такой крупной рысью, что мне пришлось поспевать за ним галопом".

И после того как Толстой проехал верхом шесть верст, Булгаков спросил: "Вы не устали, Лев Николаевич?" Толстой ответил: "Нет, ни крошечки".

Вот еще один замечательный человек, который вернул себе свою потерянную молодость и создал себе продолжительную жизнь, с которой он, впрочем, без сожаления расстался. Это философ, воспитатель Нерона – знаменитый Сенека (род. в 3 году до нашей эры).

Сенека в молодые годы дважды пытался покончить с собою, ибо его здоровье было столь печально, что не оставалось никакого желания жить. Об этом он сам писал в своих письмах.

Он не покончил с собой исключительно из жалости к своему отцу.

Сколько можно понять из биографии и из писем, Сенека был болен жесточайшей неврастенией и ипохондрией, а также неврозом желудка, что вовсе лишало его возможности поддерживать свои истощенные силы.

И любопытное обстоятельство: философ в этот период своей жизни навлек на себя гнев императора Калигулы. Император не скрывал своих чувств – он завидовал огромному красноречию и уму молодого Сенеки.

Он отдал приказ – убить философа. Однако приближенные императора заявили, что убивать философа не стоит, так как он все равно не сегодня завтра умрет по причине своей крайней болезненности.

Тогда император отменил решение и предоставил дело природе.

Однако философ не умер. И через несколько лет сумел полностью вернуть свое потерянное здоровье. Причем это не было случайностью. Это была огромная работа над собой. Это была переделка всей психики. И философ не без основания мог написать в своем письме: "Прожить сколько нужно – всегда в нашей власти".

Свое здоровье, продолжительную жизнь, свою необычайную силу воли и твердость психики философ сумел создать при самых неблагоприятных обстоятельствах. Три императора (Калигула, Клавдий и Нерон) пытались раздавить его своей властью.

В царствование Клавдия (когда Сенеке было 40 лет) он был сослан на остров Корсику и 8 лет провел в изгнании, которое еще более укрепило его силу воли и здоровье.

Его вернули из ссылки и назначили воспитателем Нерона.

Свою необычайную твердость воли и силу ума Сенека сохранил до последних минут своей жизни.

Он умер около 70 лет в полнейшем и великолепном здоровье. Возможно, что он прожил бы и до 90 лет, если бы Нерон не приговорил его к смерти.

В 65 году против Нерона был составлен заговор. Сенека был замешан в заговоре и приговорен к смертной казни. Причем, в виде особой милости, император Нерон предоставил своему бывшему воспитателю право покончить жизнь самоубийством.

Это самоубийство произошло при таких необычайных обстоятельствах и настолько показало мужество и волю этого великого старика, что стоит полностью привести описание последних часов философа. Это самоубийство описано Тацитом:

"Получив известие о приговоре, Сенека хотел сделать завещание, однако ему в этом отказали.

Тогда, обратившись к своим друзьям, философ сказал, что, так как ему не позволено завещать им его имущество. у него все же остается одна вещь, может быть – самая драгоценная, а именно – образ его жизни, любовь к науке и привязанность к друзьям. философ утешал друзей и уговаривал не плакать, напоминая об уроках стоической философии, проповедовавшей сдержанность и твердость.

Он обратился затем к своей жене и умолял ее умерить свою печаль, не сокрушаться долго и позволить себе некоторые развлечения.

Паулина протестовала, уверяя, что смертный приговор касается их обоих, и тоже велела открыть себе жилы".

Сенека не противился столь благородному решению ее сколько из любви к своей жене. столько же и из боязни тех обид. которым она может подвергнуться, когда его не будет.

Затем Сенека открыл себе жилы на руках. Однако. увидя, что старческая его кровь вытекает медленно. он перерезал также артерии и на ногах.

Опасаясь, чтобы вид его не смутил жены, он велел перенести себя в другое

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
помещение.

' Нам с нашими нервами и нашей психикой трудно даже представить всю эту картину в бытовом плане. Плачущие друзья. Философ, который должен на глазах всех перерезать себе вены. Жена, которой муж позволил сделать то же самое. Стража, стоявшая у дверей в ожидании конца. Толпа любопытных... Нам трудно представить эту картину в реальном бытовом плане.

Однако смерть все не приходила. Тогда Сенека приказал дать себе яду, но и яд не подействовал.

Тогда философ приказал посадить себя в горячую") ванну. Он сделал возлияние Юпитеру-освободителю и вскоре испустил дух".

Повторяю, нам просто трудно представить всю силу и твердость этого человека. Надо было иметь железные нервы, чтобы так мужественно вести себя. Это сделал человек, который в молодые годы погибал от крайнего расстройства нервов.

Кстати сказать, жена Сенеки, Паулина, была спасена. Нерон опасался, что эта смерть вызовет разговоры об его излишней жестокости, и потому велел спасти ее. Ей успели перевязать вены, и хотя она потеряла много крови, однако осталась жива.

Смерть Сенеки была случайна. Он мог бы прожить значительно дольше.

VII (к стр. 124)

Конечно, к этому заявлению позволительно отнести несколько юмористически. Но есть и другие примеры, которые доказывают эту мысль со всей серьезностью.

Кстати, еще о вине. В арабских сказках в одном месте говорится о человеке, который пришел в гости:

"Он выпил три ритля вина, и тогда в сердце его вошли радость и восторг".

Три ритля примерно равняются полутора литрам. Порция не совсем нормальная людям с нашим здоровьем.

Впрочем, доказывать, что изменились и ухудшились нервы за последние несколько столетий, нет даже надобности. Это и без того чрезвычайно ясно. В данном случае достаточно хотя бы припомнить только что описанную смерть Сенеки и обстоятельства, которые сопровождали эту смерть.

Впрочем, вот еще одно описание, которое еще с большей наглядностью показывает, какова разница в нервах.

Тот же Сенека пишет в своих письмах о том, как он зашел однажды в римский цирк посмотреть на бой гладиаторов. Да, правда. Сенека возмущается жестокостью этого побоища. Но он пишет об этом все же со спокойствием и с той нервной твердостью, которая незнакома нам.

Сенека хотел посмотреть на что-нибудь веселое или в крайнем случае на организованный бой гладиаторов, но попал на побоище преступников.

А надо сказать, что в римском цирке по утрам бились на поединках гладиаторы, то есть мастера фехтовального дела. В полдень же бились преступники без всяких щитов и доспехов. Все тело их было открыто для взаимных ударов. И никакого милосердия или пощады, конечно, нельзя было ожидать. В сущности, это, видимо, была особого рода смертная казнь преступники сами себя убивали.

Трудно представить, как при этом вели бы себя зрители с нашими нервами.

Между тем Сенека пишет о пристрастии и любви зрителей именно к такого рода боям:

"Громадное большинство предпочитает такую бойню обыкновенным поединкам и гладиаторским боям. И ее предпочитают потому, что здесь нельзя отразить удара шлемом или щитом".

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Предпочитать же такое побоище – надо действительно для этого иметь необычайные нервы.

С нашей точки зрения, эти бои, да и организованные бои гладиаторов, были просто ужасны.

Мы иной раз представляем себе эти бои как нечто праздничное и торжественное. Однако это было далеко не так. Оказывается, "робких и ленивых бойцов побуждали к бою ударами бичей и горящими факелами". Сенека пишет:

"Недавно один из германцев, которого готовили к утреннему спектаклю на гладиаторских боях, отпросился для отправления известных потребностей. Там он взял губку, привязанную к палке и предназначенную для вытирания нечистот, засунул ее себе в рот и, заткнув таким образом горло, задушил себя".

Вот каково было состояние у людей, готовившихся к бою.

Вот еще что пишет Сенека:

"Недавно везли под стражей к утреннему спектаклю одного гладиатора. Как будто отягощенный сном, он качался, сидя в повозке, и наконец спустил голову до того низко, что она попала между колесных спиц, и держал ее там до тех пор, пока поворотом колеса ему не свернуло шею".

Римские граждане стремились посмотреть на эти бои, но все же предпочитали, как говорит Сенека, еще более кровавое побоище преступников.

Эта жестокость и звериная психика и есть, в сущности говоря, звериная крепость нервов.

Можно привести еще пример, правда книжный, об изменении здоровья.

Существует мнение, что при некотором нервном ослаблении половой инстинкт все же ни в какой мере не понижается. Однако, по-видимому, это не так.

Мы читаем в старинных книгах о таких страданиях неразделенной любви и о таком бешенстве желанья, которое нам ни в какой мере недоступно и непонятно.

Мы рассматриваем это как особое литературное преувеличение и как экзотику, не думая о том, что это было именно так. В наших современных книгах нет даже сколько-нибудь похожего преувеличения. У нас любовь и желание рассматриваются по большей части как наслаждение, которое можно приобрести если не в одном, так в другом месте. И я не вспоминаю ни одной современной книги, в которой говорилось бы о чрезмерных страданиях влюбленного.

А, например, Апулей ("Золотой осел") сравнивает страдания влюбленного по крайней мере с чумой.

В арабских сказках говорится о физическом изменении человека, любовь которого не разделена.

"У него изменился цвет лица, и его тело похудело. и перестал он есть, пить и спать, и сделался точно больной, который 20 лет болен".

И даже подряд говорится о смерти, которая произошла из-за той же неразделенной любви.

Автор – не ученый и не исследователь, и он, пожалуй, не сумеет решить вопроса – каким образом и по каким именно причинам в дальнейшем изменялись и ослаблялись нервы.

Но ослабление это произошло с несомненной ясностью, и резкую перемену в особенности можно заметить в последние два столетия.

Быть может, тут следует пролить несколько капель яду, поговорив возвышенным языком о губельности буржуазной европейской культуры, о неправильном ходе истории и о всей утонченной цивилизации, которая изнашивает мозг. Или, быть может, следует написать сатирическую книгу по истории культуры. Такуую книгу

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru однажды посоветовали написать автору. Но автор не имеет к этому склонности. Автор не слишком верит в целебные свойства сатиры и без особой жалости расстался бы с высоким званием сатирика.

Автору случалось видеть сатириков. Они все кипели благородным негодованием, описывая людские пороки – жадность, корысть, угодничество и низкопоклонство. Они плакали слезами, говоря о необходимости улучшить человеческую породу. Но вот когда произошла социальная революция, когда в нашей стране стали ломать характеры и стали выколачивать из людей всю дрянь, которая накопилась за тысячи лет, – эти самые сатирики уехали за границу и стали поговаривать о том, что, в сущности говоря, пожалуй, даже скучновато жить, ежели все люди будут возвышенные, честные и порядочные.

Так вот, автор не имеет склонности, да и не сумеет в сатирическом плане решить вопроса о гибельности культуры. Но о причинах, изменивших здоровье, во всяком случае о причинах, изменивших здоровье тех замечательных людей, о которых мы писали, автор попытается все же говорить.

Вот мы говорили уже о том, как нередко человек, прожив 35 лет, становится дряхлым и изможденным, бросал работу, жил в тягость себе и людям и наконец умирал, не сумев вернуть своей молодости.

Такую катастрофу мы приписываем личному поведению человека, признавая при этом некоторую, что ли, иной раз неизбежность.

Однако личное поведение нельзя целиком отнести за счет неумения жить. Ведь даже и это неумение жить показывает, что существуют, стало быть, такие внешние причины, при которых надо иметь какое-то особое умение и особую сноровку, чтобы пользоваться жизнью.

Мы хотели выяснить, почему именно так рано иной раз погибают замечательные люди. Мы пришли к мысли, что они погибают от расстройства нервов, которое создает в дальнейшем расстройство работы всего организма. И что это расстройство нервов происходит по двум причинам.

Первая причина – душевный конфликт, то есть разного рода противоречия, как высокого общественного порядка, так и личного, житейского характера. Механика этого страдания заключается в том, что мозг переутомляется от этих постоянных навязчивых или тяжелых мыслей и тем самым (являясь как бы регулятором всей работы организма) путает эту работу и создает привычку к неправильности.

Вторая причина – профессиональная, то есть профессиональное переутомление мозга, которое создает аналогичную картину болезни.

Однако профессиональная причина имеет истоки, не только заключенные в неумении руководить собой. Да, конечно, частично можно отнести и к этому – и к неумению, и к той исключительной, если так можно выразиться, возвышенной любви к своей профессии, когда нарушаются все правила гигиены и отдыха для того, чтобы создать напряженнейшее произведение. И это, так сказать, "издержки производства". И об этом может быть особая речь. (Хотя отметим, что и здесь экономические причины нередко играют решающую роль.)

По большей же части профессиональное заболевание возникает от причин, лежащих вне человека.

Другими словами, можно отлично знать и помнить все гигиенические правила, однако не следовать им из-за внешних обстоятельств. Эти внешние обстоятельства почти всегда экономического характера, а если углубить это дело, то и социального. Это та неправильная покупка труда и те требования потребителя, которые заставляют поставщика непомерно работать, чтоб создать себе сколько-нибудь сносные условия или те условия, к которым он стремится.

Стало быть, и в первом, и во втором случае, то есть и при душевном конфликте, и при профессиональных причинах, в общем счете, все дело, за некоторым исключением, лежало в тех социальных установках, которые существовали.

И, значит, гибель многих замечательных людей, о которых мы говорили, произошла главным образом из-за неумения руководить собой и своим телом в тех условиях,

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
которые при этом были.

Умение же жить вопреки всему необычайно трудно и было лишь доступно чрезвычайно немногим людям, о которых мы говорили. Стало быть, истоки всего этого вопроса лежат все-таки главным образом в социальных установках. И, стало быть, вопрос этот усложняется во всем своем объеме.

Этот вопрос о катастрофе замечательных людей мы решали как бы в грубом счете. То есть брали весьма ощутимые признаки – ранняя смерть, болезнь, душевные конфликты, прекращение работы. Но сколько вероятно, было иных, более нам незаметных причин которые вели к упадку жизни и работы. Мы говорим (бедности, материальных лишениях, бесплодных попытках создать себе сносную жизнь.

Достаточно хотя бы сказать, что Бетховен – чело век, который, может быть, больше, чем другие, доста вил радость людям, – умер в нищете. Причем он уме] не в какой-нибудь седой древности, когда государствен ный строй как бы не нес ответственности в силу отсут ствия высокой культуры и неуважения к искусству Бетховен умер всего лишь сто лет назад. И нищет. его, несомненно, со всем позором ложится на полити ческое устройство.

Мы говорим о вещах, которые, вероятно, много ра были продуманы. Мы говорим об этом не для того чтобы открыть какую-нибудь новую Америку. Мы гово рим об этих вещах для того, чтобы еще раз занов осветить все положение, которое существовало раньш и существует тепер в других странах.

Новый социалистический порядок нашей страны, пс иному распределяя блага, в корне меняет все отноше ния. Эти блага получают трудящиеся, то есть писател)/ музыканты, ученые, рабочие и служащие, а не людг умеющие торговать.

И в этом есть большая справедливость. И трудно сти наших дней – явление временное.

К некоторым областям труда у нас придется отне стись более гибко, чем это иной раз наблюдаете сейчас.

Линдберг, который перелетел океан в тридцать шесть часов, стал состоятельным человеком. Может, и непрс { вильно то, что он стал богатым человеком, но то, чт его жизнь обеспечена, – это, несомненно, правильно во-первых, за этими тридцатью шестью часами стоя долгие годы тренировки и навыка, во-вторых, от этого человека можно ожидать еще более значительных д(стижений, даже если он продолжительное время эти достижений не делает.

Рассматривать же его как человека, способног всякий раз перелетать океаны, абсурдно.

Это не следует рассматривать как нечто свойственное человеку, как нечто доступное ему постоянно. Этот взгляд и это требование, несомненно, снижают квалификацию.

При капиталистической системе такое снижение квалификации, особенно в области искусства, случается нередко. А у нас этого следует, стоит и можно избежать.

VIII (к стр. 128)

Здесь пример переключения одной энергии на другую, то есть переключения психической энергии на физическую. Человек, раздражившись, создал в своем теле энергию, которая не исчезает сама по себе, даже при условии успокоения, – она лишь переключается на другой вид энергии.

В данном случае она переключается на физическую энергию – человек стал кричать, двигаться и даже старался приподнимать тяжелые вещи. И, конечно, чем сильнее возникшая энергия, тем резче ее проявление.

Эти крики и физические усилия необходимо было сделать, для того чтобы возникшая энергия не обратилась во вред организму. Эта энергия в противном случае могла бы создать расстройство и заболевание органов, а иной раз даже и смерть.

Интересно отметить, что психическая энергия, возникшая таким образом,

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru переключаясь, чаще всего избирает наиболее уязвимые места, то есть больные или чем-либо ослабленные места организма.

Стало быть, при дурном сердце явления возникли бы со стороны этого больного органа в виде припадка, сердцебиения или нарушения ритма.

При нездоровом желудке энергия избрала бы этот орган.

И не только такого рода энергия, но и любой болезненный процесс в организме может избрать это наиболее уязвимое место.

Я вспоминаю такой любопытный случай: одному малышу (моему сыну) привили оспу. В тот же день, наклонившись к нему, чтобы померить температуру, я случайно обжег его ладонь папиросой. Уже на другой день на месте этого незначительного ожога возникла оспенная язвочка, которая воспалилась гораздо значительнее, чем на уколах, сделанных врачом. То есть раздраженное больное место оказалось наиболее восприимчивым и доступным болезненному процессу.

Конечно, медицине известны и все эти законы, и всякого рода переключения энергии, но большинству людей эти законы либо вовсе неизвестны, либо известны в такой незначительной степени, что не приходится говорить о практическом применении своих знаний.

Ведь существуют более сложные законы энергии, знание которых просто необходимо, для того чтобы иной раз уберечься от катастрофы, или заболевания, или даже от той ранней смерти, о которой мы упоминали. Нередко такая смерть происходила просто от неумения руководить своим организмом, то есть от незнания самых элементарных законов энергетики.

Часто при усиленной мозговой работе человек не чувствует ни утомления, ни ослабления, а, напротив того, он чувствует себя превосходно и не теряет трудоспособности, полагая при этом, что его организм справляется и такая усиленная работа ему не вредна.

Между тем мозг может потреблять энергию, видимо, значительно выше нормы, однако это происходит, несомненно, за счет других органов, за счет других частей организма.

Вот почему при остановке работы реакция иной раз сказывается в чрезвычайной степени и нередко дело заканчивается гибелью (как, например, у Дж. Лондона).

Интересно, что даже в молодых науках известны тончайшие законы энергетики, - во всяком случае, их знает человек, который работает в этом деле.

А законы энергетики нашего организма, быть может и изученные в совершенстве, мало кому известны и, во всяком случае, малопопулярны.

Конечно, существуют целые отделы науки, как гигиена и логика, но все ж это для большинства людей малодоступно, слишком отвлеченно, туманно и, главное, малоприменимо практически.

В сущности, до сего времени нет каких-то элементарных правил, элементарных законов, по которым надлежит понимать себя и руководить собой не только в области своего труда и своей профессии, но и в повседневной жизни. Тут требуется какое-то практическое искусство понимать работу своего тела.

Ведь все специалисты выработали особую и наилучшую технику работы, причем эта техника работы постоянно рационализируется и улучшается. Художник отлично изучил краски, которыми он работает, но жить он по большей части не умеет и предоставляет свою жизнь случаю, природе и собственному неумению.

Скажем, мало кому известно о том, что наш организм может работать на разные скорости (как любая машина), причем часто большая скорость отнюдь не является вредной, а, напротив того, чрезвычайно полезной и даже благодетельной. Случайно или по целому ряду обстоятельств человек, расходующий незначительное количество энергии и живущий, так сказать, на медленном темпе, по большей части так и продолжает жить, совершенно не предполагая, что он может создать энергию значительно большую.

Правда, эта скорость зависит от внешних причин и является как бы не всегда подвластной воле человека, но все же, зная об этом, человек мог бы иной раз регулировать работу своего тела и не впадал бы в грубые ошибки.

Переход с одной скорости на другую обычно совершается случайно и нередко является неожиданностью для самого хозяина тела.

Приходилось видеть людей, которые годами лечились от меланхолии, от упадка сил и от нежелания жить, в то время как эта ослабленная работа организма – вялость и пониженный обмен веществ – часто вовсе не является показателем болезненных процессов.

Чаще всего это лишь тот медленный темп, медленная скорость, в которую человек попал либо случайно, либо по ряду обстоятельств, либо просто не умея руководить собой.

При слишком большой скорости организм может, как мы видели, потерпеть катастрофу, растратив запасные силы и не заметив этого. При слишком же незначительной скорости эта катастрофа бывает гораздо чаще и гораздо опасней – машина может остановиться или долгое время бездействовать, не вырабатывая или мало вырабатывая нужные для жизни и движения химические элементы.

Конечно, для каждой скорости необходимо иметь цель и устремление машина не может двигаться на одном месте. И это всегда надо иметь в виду.

В общем, сущность скорости заключается в следующем: если человек случайно (или вынужденно) будет все делать медлительно, с неохотой, затрачивая незначительную энергию, если он будет валяться, мечтать или петь грустные песни, то такое же состояние возникает в работе организма. Причем, при частой повторности этого, организм как бы привыкает пользоваться только такой скоростью. И, привыкнув к этой скорости, человек не умеет уже освободиться от нее, полагая, что это есть состояние его здоровья, в то время как это не состояние здоровья, а всего лишь по большей части случайно утвердившаяся скорость.

И наоборот – человек может приучить работать свой организм на значительную скорость без всякого вреда для себя. В этом случае только повышается весь обмен веществ.

Тут существует какая-то своеобразная диалектика работы организма. Все движется, нет ничего утвердившегося, и нет состояния, от которого нельзя было бы уйти. А если какое-либо состояние или, скажем, скорость утверждается, то это чаще всего происходит в силу собственных ошибок или непонимания.

Тут чрезвычайно интересно отметить, что не только отдельного человека, но и целый народ (хотя бы в нашей стране) можно перевести на другую скорость, хотя бы и весьма непривычную. Для этого необходимо прежде всего расстаться с прежними привычками и выработать новые, которые, утвердившись, создадут новую, повышенную работу организма.

Конечно, тут преобладающую роль играет цель и устремление. Однако нельзя сказать, оценивая идеалистически, что все без исключения стремятся к цели. Тем не менее и их можно и должно изменить. Что у нас и делается не без успеха.

Стремительный темп побуждает к новой, быстрой работе организма.

Люди же, не попавшие в эту переделку, те люди, которые, вопреки всему, старались сохранить свои навыки и прежние традиции, те самые люди, о преждевременной старости которых мы говорили, – они все терпят катастрофу.

IX (к стр. 130)

Здесь следует сделать такое сравнение – мозг здоровый, нормальный и мозг больной, истощенный. Какая же разница в их работе? И в чем именно эта разница? И нельзя ли путем сравнения этой работы или, вернее, путем сравнения поведения увидеть причину, приведшую мозг к заболеванию или неврастении.

Разница, оказывается, вот в чем. Здоровый мозг (в данном случае, скажем, мозг

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru (обезьяны) имеет ту чрезвычайно резкую особенность, что он реагирует только лишь на то, что есть в данную минуту. Этот мозг как бы не помнит ничего другого, кроме того, что есть. Он имеет короткую реакцию.

Вот обезьяну ударили. Она реагировала на это со всей силой своего темперамента. Но вот ей дали виноград – и счастье ее не омрачается воспоминаниями об ударе. Этот здоровый мозг как бы лишен всяких воспоминаний.

Мозг же больной, ненормальный (как крайность, допустим, мозг психически больного), напротив того, имеет ту резкую особенность, что он все время, постоянно и без перерыва что-то такое помнит. Какая-то идея, какое-то представление или мания не покидают мозг. Тут длительная и постоянная реакция.

Такой мозг как бы не воспринимает ничего другого. Он почти, сколько замечено, не реагирует на окружающее. Он как бы всецело погружен в свое воспоминание. И в этом вся видимая разница и нередко, быть может, первоначальный источник заболевания.

Теперь, если мы возьмем мозг среднего заболевания, мозг неврастеника или просто переутомленный мозг, мы увидим, что основное свойство его состоит также в задержке каких-то воспоминаний. Мы увидим, что человек, больной неврастенией, постоянно чем-то мучается, что-то решает, не может прийти к выводу и как бы несет в себе постоянное беспокойство и какие-то постоянные воспоминания. Этим самым он заставляет все время и непрерывно работать свой мозг, что, несомненно, создает картину все большего заболевания, ибо появляется привычка, которая утверждается настолько, что даже сон не изменяет ее. И обычно сон неврастеника, сколько замечено, не дает ни облегчения, ни отдыха, а, напротив, он часто утомляет больного значительно больше даже, чем день.

Стало быть, весь вопрос заключается в следующем: как дать отдых мозгу и как убрать эти воспоминания? Об этом мы и попытаемся говорить.

Нет сомнения, что больной, освободившийся от неврастения, сумел сам случайно или по своей воле создать себе правильный, разумный отдых для мозга. И вся трудность избавления от неврастения именно в этом и заключается.

Автор, правда, не собирался писать домашнего лечебника и тем более не собирался давать медицинских советов. Но поскольку зашел разговор об этой болезни, о болезни чрезвычайно частой, новой и даже как бы повседневной, автор считает своим долгом поделиться своими знаниями.

Вот болезнь, которая нередко, в особенности в ее начале, не расценивается как болезнь – она расценивается как некоторая, что ли, перемена характере или перемена настроения. И по большей части человек не заметив ее начала, принимается лечиться, когда болезнь приняла тяжелый и мучительный характер. Причем надо сказать, что часто не только начало не замечается, но не замечается и самый разгар болезни.

Я нередко получаю письма от читателей, которые жалуются на скуку, хандру, на свою раздражительность и нелюбовь к окружающим людям. Они просят меня, писателя, дать им совет, как им следует жить чтобы избавиться от этих нравственных страданий. Причем они вовсе не подозревают, что они больны что им следует обратиться не к писателю, а к врачу. Конечно, это относится не ко всем, которые скучают, но все же к большинству, и

Вот, например, отрывок из письма, которое я получил в 1932 году. Автору письма 31 год. Он железный дорожный техник и чертежник.

"Я стал просто каким-то нравственным инвалидом. Мой характер, всегда жизнерадостный и темпераментный, круто переменялся в сторону ухудшения. Ей недавно мне нравилось шумное общество, ухаживай за женщинами, товарищеские вечеринки и беседы, сейчас я становлюсь нелюдимым и меня приводит в раздражение все это, то есть все, что мне раньше нравилось. Смех мне кажется глупым и пошлым. И даже впадаю в бешенство оттого, что вдруг слышу громкий хохот, шутки или даже пень. Я избегаю даже ходить в театр, чтоб не раздражаться..."

Да, моя жизнь несладкая, и в другой раз она меня тяготит какой-то своей ненужностью...

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Дорогой Зоценко, что это – старость, или, может быть, все с годами становятся такими же, а только я не умею овладеть собой.

Чем мне заняться? Какие книги мне надо читать, чтоб хоть на мгновение чувствовать себя хорошо и жизнерадостно. Посоветуйте".

Автор этого письма приписывает перемену своего характера возрасту или неумению владеть собой. Между тем он попросту болен неврастенией. Его раздражительность, скука, крайняя вспыльчивость и нежелание жить – все это признаки нервного перераздражения и нервной болезни.

Однако человек отнюдь не считает себя больным, и даже такой мысли у него не появляется, иначе он обратился бы к врачу, а не к писателю. И вот тут-то и заключается вся сложность болезни.

При чахотке поднимается температура. При расстройстве желудка болит живот. При простуде человек чихает. А тут черт его разберет – какие-то странные признаки болезни: человек сердится, недоволен окружающим, ему скучно, противно жить.

С такими признаками действительно не сразу разберешься, в чем дело, и не сразу поймешь, что надо идти к врачу, а не к писателю.

Вот еще одно письмо. Оно столь любопытно и характерно, что, несмотря на длину, я его печатаю полностью. Это письмо получено мною в 1931 году от одной работницы из Киева.

"Тов. Зоценко!

Меня очень интересует один вопрос, и я решила его спросить у вас как у писателя.

Не знаю только, сумеете ли вы ответить на мой вопрос так, чтоб ваш ответ я смогла легко понять. Придется немного коснуться моей жизни, для того чтобы вы имели возможность ответить на заданный мною вопрос. Мне всего лишь 23 года, но я за свою короткую жизнь успела пережить много горя, страданий и мучений. Я себя начала помнить с очень малых лет, кажется с четырех или пяти, но, во всяком случае, октябрьский переворот 1917 года я так ясно помню, будто он был только лишь сегодня утром.

Я дочь рабочего. У меня есть брат, сестры и мать. Отец мой умер в 1922 году.

Пережив революцию 1917 года, жизнь у нас пошла умеренным темпом. (Мы жили в провинции – Елисаветграде.) До 1919 года мы жили более или менее спокойно. Брат мой был партийцем с 1917 года. Служил он в Красной Армии командиром артиллерийского полка, который во время гражданской войны непрерывно находился в боях. Когда артполк приезжал в Елисаветград, брат учил меня (шутки ради) ездить на коне и метать ручные гранаты. Это было в 1918 и 1919 годах.

И вот благодаря такой "военной тренировке" я одолела премудрость верховой езды и развила широкий размах руки для метания гранат. С детства я отличалась чрезмерной смелостью и способностью очень быстро все воспринимать, и поэтому за какие-нибудь шесть-семь месяцев я превосходно ездила на коне и метала гранаты на восемь-десять метров в длину.

В 1919 году я заболела сыпняком. Неожиданно в город пришла банда Григорьева и устроила еврейский погром. Меня, больную, с температурой выше сорока градусов, пришлось спускать с окна квартиры на пустынный двор, где имелись сараи, в которых мы имели бы возможность пробыть до ухода банды. В квартире боялись остаться, так как Григорьев, узнав бы, что в нашей семье имеются коммунисты, беспощадно изрубил бы всю семью в капусту.

И вот, не доходя до сараев, во двор влетают бандиты. Угрожая топорами, саблями и карабинами, требуют денег. Сколько было денег – отдали. Но черносотенцы этим не отделались, повели нас в штаб к атаману Григорьеву. Проходя по улицам, я, увидав горы трупов, потеряла сознание. Когда пришла в себя, узнала, что бандиты до штаба не довели, а отпустили домой. Узнала также, что ранили тетю и на улице убили мою сестру.

В 1920 году у власти были: Деникин, Махно, Петлю-ра, Юденич и дикая дивизия генерала Корнилова. И при

каждом из них надо было бояться смерти из-за брата-коммуниста. У нас были личные враги, которые высказывали белопогонникам нашу семью.

И вот в 1920 году, когда в Елисаветграде был Деникин, пришли белые в наш дом, требуя сказать, где брат. Не узнав, они потащили меня в контрразведку, надеясь, что я, испугавшись (по малости лет), скажу, где находится брат. Они от меня ничего не узнали. Я все время твердила: "Не знаю". Увидав, что я ничего не скажу, они, избив меня, выпустили. Затем эти же дени-кинцы оставили в моей памяти неизгладимое впечатление, от которого у меня и по сегодняшний день волосы на голове поднимаются. Во дворе у нас жил портной. Пришли к нему четыре офицера с требованием пошить им брезентовые плащи с кожаными отворотами, воротниками и манжетами. Если портной сделает к вечеру – озолотят. Если не сделает – расстреляют.

С помощью всех жильцов дома портной сшил вместо четырех только два плаща. Вечером пришли офицеры и, узнав, что не все плащи готовы, выволокли портного во двор и, приставив его к стене, изрешетили его вдребезги. Я, увидав всю эту историю, вспыхнула, прибежала к себе в комнату, схватила гранату, лежавшую в печи, и выскочила на двор, держа гранату за спиной. Офицеры стояли в углу двора и о чем-то совещались. Я сделала два шага по направлению к ним и, сорвав кольцо с гранаты, швырнула ее прямо в них. Когда дым рассеялся, на земле лежали только части их тел, а я от потрясения и волнения свалилась в постель на два месяца. Выздоровев, я получила подарок из штаба Красной Армии – настоящий браунинг.

1921 год был сравнительно спокоен, но только кошмарный голод еще больше измучил меня и всю семью. Правда, нам не приходилось есть древесную кору, так как брат, получая очень малый командирский паек, все-таки три четверти его уделял семье, иногда и весь. Семье из семи человек приходилось с этим пайком очень и очень голодать. 1922 год был для нас легче. Отец работал. Сестры на службе получали паек. Кое-как перебивались. Брат был в Киеве. И вот летом 1922 года новое несчастье тяжелым камнем падает на нашу семью. Отец заболевает сыпным тифом и, проболев месяц, умирает.

Брат, узнав о несчастье, приехал в Елисаветград и забрал нас в Киев. Поздней осенью, также в 1922 году, одна сестра заболевает брюшным тифом и умирает от осложнения – воспаления легких. Мама, не перенесши такого удара, умирает от паралича. Я осталась с одной сестрой и с женатым братом. Оставшись без средств, я начинаю искать работу. Брат не допускает мысли, чтоб я это сделала, – только учиться и учиться.

В 1924 году я была в цирке. Видела наездников. Вспомнив, что я когда-то умела прекрасно джигитовать, с места в карьер срываюсь с места и лечу к директору цирка с просьбой, чтоб он меня принял в цирк наездницей. Он соглашается, но, узнав, что у меня нет костюмов, нет коня, предлагает мне месяц работать бесплатно с тем условием, что костюмы он сам мне даст. Коня же взять из цирковой конюшни. Не имея другого выхода, я соглашаюсь на это условие. В цирке я работала с 1924 по 1928 год. Тяжелая, напряженная работа подломила мои силы, и я ушла из цирка с расширенным сердцем и острым малокровием.

В 1928 году пошла работать на производство – на стекольный завод. Работа неквалифицированная. Зарботок очень небольшой. Обучаясь три месяца на металлообрабатывающем заводе, получаю квалификацию – фрезеровщица 5-го разряда.

Работаю и по сегодняшний день. Работа очень интересная, живая, увлекательная. Дело приходится иметь со станками, моторами, валами, пасами. Но я работаю машинально. Не знаю, чем объяснить. Стоит мне только положить и заштановать в станок болванку и пустить станок на самоход, как мной овладевает какая-то одеревенелость, тупость. Кажется, что все надоело, и все люди, окружающие меня, кажутся какими-то механическими истуканами, заводными куклами.

Вне заводской моя жизнь делается еще хуже, она начинает мне еще больше надоедать. Прихожу домой – не с кем слово молвить, сестра утром учится в институте, вечером работает, брат живет отдельно. Далекое. Подруг у меня очень мало. Есть масса знакомых, но что толку в них. Ведь нет у меня искреннего друга,

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru с которым я бы могла делиться чувствами. А самой все переносить – очень и очень тяжело. Быть одинокой и никем не понятой и не иметь возможности поговорить с живой человеческой душой, которая отзывчиво отнеслась бы к моим тяжелым чувствам, – лучше умереть. Я временами думаю о смерти. Я часто выдвигаю ящик письменного стола и вынимаю браунинг, подаренный мне за "героический подвиг", глажу его холодный блестящий ствол. Мысли о смерти часто меня навевают, но какая-то невообразимая сила заставляет меня отказаться от этой мысли.

Тов. Зоценко! Я лишь теперь задам вам вопрос, на который с нетерпением буду ждать вашего ответа. Скажите мне (если знаете), почему сейчас, в 1931 году, когда Советское государство окрепло, все люди живы, резвы, все жаждут жить, увлечены интересной работой, ударничеством, соцсоревнованием, темпами строительства, – я не могу, физически не могу чувствовать этот пульс жизни страны. Мне кажется, что все заглохло, а только далекими отголосками раздаются удары пульса.

Вы, т. Зоценко, себе представить не можете, до каких зеленых чертиков мне все надоело. Прихожу домой и сажусь писать свои "откровенные мысли", а когда их потом читаю, меня начинает тошнить, оттого что каждый день пишу одно и то же.

А ведь иначе не могу. У меня одна тема: "Надоело все до смерти", "С жизнью покончить – самое благое дело". Но никак не могу приставить дуло револьвера к виску. Как только это сделаю, во мне пробуждается жажда жизни, которая сейчас же исчезает, как только спущу руку с оружием.

Вы скажете: "Нет силы воли". Вы правы, бесконечно правы. У меня была сила воли. Была. Не знаю, где я ее потеряла. Возможно, что эта сила погибла от всех моих переживаний.

Тов. Зоценко! У меня к вам просьба. Большая просьба. Ответьте мне. Что мне делать? Как мне выбраться из этого воображаемого болота, в котором я захлебываюсь? Ведь это болото гораздо хуже топкого.

Сама я не имею сил выбраться. Помогите мне. Прошу. Ответа жду с нетерпением".

Я написал этой женщине подробное письмо, написал, что ее состояние есть болезненное состояние и что никаких других причин и оснований нету (тем более в 23 года) для того, чтобы чувствовать скуку жизни и пресыщение.

И посоветовал ей устроиться в дом отдыха или в санаторию хотя бы на месяц. В дальнейшем же, после отдыха, посоветовал изменить сколько возможно образ ее жизни, говоря, что ее замкнутая и одинокая жизнь, вне общественных интересов, несомненно, снова приведет ее к упадку, даже если она поправится.

Спустя, кажется, пять месяцев я снова получил от этой женщины письмо. Это письмо было более радостно и даже отчасти восторженно. Она писала, что недавно вернулась из отпуска и что только теперь поняла сущность своих упадочных мыслей – они происходили действительно от переутомления и нервной болезни. И что врачи действительно подтвердили ее болезнь, написав в путевке: неврастения.

Вот об этой болезни, вернее – об излечении этой болезни автор и желает сказать несколько слов. Быть может, я ошибусь тут в каких-нибудь тонкостях и наименованиях, но общая картина будет правильной.

Основная причина неврастения – это переутомление, вернее перераздражение мозга. Это перераздражение может произойти по многим и разнообразным причинам. Однако все причины имеют одинаковую сущность. Они создают то психическое противоречие, тот душевный конфликт, при котором мозг как бы не находит покоя, непрерывно думая об одном и том же.

Другими словами: непрерывно думая об одной и той же вещи, о вещи чаще всего тягостного характера, человек способен заболеть неврастением. Ибо, думая непрерывно, мозг не находит отдыха и, переутомляясь, начинает работать неправильно, создавая этим неправильную работу внутренних органов и самоотравление организма.

Человек способен заболеть неврастением в одинаковой степени как от мыслей высокого значения, так и от мыслей мелких, незначительных и даже в другой раз

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
вздорных.

Человек может перераздражить свой мозг, думая и непрестанно беспокоясь, ну, скажем, о личной своей судьбе или о судьбе близкого человека, или даже, скажем, о своей комнате, которой он не доволен.

Вот пример заболевания от причин, казалось бы, не способных привести к неврастению.

Влюбленный человек, постоянно думая о любимой женщине, нередко заболевает неврастением – он худеет, теряет аппетит, делается раздражительным и даже начинает думать о смерти. Такие примеры заболеваний мы во множестве находим в литературе и иногда в жизни. Казалось бы, такое счастливое состояние, как влюбленность (иной раз даже взаимная), не должно привести к заболеванию.

Однако заболевание происходит нередко, и причина этого как раз и кроется в постоянных мыслях, в постоянных воспоминаниях о любимом человеке. Причем эти воспоминания и мысли не выводят мозг из постоянной работы и, значит, не дают возможности создать отдых. Стало быть, неврастения – это есть прежде всего утомление, вернее – перераздражение мозга, это есть неправильная работа мозга, а также и последствия этой неправильной работы.

И вся суть избавления от неврастения состоит, повторяю, в том, чтобы дать отдых мозгу. Однако это сделать не всегда легко, а иногда и чрезвычайно трудно.

При сравнительно здоровой, нормальной психике излечение приходит само по себе при условии более или менее продолжительного отдыха и перемены обстановки. В этом случае вовсе не требуется, а иногда даже и вредно анализировать и разбирать свою болезнь.

При сложной психике, не совсем здоровой и не совсем нормальной, исцеление не приходит само по себе. И только потому, что больной не умеет создать себе отдых. А создать себе отдых он не может, так как не может и не умеет освободиться от тягостных мыслей и воспоминаний. Больной может часами лежать, может вести самый строгий режим, но мысли и воспоминания не выводят мозг из постоянной работы и из постоянного беспокойства. Причем нередко эти мысли, в силу болезненного состояния, слишком высоко переоцениваются, и, стало быть, избавление от них затрудняется.

Как же избавиться от этих воспоминаний? Как сделать, чтобы воспоминания перестали тревожить человека? Это сделать можно.

Эти мысли и воспоминания физическим путем убрать нельзя. Их можно убрать лишь единственным способом – дать им иную оценку.

Есть такая замечательная фраза, сказанная Марком Аврелием:

"Измени свое мнение о тех вещах, которые тебя огорчают, и ты будешь в полной безопасности от них".

Что это значит? Это значит, что любую вещь, любое обстоятельство мы можем оценить по своему усмотрению и что нет какой-то абсолютной цены для каждой вещи.

Причем такая новая, облегчающая оценка создается не путем, что ли, самовнушения, это создается прежде всего логическим рассуждением. Больной говорит себе: "Меня тревожит эта мысль. Но я болен. Я сейчас не имею возможности оценивать это обстоятельство так высоко, как я его обычно оценивал. Я оценю его ниже либо временно вовсе с ним не посчитаюсь".

И если это сделано сердечно, то есть если человек действительно с чувством, а не только формально подумал об этом, – избавление от тревожных мыслей приходит с необычайной простотой. А освободившись от тревожных воспоминаний, больной тем самым создает себе отдых и, отдохнув, приводит в порядок весь организм, истощенный неправильной работой.

Эту картину избавления от неврастения я нарисовал, так сказать, в общих и грубых чертах, не вдаваясь в некоторые подробности и в некоторые осложнения этой болезни. Нездоровая психика столь разнообразна. Что врачу, вероятно, приходится

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
всякий раз сообразоваться с индивидуальными особенностями больного.

Но в общих чертах общий принцип заболевания и общий принцип излечения мне кажется правильным на все случаи.

Конечно, только лечить болезни недостаточно, надо уметь также и предупреждать их. И если лечение в данном случае состоит в умелом отдыхе, то и предупреждение этой болезни также состоит в правильном и разумном отдыхе.

Создавать себе правильный отдых – это большое искусство.

Ленину принадлежит замечательная фраза: "кто не умеет отдыхать, тот не умеет работать".

Для здорового человека умение отдыхать состоит в правильном и разумном отвлечении от работы. Другими словами, для отдыха необходимо создать иные реакции, чем те, которые были в условиях работы. В этом смысле, мне кажется, у нас были допущены изрядные ошибки.

К счастью, сейчас это меняется, но год или два назад эти ошибки чрезвычайно ощущались. Создавалось такое положение, что абсолютно все театр, журналы, кино и даже цирк – все давалось под одним и тем же углом. Все говорило о двух-трех революционных темах. Такая целеустремленность, несомненно правильная, привела на практике к некоторым извращениям. Появились приспособленческие произведения, которые, так сказать, били в одну точку, не затрагивая ничего другого и не давая разумного развлечения. И это, в сущности, не давало отдыха.

X (к стр. 132)

Тут, как мы видим, организм как бы работает вслепую. То есть, скажем, такое случайное отправление отрицательного свойства, как икота, при известных обстоятельствах может быть зафиксировано организмом как нечто правильное и нормальное. В силу инерции, в силу привычки производить одинаковые действия эта отрицательная, то есть ненужная, работа организма продолжается. Она получает как бы права гражданства, а налицо – картина заболевания.

В сущности, неважно, почему именно возникла икота. Тут важен принцип. Она могла возникнуть не только от центральных причин или от центральных заболеваний. Она могла возникнуть от чисто случайного, произвольного сокращения грудобрюшной преграды. Но в дальнейшем нервная система, регулируя и заведя всеми процессами, "не разобралась", если можно так сказать, в ненужности этого явления и в силу, вероятно, некоторого своего истощения не убрала, а, напротив того, зафиксировала как нечто правильное и нужное.

Если это так, если нашему организму свойственна привычка даже к отрицательным явлениям, если случайно возникший неправильный процесс может продолжаться даже в столь открытом виде, то сколько же мелких, незаметных и глубоко скрытых неправильностей бывает в нашей сложной машине, тех неправильностей, которые, повторяясь, создают заболевание. Тут же неважно отметить, какое заболевание они создают – функциональное или органическое. Все функциональные расстройства в силу постоянной привычки к неправильности могут создать механическое повреждение в том или ином органе. Стало быть, все дело и тут заключается в умелом руководстве и в умении перебивать неправильную, ложную привычку.

Тут необходимо сказать о чрезвычайном свойстве организма – о привычке и о той инерции, которая создается этой привычкой.

Всем известно, что при нормальном здоровье организм имеет свойство работать с необычайной точностью, почти как машина. То есть человек нередко просыпается утром не только в определенный час, но даже в определенную минуту. Человек хочет есть именно в те часы, когда он привык. Кишечник ежедневно опорожняется в определенные часы, с точностью до минуты.

Это значит, что организм склонен работать, как машина, как хронометр, то есть организм имеет свойство приобретать точные привычки и неуклонно им следовать. Всякие изменения привычек влекут за собой изменения в организме и подчас даже расстройство работы органов, не освоившихся с новыми распоряжениями.

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Поэтому при болезненном состоянии почти всегда благотворно изменить распорядок. То есть необходимо поставить организм в новые условия, для того чтобы создать в нем новую и более выгодную инерцию.

Медицина знает это обстоятельство. И, скажем, больному туберкулезом велит изменить образ жизни, то есть бросить прежние привычки и навыки, приведшие легкие к заболеванию.

Теперь возникает другой случай. Организм работает хорошо. Следовательно, нет надобности менять привычки. Напротив того, этим привычкам надо неуклонно следовать.

Вероятно, Кант это имел в виду. Кант, как мы говорили, приравнял свой организм почти к хронометру. Установив правильную работу в своем организме, Кант создал инерцию и, как машина, продолжал жить, стараясь чем-либо не сдвинуть себя с ранее установленных привычек.

Мы говорили, что жители Кенигсберга проверяли по нем свои часы. В течение 30 лет Кант не отходил от своих привычек. Это был поразительный опыт, который закончился победой. Но тут крылась и ошибка, которая создавала из человека некоторое подобие машины для работы.

Возможно, конечно, что великий философ и стремился сделать из себя отличную машину для думанья, однако и тут можно усмотреть некоторую неправильность, которая привела Канта, правда в глубокой старости, к психической болезни.

Можно создать любую привычку для тела, но нельзя забывать, что при частой повторности психика как бы усиливает эту привычку и доводит ее до крайности.

Обжора десять лет назад всегда в значительной степени меньше обжора, чем это сейчас. Человек, привыкший оберегать свое здоровье, через десять лет приобретает как бы манию к этому.

Кант через 20 лет приобрел все свойства маньяка. Но, как бы там ни было, опыт Канта удался, и при всей крайности опыт все же был правильной привычкой, так сказать, создала вторую натуру. Руководить привычками и создавать их - вот один из основных вопросов руководства своим телом.

Энергия, возникшая в организме, имеет свойство расходоваться именно в той привычке, которая случайно либо по собственной воле сделана.

Один писатель так начал свою биографию: "Я пишу оттого, что не могу не писать. Каждое утро я чувствую потребность писать".

Это значит, что писатель создал себе привычку писать и ходит под этой инерцией, не понимая, откуда что идет. В сущности, надо наоборот. Надо, чтобы человек распоряжался своей инерцией, надо, чтобы человек управлял своей машиной. А тут получается, что машина управляет человеком, и писатель благодарит судьбу за ниспосланные способности писать.

Автору приходилось видеть людей, которые находились в каком-то постоянном чувственном состоянии. Это не были здоровяки, которые расходуют свою энергию от избытка. Это были тщедушные люди, которые просто не могли на себя налюбоваться, полагая, что природа особо выделила их и особо отметила, дав им исключительные возможности и силы на это почтенное занятие.

Автору приходилось видеть, как случайно перебитая ложная инерция таких людей создавала им буквально катастрофу.

Тут аналогичная картина той, о которой мы говорили, упоминая об усиленной мозговой работе.

И в этом, и в другом случае устанавливается привычка расходовать свою энергию за счет других частей организма. И такая измененная инерция почти всегда катастрофична.

В старости такое изменение инерции, даже при нормальном расходовании энергии, также нередко заканчивается катастрофой. Человека увольняют в отставку

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru и нередко он буквально рушится в несколько дней, если не сумеет перестроить свои привычки и не сумеет немедленно создать новые.

Значит, дело обстоит так: все, даже ошибочно "ложное и вредное (даже яд), принимается организмом в силу привычки, как нормальное и даже часто как необходимое. И при управлении своим телом особенно важно учитывать это состояние. И весь смысл этого учета – вовремя остановить инерцию, идущую со знанием; ком "минус".

Смысл жизни не в том, чтобы удовлетворять свои желания, а в том, чтобы иметь их.

Эта привычка и создание инерции простираются часто за пределы сознания.

Пушкин говорил, что он мог писать главным образом осенью. Это значит, что однажды, написав удачно осенью, он оставил в своей психике убеждение, которое в дальнейшем создало ему привычку.

Но тут вопрос большой сложности, и решение его мы отнесем к концу книги, когда будем говорить о силе внушения.

Все эти вопросы автор разбирает и будет разбирать не с точки зрения медицины, а с точки зрения литературы.

Один критик, которого я весьма уважаю и которого я рассказывал об идее моей книги, сказал с улыбкой: "У нас в литературе были случаи, когда врачи делали писателями, но чтобы писатель сделался врачом – это не было".

Это, может, и так, но это несправедливо. Я вовсе не стремлюсь быть врачом, но я считаю, что некоторое знание этой профессии не только полезно писателю но даже и необходимо, в особенности сейчас, когда многие вещи рассматриваются заново. Те идеалистические понятия, которые иной раз имеет литература в представлении о человеке, и о его психике, и о его поведении, идут нередко вразрез с понятиями, которые имеет наука.

Возвышенную скорбь, почтенную хандру, прелестную грусть, очаровательное уныние, гордое презрение к людям, благородное самоубийство и раннюю поэтическую смерть – наука, увы, рассматривает несколько иначе, чем литература.

И знание всего этого писателю столь же необходимо, как необходимо художнику знание анатомии. Конечно, художник может рисовать и без знания анатомии. Можно рисовать, как рисовали пещерные жители – профиль с двумя глазами. И это, кстати сказать, нередко можно наблюдать в литературе.

XI (к стр. 145)

Вот пример необычайного ума и вместе с тем поразительной слепоты и непонимания самых важных и необходимых вещей... Вот пример ума, который зачеркивает почти все свои достижения. Речь идет о Ницше (1844-1900).

Ницше писал о своем уме как о высшей человеческой возможности. Глава книги (кажется, "человеческое, слишком человеческое") называется "Отчего я так умен".

Однако так ли умен Ницше, как он писал о себе? Рассматривая его жизнь, мы видим такое чудовищное непонимание себя и такое варварское отношение к своему телу и мозгу, что мы никак не можем признать ум Ницше "высшим проявлением человеческой возможности".

Ницше предложил идею "сверхчеловека", то есть такого человека, который имеет высшее состояние физического и умственного здоровья, человека, свободного в своих взглядах, воззрениях и поступках. Это тем более обязывало Ницше знать кое-что о себе. Однако мы видим просто невероятные вещи. Приведя себя к 35 годам непомерной работой в очень нервное, перераздраженное состояние, потеряв сон, аппетит и способность к правильному пищеварению, он не видит нужды поправить это отдыхом или правильным режимом. Он, не меняя режима, возлагает все нужды на исцеление, только на пилюли и микстуры.

Он ежедневно проглатывает кучу лекарств. От вялости пищеварения он принимает капли, от головных болей – порошки. От бессонницы – жесточайшее средство – веронал и хлоралгидрат. Эти лекарства он принимает ежедневно. В течение II лет

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru он почти ни разу не ложится спать не приняв снотворного порошка. Когда эти порошки не действуют, он увеличивает дозу или заменяет другими средствами, которые вызывают короткий, пятичасовой искусственный сон.

Биограф приводит количество хлоралгидрата, проглоченного Ницше в течение только одного месяца, – около пятидесяти граммов.

Состояние здоровья Ницше к 40 годам делается ужасным. Однако Ницше не видит и не находит причин приведших его в такое состояние. Больше того он находит эти причины в атмосферном давлении. Он ищет облегчения от своих страданий в перемене места и в перемене климата. Он приписывает особые целебные свойства тому или иному месту, но, приехав на это место, естественно, скоро разочаровывается.

Он приписывает особые вредные свойства табаку и чаю. Он вовсе отказывается от этих, в сущности невинных в сравнении с вероналом, наркотиков. В 39 лет он пишет в письме:

"Страшные и почти непрерывные страдания заставляют меня с жадностью ожидать конца".

Однако он ожидает этого конца еще почти 20 лет. В 46 лет он заболевает душевной болезнью и на 57-м году жизни умирает. 11 лет он живет психически больным.

Быть может, все же Ницше имел склонность к этой психической болезни? Может быть, и в молодые годы он был не совсем нормальным в своей психике и в { своем физическом здоровье?

Нет, по-видимому, все было заработано собственными руками, даже если и имелась некоторая склонность к психическим неправильностям.

Физическое здоровье Ницше было поразительным. Иначе трудно представить, как бы он мог проглатывать в таком количестве хотя бы веронал.

Свои нервы он расшатывает непомерной работой. Причем никаких материальных причин как будто к этому не было.

В 27 лет у него начинаются первые нервные недомогания – головные боли и спазмы желудка. В 35 лет он оставляет кафедру университета. И с 35 лет до 46 он живет, поддерживая себя лекарствами и искусственными средствами, не стараясь отыскать причину своих недомоганий.

Страшная жизнь и страдания Гоголя меркнут в сравнении с этой жизнью.

Но была ли борьба за свое здоровье? По-видимому, да¹. Последние два года своей сознательной жизни Ницше как будто бы пытается восстановить свои силы. Он пытается это сделать психическим воздействием. Он как бы уговаривает себя, что он, в сущности, здоров. И в самый разгар своих болезней он пишет в своих сочинениях, что здоровье его, в общем счете, благополучно.

Если бы этого не было, если бы в его жизни не произошло никакой борьбы за здоровье, тогда, пожалуй, можно бы было признать исключительный фанатизм, безумие и нежелание ничего знать, кроме своей работы.

Да, Ницше был фанатиком, человеком, выше всего ставившим свою работу, но нам кажется, что не было нужды доводить себя до такого состояния. Мы признаем, что "издержки производства" при напряженнейшем труде бывают велики и подчас даже непоправимы. Но мы утверждаем, что в данном случае не было необходимости так непрерывно и так варварски испытывать свое тело. Это, как ни огорчительно, можно лишь приписать непониманию.

¹ Приходится, к сожалению, догадываться. Материал не в достаточной степени освещает это.

Почти всякий раз, прочитывая биографический материал, приходится сталкиваться с большими трудностями. Как правило, биографы упускают самое важное и сообщают примерно так:

"После чего великий писатель занемог, и через три дня его не стало".

А чем он занемог и от чего его не стало – обычно не указывается. Подряд приходилось читать такие "полноценные" сведения:

"Тяжелый недуг сломил возвышенную душу этого великого человека".

"Лишения и невзгоды оборвали эту ценную жизнь". Даже знаменитый историк Скворцов пишет об Ив. Грозном: "Он умер от страшной болезни. У него пухло тело и гнили внутренности". Что это за болезнь – никому не известно.

Существует, правда, мнение, что великие вещи создаются в болезненном состоянии. Это, конечно, неверно. Напротив, великие вещи создаются, видимо, в полном здоровье и в подъеме. И лишь потом наступает депрессия. И если не делать значительного перерыва в работе, то возникает хроническое болезненное состояние, которое мы так часто встречаем среди великих людей. И это нас заставляет думать, что великие вещи создаются в каком-то болезненном состоянии. Напротив, это болезненное состояние отнюдь не повышает качества вещей, как иной раз думают, а, несомненно, понижает.

История литературы знает величайшие произведения, созданные в полнейшем здоровье. Причем иной раз эти произведения создавались не в так называемых "муках творчества", а напротив – с необычайной легкостью и даже как бы шутя. Пример – хотя бы "Дека-мерон" Боккаччио. Так что говорить о том, что Ницше было необходимо создавать себе какое-то особое болезненное состояние, неправильно.

Я не расцениваю качества человека по длине его жизни. Иная короткая жизнь более ценна, чем прожитое столетие. Но считаю, что если удлинить прекрасную короткую жизнь, то качество ее не ухудшится.

Ницше этого сделать не мог и II лет провел в безумии.

XII (к стр. 154)

Мы уже достаточно много говорили о так называемых скоростях работы организма. Организм может работать и на малой скорости, и на повышенной скорости. И эта перемена работы часто зависит от нервных раздражителей. Вялая, малокровная работа мозга заставляет вяло работать все хозяйство тела.

Случайное нервное раздражение, волнение или возбуждение иной раз выводят тело из привычной медлительной работы. В данном случае пример такой перемены скорости.

Доказательством того, что это так, доказательством того, что работа тела стоит в теснейшей зависимости от мозга и от мозга зависит та или иная скорость работы, может быть следующее обстоятельство. Считается, что сон наиболее крепок бывает в утренние часы – примерно от трех до пяти утра. Запись деятельности мозга показывает, что все нервные раздражения, сновидения и приливы крови в эти часы минимальны.

Между тем статистика говорит, что именно на эти утренние часы выпадает большая часть смертей, причем смертей обычно тихих и неболезненных. То есть можно предположить, что отсутствие нервных раздражителей как бы уменьшает скорость работы и иной раз, при условии особой болезненности, даже и останавливает работу тела.

Мне пришлось в больнице видеть, как одной умирающей старухе дали полстакана шампанского, чтоб поддержать ее жизнь на несколько минут, для того чтобы проститься с родными.

В безжизненное, неподвижное, почти мертвое тело влили шампанское. (Как известно, действие алкоголя прежде всего сказывается на мозге.)

Почти в одно мгновение произошла такая невероятная перемена, что просто трудно представить, не видя этого.

Серое, мертвое лицо оживилось и покрылось легким румянцем. Глаза открылись. Руки сделали плавный жест. Старуха села на кровати и, как бы продолжая только что брошенный разговор, внятно и отчетливо сказала: "Но где же, в самом деле, Саша? Почему он не приходит?"

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Ее родственник, почти потрясенный такой картиной, едва передвигая ноги, подошел к старухе.

Она оживленно беседовала с ним несколько минут, потом, схватившись рукой за сердце, откинулась на подушку и умерла.

Повышенная скорость при ее состоянии была смертельна.

Между прочим, этой повышенной скоростью можно объяснить целый ряд казалось бы необычайных явлений.

Вот хотя бы такое явление.

В одной умной и замечательной книге говорится о "таинственном" инстинкте человека – о радости катастрофы. О том, что – вот таинственное явление, которого нам не понять.

В самом деле, какая невероятная и на первый взгляд непостижимая вещь человеку свойственно радоваться при виде какого-нибудь разрушения, катастрофы, стихийного бедствия. (Эта радость, конечно, бывает тогда, когда сам человек вне опасности).

Откуда, в самом деле, из каких глубин психики вырастает эта радость, почти восторг?

Как часто приходится видеть веселые лица, искрящиеся глаза, смех и улыбки при самых неподобающих условиях – наводнении, катастрофах, пожаре и так далее.

Я долгое время не мог найти объяснения этому. Я пробовал решать это сложными путями.

Мне казалось, что это тот древний инстинкт, та радость человека, спасшегося от стихийных бедствий, радость, которая осталась в глубине психики.

Но, конечно, это решение было недалеким и, я бы сказал, идеалистическим.

Эта радость, несомненно, возникает от физиологических причин. Нам известно, что некоторое обилие кислорода заставляет животное крайне оживляться и даже, пожалуй, радоваться – прыгать и делать бурные движения.

Необычайная картина разрушения или катастрофы настолько увеличивает нервное раздражение, настолько повышается работа мозга и всех органов, что возникает та повышенная скорость всего тела, которая и приводит человека к крайнему оживлению и даже радости. Но эта радость не относится к виденному. Эта радость возникает от повышенного обмена веществ, от обилия кислорода, от всей необычайной скорости, которая непривычна человеку.

Конечно, такая радость катастрофы, быть может, не всем свойственна. Слишком плохие нервы или слишком хорошие, вероятно, не знают такой реакции.

Тут, предвидя некоторые возражения, мы должны оговориться.

Мы постоянно подчеркиваем необычайную роль мозга в жизни всего нашего хозяйства.

Нам нежелательно, если кто-либо сделает неправильные выводы.

Я вовсе не переоцениваю роли мозга. Тут требуется разъяснение.

Вот какой разговор был у меня однажды с одним известным критиком, ныне умершим, В. П. Полонским.

Я жил в Гаграх, где находился тогда Полонский. Это было примерно за несколько месяцев до его смерти.

Мы часто с ним ходили по набережной, гуляли и разговаривали. Однажды я рассказал ему об идее этой книги. Он был чрезвычайно заинтересован идеей, много об этом думал и каждый день, встречаясь со мной, расспрашивал о подробностях. Однако с одним положением он не согласился. Он сказал, что я слишком, по-видимому,

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru преувеличиваю значение мозга. Что это, вероятно, не так. Что существует целый ряд простейших видов, которые вовсе лишены мозга. И тем не менее их жизнь не подвергается никаким случайным отклонениям. Что тут вся суть, видимо, в тех химических элементах, которые вырабатывают секреты.

Полонский был, конечно, в основном прав. Мне тоже казалось, что преобладающую роль в жизни нашего тела играют те внутренние химические процессы, которые выполняются железами секреции. Но тут не следует забывать роль мозга, который тесно (и взаимно) связан с деятельностью этих желез. Мозг дает толчок к этой работе и является как бы регулятором.

Полонский привел пример, что сейчас происходят любопытные опыты - у животного вырезают мозг, и тем не менее оно продолжает жить и живет месяцами. Бабочка, лишенная мозга, продолжает даже летать.

Эти примеры мне были известны. Они как раз отлично доказывали мою мысль.

В самом деле, а как живут эти животные, лишенные мозга? Оказывается, крыса с вырезанными полушарием мозга не имеет ни потребности есть, ни каких-либо других потребностей.

Ее надо искусственно кормить, иначе она умрет через несколько дней. И полет бабочки лишен всякого смысла - она делает это механически.

Я не переоцениваю мозг. Хозяйство может продолжать работу без участия мозга. Но как идет эта работа?

Мозг является как бы регулятором хозяйства. При здоровом мозге, при его правильной, нормальной работе, мозг, быть может, и не имеет решающего значения для здоровья всего организма. Однако неправильная работа мозга немедленно приводит в расстройство весь организм. Если это управление врет и его не подправлять, происходят неисчислимы бед, пока все не заканчивается катастрофой.

XIII (к стр. 157)

Недавно вышла в Госиздате чрезвычайно интересная книга английского ученого и астронома, профессора Кембриджского университета Джемса Джинса. Книга называется "Вселенная вокруг нас". Эта книга замечательна во многих отношениях. Это одна из редких серьезных книг, написанных отличным, легким и даже изящным языком. Книга, несмотря на всю серьезность, читается как увлекательный роман. Однако для человека, мало знакомого с астрономией, книга все же трудна.

Книга написана в 1930 году, так что в ней представлены сравнительно последние данные о состоянии астрономии и о всех открытиях, сделанных за последние годы.

Между прочим, Джинс, пожалуй, впервые пытается показать размер Вселенной или, во всяком случае, хочет дать приблизительное понятие о размерах. Это он делает чрезвычайно остроумным способом. Размер Вселенной он показывает, так сказать, на макете, на воображаемой модели.

Решает это он так. Прежде всего он определяет масштаб модели.

Земля ежегодно описывает вокруг Солнца путь длиной в один миллиард километров (делая 30 километров в одну секунду).

Представим весь этот путь в виде булавочной головки диаметром в 2 миллиметра. Солнце сократится в ней до крошечной пылинки размером в 0,01 миллиметра. Земля будет пылинкой настолько малой, что ее нельзя будет рассмотреть в микроскоп. Вот микроскопический масштаб этой модели. Что же получается? Получается, что даже при столь незначительном масштабе ближайшая от Земли звезда, так называемая Ближайшая Центавра ¹, в этой модели будет помещена на расстоянии 200 метров.

¹ Ближайшая Центавра есть спутник яркой звезды южного полушария - Альфа Центавра.

Расстояние этой звезды от Земли во Вселенной равно 40 миллиардам километров. Эта астрономическая цифра почти ничего не говорит нашему воображению. Тут требуется

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru перевести на более наглядный язык. Скорый поезд шел бы до этой ближайшей звезды 78 миллионов лет. Пушечное ядро летело бы 2 миллиона лет. Катастрофу, ну, скажем, гибель этой ближайшей до нас звезды, мы бы увидели через 4 года, а услышали бы через 4 миллиона лет.

Итак, звезда Ближайшая Центавра помещается в модели на расстоянии 200 метров от Земли. Но это всего лишь ближайшая звезда. Чтобы расположить в модели хотя бы сто ближайших к Солнцу звезд, модель должна была бы иметь полтора километра в высоту и столько же в длину. Но это только для ста звезд.

Простым глазом мы можем увидеть около 6 тысяч звезд. А в лучший современный телескоп мы можем разглядеть примерно 100 миллионов звезд.

Если бы эти звезды поместить в модели, модель пришлось бы расширить до 6 миллионов километров. Можно представить этот размер модели, если вспомнить, что расстояние до Луны всего лишь меньше полмиллиона километров (384 тысячи километров).

Но из этих ста миллионов звезд, расположенных в нашей модели, всего лишь видимо незначительное число звезд, которые можно увидеть в наши телескопы.

При всей безнадежности этой модели все же кое-какое представление о неизмеримом пространстве Вселенной мы получаем.

И принцип такого показа все же чрезвычайно занимателен и нов.

Джинс сообщает о новейших открытиях, сделанных в области астрономии.

В марте 1930 года открыта новая, девятая планета солнечной системы, названная Плутоном.

Эта планета, размеры которой несколько меньше, чем Земли, находится за орбитой Нептуна. То есть она самая дальняя планета от Солнца.

Любопытно, что эта планета обнаружена была еще 15 лет назад путем сложных математических вычислений. Ученые по некоторым неправильностям движения Нептуна догадались, что существует какая-то еще новая планета. Путем вычисления установлено было ее место. И действительно, после долгих поиске обсерватории в Аризоне удалось обнаружить ее.

Крайняя дальность расстояния до этой планеты з. трудняет наблюдение за ней. Так что ни суточного дв1 жения, ни многих тех подробностей, какие мы знае о других планетах, установить не удалось.

Во всяком случае, обитатель Плутона, если бы тг кой существовал, получал бы в 1600 раз меньше СОJ ночного света и тепла, чем получает обитатель Земл" Солнце казалось бы ему небольшой звездочкой. Тем пература на Плуtone, по-видимому, чрезвычайно низ кая, около -230?.

Кстати, очень любопытны представленные в кнп температуры поверхности планет. (Это тепло изме ряется особыми, специальными сверхчувствительны ми инструментами.)

По последним измерениям, температура поверхности Юпитера равна приблизительно - 150?, Сатур-на -150?, Урана -170?.

На поверхности этих планет, стало быть, не может быть ни рек, ни морей. И никакой органической жизни, по-видимому, не существует.

Более близкие к Солнцу планеты имеют температуру, более сходную с Землей.

На Марсе, на экваторе, температура в полдень достигает +10?, однако ночью температура падает, примерно до -70?.

Органическая жизнь на Марсе все же возможна. Однако, по-видимому, ее нет. Атмосфера чрезвычайно разрежена. Давление барометра всего лишь 60 миллиметров (на Земле 760). По-видимому, почти отсутствует вода.

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
На Венере температура выше земной. Однако на Венере день равен нескольким земным неделям¹. Так что разница между дневной и ночной температурой, видимо, очень велика. Предполагают, что ночью температура падает ниже нуля, а днем на 60? выше, чем на Земле.

¹ Сутки длятся примерно полтора месяца. Это вызвано крайне медленным движением Венеры вокруг своей оси. Впрочем, суточное движение Венеры еще не окончательно установлено. Это сделать очень трудно, так как Венера постоянно окутана облаками и испарениями, и почти нет возможности найти для ориентировки какую-нибудь неподвижную точку.

Планета, вероятно, слишком горяча еще для жизни. Через биллион лет Венера все же может превратиться в то, что теперь представляет Земля. И, по-видимому, Земля будет тогда в таком же положении, как сейчас Марс.

Мне недавно пришлось читать в какой-то фантастической книге скептические слова о том, что Марс старше нашей планеты, жизнь там, по-видимому, более развита, однако все же марсиане долететь до нас не сумели. Однако это, по-видимому, рисуется иначе. Когда на Марсе были примерно такие условия, как на Земле, Земля представляла собой, вероятно, слишком еще горячую планету, на которой, видимо, едва-едва зарождалась жизнь. (Соотношение примерно такое же, как Земля и Венера.) На Венере обнаружены громадные испарения. Вся поверхность, вероятно, покрыта водой, и жизнь, видимо, едва только зарождается. И побывать нам на Венере так же будет затруднительно, как и марсианам на Земле. Интересно, что до сих пор все исследования материи Вселенной (спектральным анализом) не обнаружили никаких новых элементов, кроме того, что мы знаем и имеем на Земле. Это указывает на однородный состав Вселенной. Это дает право предполагать, что и принцип зарождения жизни всюду одинаков. Однако биологи до сих пор не могли установить, как возникает жизнь¹. Вот одна из самых увлекательных задач, которую будет разрешать наука. Я чувствую трепет от будущих сообщений: "Ученому X удалось создать химическим путем живое существо..."

Самая ближайшая к Солнцу планета Меркурий весьма нарушает единый принцип движения планет. Мер-курий вращается вокруг своей оси иначе, чем Земля, иначе, чем все планеты. Меркурий обращен одной лишь стороной к Солнцу. Он как бы перекачивается через себя. В силу этого температура в одном полушарии, обращенном к Солнцу, достигает -(-350?. Другое полушарие погружено в вечную ночь. И холод там достигает холода Вселенной -240?. Жидкости кипят на одном полушарии, и все сковано морозом на другом. И жизнь, конечно, при таких условиях невозможна.

У Гомера есть фраза: "Мир возник из Океана". Современная же наука установила, что состав плазмы (крови) – это точный состав океанской воды.

Астрономия считается одной из точнейших наук, основанных на точных математических вычислениях. Однако в этой науке слишком много гадательного. Нам кажется, что это все же одна из самых сказочных и увлекательных наук. Ее доказательства остаются по большей части условными. Эта наука не ощупывает руками материала. Материал расположен на таком расстоянии и в таких пространствах, что большинство доказательств будет все же условным.

Какая еще из наук занимается разгадкой такого далекого будущего, как это делает астрономия! Астрономия старается разгадать, что будет через миллионы и биллионы лет. Эта разгадка строится на математике. Однако как много в этом гадательного.

Любая книга по астрономии заканчивается сказочным рассуждением (всякий раз иным) о будущей жизни на Земле и о гибели этой планеты.

В книге Джинса заключительная глава также посвящена будущей жизни и будущей гибели Земли. Вот несколько строчек о гибели: "...В силу потери Солнцем его массы Земля отступает от него со скоростью приблизительно одного метра¹ в столетие. Через биллион лет Земля будет на 10% дальше от источника света и тепла, чем теперь. Земля станет получать на 20% меньше его излучения, и ее средняя температура будет приблизительно на 15? ниже, чем теперь. Однако Солнце через биллион лет не будет излучать столько же тепла и света, как в наши дни... Судя по другим звездам, энергия Солнца уменьшится приблизительно на 20%. Это вызовет уменьшение температуры Земли еще на 15?. Так что через биллион лет все это приведет к понижению температуры на Земле приблизительно на 30?. При такой

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
температуре жизнь на Земле может все же продолжаться в силу большой
приспособляемости человека к окружающим условиям..."

Однако это одно из десятка предположений о возможной гибели Земли. Далее Джинс приводит еще ряд предположений. Оказывается, до остывания Земли с ней может случиться масса неожиданностей, при которых все математические вычисления, все строгие выкладки и цифры летят в бесконечность. Тут-то и обнаруживается вся шаткость теории и вся сказочность этой науки, вернее сказочность материала.

Оказывается:

1. Солнце может случайно столкнуться с другой звездой. Тогда произойдет катастрофа, которая превратит в газ всю солнечную систему.
2. Один астероид ¹ может налететь на другой, и тогда при этом изменится все движение системы.
3. Какая-нибудь звезда, двигаясь из глубин пространства, "может зайти внутрь солнечной системы и этим внесет существенные изменения", причем Земля, изменив орбиту, окажется уже не в состоянии служить пристанищем жизни.
4. Солнце весьма близко находится сейчас от "левого края главной ветви звезд". И если бы сила света Солнца уменьшилась бы всего лишь на 3% - оно бы попало еще ближе к опасному "левому краю". При этом тепло упало бы столь значительно, что жизнь была бы изгнана с Земли. Океаны превратились бы в лед, а наша атмосфера - в жидкий воздух.

Приводится еще ряд возможностей и случайностей, какие мы не рискуем предложить читателю в силу сложности объяснения.

Дальше приводятся оптимистические предположения:

1. На 3% сила света уменьшится не ранее как через 150 миллиардов лет.
2. Столкновения между звездами бывают сравнительно редко.
3. Перед человечеством открыты перспективы по крайней мере еще на десятки миллиардов лет.

Годы, слишком достаточные, чтобы подумать о будущем.

Из всей книги лучше всего написан конец. Несколько последних строк звучат необычайно сильно и мужественно. Я с охотой подписался бы под этими строчками.

"В далеком будущем наши потомки, взирая на длинную перспективу времен, будут считать наши века за туманное утро истории мира. Наши современники будут казаться им героическими личностями, которые сквозь дебри невежества, ошибок и предрассудков

¹ Астероиды - крошечные планеты, лежащие за орбитой Марса. Диаметры этих планет весьма незначительные - часто меньше ста километров. Таких крошечных планет около тысячи.

пробивали себе путь к познанию истины, к умению подчинить себе силы природы, к построению мира, достойного того, чтобы человечество могло в нем жить. Мы окутаны еще слишком густым предрассветным туманом, чтоб могли, даже смутно, представить себе, каким явится этот мир в полном сиянии дня".

Этот блестящий конец примиряет нас с теми шаткими предположениями, на которых построена теория о гибели Земли. Некоторая сказочность этих предположений позволяет и нам попробовать свои силы и фантазии.

...Изменяется климат. Температура падает с каждым столетием. Моря и озера уменьшаются в своих размерах. Океаны превращаются в моря. Все меньше и реже облака обволакивают небо. Уменьшаются осадки. Громадные пространства Земли превращаются в безводные пустыни. Люди борются за воду. От полюсов прорываются каналы, по которым течет драгоценная влага, государственное достояние. Вся техника брошена на борьбу с безводьем. Разреженный воздух все значительней

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru меняет жизнь. Люди становятся меньше размером. Карликовые животные пасутся на искусственных лугах. Ученые месяцами заседают, оспаривая возможности перелета на Венеру. Дождь выпадает раз в год. Техника не поспевает за потребностями населения...

Эти наши сказочные предположения можно обосновать на более твердой базе.

Водные пространства действительно уменьшаются. Увеличиваются пустыни эти, так сказать, первые омертвевшие пятна Земли. Известно, например, что там, где сейчас пустыня Гоби, миллион лет назад была цветущая страна. Геологи предполагают, что именно там совершалась эволюция человеческой расы. Имен- { но это место (Центральная Азия), оказывается, не покрывалось ледниковым покровом.

В этой пустыне десять лет назад была найдена стоянка людей каменного века. Там же были найдены громадные кости чудовища. Это чудовище названо беј луджитерией. О размерах его можно судить по длин болезнь исчезала, но в общем я от неврастении не вылечился.

- Да, это очень трудно,- сказал врач.- Тем более что от нее мало вылечиться. Надо позабыть, что она существует или существовала. И если вы не забыли, она с неизбежностью вернется. Надо хотя бы на первое время вычеркнуть ее из сознания психики. В памяти не должны оставаться даже признаки этой болезни. Без этого никогда окончательно не расстаться с болезнью.

Через несколько минут врач рассказал мне свою историю излечения.

Он заболел неврастением, когда ему было 23 года. Он только что окончил Военно-медицинскую академию. Усиленные занятия, запутанные личные дела, неудачная любовь к женщине превратили этого молодого человека попросту в инвалида. За год он дошел до крайней степени расстройств. Он спал по три-четыре часа в день. Он потерял десять кило. И вся жизнь превратилась для него в сплошное мучение. Меланхолия и хандра не покидали его.

Состоятельные родители (это было за два года до мировой войны) отправили его лечиться в Швейцарию. Около года он провел в санатории, однако полностью излечиться ему не удалось. Прежние воспоминания вызывали всякий раз возврат болезни, хотя, правда, и не в такой степени, как раньше.

Молодой врач ежедневно уходил в горы. И, по совету лечивших его врачей, ходил по горам по нескольку часов, делая десятки километров.

Несколько раз он простужал и отмораживал ноги, делая переходы через снежные вершины. Не обратив внимания на это, он продолжал свои ежедневные экскурсии. Наконец он заболел. Болезнь началась с закупорки вен. Ноги распухли и отказывались служить. Известный немецкий врач нашел у него редчайший случай раннего склероза и еще какую-то болезнь, название которой я позабыл.

Угрожала смерть, ампутация или полный паралич ног. Лечение ни к чему не приводило. Через несколько месяцев молодой врач, отказавшись от операции, полностью потерял обе ноги - они были парализованы. Все потрясение, весь ужас катастрофы, вся перемена жизни настолько изменили направление психики больного, что через два месяца, встав на костыли, он не нашел у себя никаких признаков неврастении.

Все раздражение, тоска, хандра и меланхолия исчезли и никогда более к нему не возвращались. А если и возвращались первое время, то это не было вызвано неврастением. Это было вызвано печальной переменой. Но он привык к своей инвалидности. И вот 15 лет, как он не знает, что такое дурное настроение. Он много работает, пишет книгу, медицина его чрезвычайно интересует - у него нет времени думать, что он несчастен, напротив, он считает себя счастливым, он считает, что никогда он не имел такой бодрости и такой радости жизни, как сейчас.

И при этих словах врач показал на свои ноги, закрытые пледом. Они были неподвижны и мертвы.

Тут я увидел, что врач сидит в кресле-коляске. Он откатил свою коляску от стола и сказал:

- Нет, я не чувствую себя несчастным. По крайней мере таким несчастным, каким я был в Швейцарии, когда бродил по горам. Мне страшно вспоминать об этих потерянных годах.

Я ушел от врача взволнованный и даже потрясенный.

Какая необычайная и жестокая насмешка - чувствовать себя больным и несчастным, не имея несчастий, и быть здоровым и радостным, потеряв так много.

После этого удивительного рассказа я стал как-то лучше понимать сущность этой болезни. От нее надо вылечиться, и потом ее надо позабыть. А позабыть ее можно только таким чувством, которое заставит о ней не думать.

Однако то чувство, которое испытал врач, было слишком дорогой ценой за возвращенное здоровье.

XV (к стр. 166)

Мы отмечали выше, что основное руководство над своим телом, несомненно, заключается в умении создавать правильные привычки и неуклонно им следовать.

От этих приобретенных привычек и зависит вся личная судьба и все физическое и психическое здоровье человека.

Однако создание и возникновение привычек часто не лежит в пределах разума. Эти привычки часто создаются за порогом сознания. И в этом смысле давление со стороны бессознательного чрезвычайно велико. Мы говорили, что А. С. Пушкин легко писал осенью и отличался большой продуктивностью именно в эту часть года. Он сам не раз говорил, что осень для него - творческая пора.

Однако возникновение этой привычки произошло, несомненно, в силу случайности. Видимо, однажды написав удачно осенью и повторив эту удачу, он создал в своей психике именно это убеждение. Такое же убеждение он мог создать также и для другого времени года. Для этого только потребовалась бы другая случайность.

Создание этой привычки возникло не в пределах разумности.

Человек, который поверит, что он может увлечься только, ну, скажем, женщиной со светлыми волосами, несомненно создал в себе это убеждение путем случайно возникшего представления. Это представление, утвердившись в психике, создало привычку.

Стало быть, создание таких привычек и склонностей является как бы самовнушением.

Во всей нашей жизни, во всех наших поступках и, может быть, во всех склонностях самовнушение всякий раз играет большую роль, чем можно даже предполагать.

Гипнотизер может заставить человека не только заснуть, он может приказать, то есть внушить ему, сделать любой поступок и может вызвать у него любое болезненное ощущение. Больше того - гипнотизер может так воздействовать на мозг, что, скажем, рука или нога у человека перестает разгибаться. То есть воздействие чужой воли на мозг может быть беспредельным. "

Однако если чужая воля столь распоряжается внутренней жизнью, то нет сомнения, что собственная воля и собственная психика могут распоряжаться не в меньшей степени.

И действительно, мы знаем исключительные примеры самовнушения.

Один из немецких журналов приводит ряд интереснейших опытов, иллюстрирующих необычайную силу самовнушения. Один (врач, на глазах у пациента разогрев на огне железную палочку, сказал, что сейчас слегка приложит ее к руке пациента. Однако он приложил к руке не эту палочку, а точно такую же, но холодную. Тем не менее на коже пациента в том месте, где была приложена палочка, обнаружился характерный ожог с небольшим покраснением и даже пузырем.

Другой берлинский врач (Шлейх) рассказывает, что одна пациентка (крайняя

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru (истеричка) приняла в приемной шум вентилятора за жужжание пчелы. Ей показалось, что эта пчела ее ужалила. Она почувствовала страшную боль в нижнем веке, и на нем вскоре появилась опухоль величиной с куриное яйцо, с покраснением воспалительного характера.

Тот же врач Шлейх рассказывает еще более поразительный случай из своей практики.

Однажды в клинику явился клиент и рассказал, что он уколол палец ржавым гвоздем и что теперь он боится заражения крови. Врач, не найдя признаков заражения, отпустил больного. Тем не менее через два дня мнимобольной умер. Вскрытие, произведенное доктором Лангерхансом, не обнаружило решительно никаких анатомических признаков, которые могли бы вызвать смерть.

Итак, если самовнушение и воздействие психики может вызвать столь ощутимые и даже невероятные признаки, как ожог, воспаление и даже смерть, то та же психика за порогом сознания, видимо, может воспроизводить любые действия со всем хозяйством своего организма.

Любая болезнь, любое свойство характера могут быть вызваны путем неправильного психического представления, путем самовнушения, которое, как мы видели, играет столь значительную и выдающуюся роль.

И действительно, наряду с так называемыми органическими болезнями, мы встречаем огромное количество самых невероятных болезней, вызванных психическим расстройством и неправильностью работы нервных центров.

Воздействие же психики и самовнушения на работу всего организма столь велико, что, по-видимому, большинство болезней стоит отнести за этот счет. Во всяком случае, за этот счет стоит отнести большинство первоначальных заболеваний, которые в дальнейшем, может быть, и создают длительные болезни и подчас органические повреждения.

Страдания от таких болезней не меньше, а может быть, даже и больше, чем страдания от подлинных болезней.

Излечение от таких болезней всегда почти связано со случайностью и "чудом", которые весьма легко объясняются. Это чья-то воля, которая заставляет неправильную, ложную работу психики изменить направление. Этим можно объяснить все чудесные исцеления, все "могущество" знахарей, бабок и "святых старцев".

Причем часто это могущество ни на чем не основано. Оно основано лишь на собственной вере больного в чужое могущество. Эта вера попросту изменяет ложную работу психики (ложный ток энергии), давая ей другое, правильное направление.

Возникшая уверенность в своих силах – вот причина излечения больного самыми невероятными, "чудесными" средствами – "святой водой", "святым словом" (встань и иди!) и самыми различными амулетами и образками.

Такие болезни нервного происхождения, болезни, возникшие от ложной и неправильной работы психики, часто случаются с людьми нездоровыми, с ослабленной психикой и неврастениками.

Как правило, неврастении сопутствуют десятки болезней, от которых больные не могут освободиться в течение долгих лет. Разговор об этих болезнях не в плане нашей книги, тем не менее мы скажем о них несколько слов.

Часто заболевание многих органов вызвано тем внутренним самообманом, самовнушением и тем отсутствием природной логики, которое характерно именно при больной психике.

Человек с больной и ослабленной психикой подвергается такому количеству самых разнообразных болезней, что перечислить их нет никакой возможности.

Но чаще всего болезненным явлениям подвергаются желудок, сердце и органы секреции.

Больной часто годами лечится от своих заболеваний водами, диетой, каплями и всякими процедурами, что иной раз только ослабляет орган и как бы укрепляет его

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru в болезненном состоянии. Местное лечение таких болезней всегда вредоносно – оно потакает слабой психике и утверждает ложное представление. Тут вся суть в нервах и в переутомленных мозговых центрах, а не в самих органах.

Такие первоначальные ложные представления возникают, конечно, и у здоровых, но здоровый человек как бы не обращает внимания на случайное мгновенное расстройство. И тогда это расстройство проходит. Если же обратить внимание, прислушаться к этому или – что всего хуже – испугаться, тогда болезненное явление со всей силой возвращается и утверждается в ослабленной психике.

Избежать этих ложных болезней можно, собственно, единственным средством. Избежать можно тем поведением, которое при этом имеет здоровый человек, то есть на это не следует обращать внимания.

И сложность этого излечения состоит в том, что возникший болезненный процесс не следует подавлять или вытеснять, как это обычно делается. Его попросту следует лишить внимания.

И в этих тонких подразделениях следует внимательно разобраться. Приведем пример.

Если у человека возникло сердцебиение и он испугается – сердцебиение усилится. Если человек скажет себе, что он не желает этого сердцебиения, то есть будет его подавлять, оно не исчезнет. Но если он скажет себе, что это вздор, что это случайность и это пройдет, причем если это будет сказано с полной уверенностью и внимание от него будет отвлечено на что-нибудь иное, тогда сердцебиение действительно проходит, ибо оно, если так можно сказать, зародилось в психике.

Точно так же дело нередко обстоит и с легочной астмой, и с желудочными расстройствами, и с расстройствами секреции. Такие болезни чаще всего возникают от неправильной и ложной работы ослабленной психики.

И сложность излечения их состоит еще в том, что больной почти всякий раз думает, что на этот раз у него болезненное явление на самом деле, а не нечто воображаемое. Тем более что признаки болезни и все явления далеко не воображаемые. Воображаемое лишь начало, вернее – не воображаемое, а ложное. И поверить в ложность болезни почти всегда трудно, однако можно. И, убедившись в этом раз, можно уже с легкостью освободиться от нее в дальнейшем. Такая болезнь исчезает так же мгновенно, как и возникает.

На этом, повторяю, построены все "чудесные исцеления" – излечение хромым, слепым, паралитиков, глухих, "одержимых" и так далее.

Малодушие и слабость воли не позволяют верить в свои силы, однако малодушие склонно верить в чужую силу – вот причины могущества "старцев", знахарей и "святых".

Стало быть, в вопросах здоровья самовнушение играет чрезвычайную роль. Причем это самовнушение нельзя рассматривать в том поверхностном смысле вот, мол, человек сознательно внушил себе ту или иную болезнь или склонность. Это самовнушение, повторяю, происходит не в пределах разумности, это самовнушение формируется в том малоизученном мире, который носит название "подсознательного".

В этом мире, то есть за порогом сознания, создаются, повторяю, не только многие болезни и недомогания, но создаются и основные склонности, привычки, характер и даже подчас вся судьба.

Гете, как мы говорили, утверждал, что даже смерть зависит часто от воли человека. Это надо понимать в том смысле, что в подсознательной психике человека создается твердое убеждение, к которому и стремится человек. И, изменив эти представления, можно тем самым изменить свои склонности, стремления и даже весь характер и продолжительность жизни.

До некоторой степени странно, что этот удивительный мир, от которого зависит почти все или очень многое, так мало изучен.

Почти до последнего времени люди, говоря о бессознательном, приписывали ему нечто таинственное и непостижимое.

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru Шопенгауэр, например, назвал это даже "исчадием нашего таинственного существа". Он писал:

"Переработка материала (у художника) обыкновенно происходит в темной глубине. Отсюда происходит то, что мы не можем дать отчета о происхождении наших глубочайших мыслей: это исчадие нашего таинственного существа".

Однако это "таинственное" вовсе не следует рассматривать как действительно таинственное и мистическое. Это прежде всего, несомненно, физиологическая деятельность мозга, вернее – деятельность тех участков мозга, которые, видимо, не в такой мере еще развиты, для того чтобы деятельность эта была равносильна деятельности сознательной части мозга. Быть может, этой деятельности принадлежит будущее. Быть может, первые проблески сознательной жизни человека начинались так же и были так же похожи на бессознательное. И, быть может, гениальный человек – это тот человек, у которого в большей степени развиты эти участки мозга.

Во всяком случае, нет сомнения, что гениальный человек часто выводит за порог сознания именно те мысли и идеи, которые рождаются не в пределах обычной разумности.

Творчество (в особенности гениальность), как известно, необычайным образом связано с "бессознательным".

Как часто приходится читать признания больших художников в том, что в их работе играет огромную роль бессознательное.

И Гете, и Толстой, и многие величайшие писатели, художники и даже ученые считали бессознательное неотъемлемой частью творчества. Некоторые из них даже стремились искусственным путем вызвать деятельность своего подсознания.

История искусства знает небезыңтересный опыт в этой области. Это трагикомичная история о том, как один художник, не надеясь на свое сознательное восприятие вещей, решил перед работой подвергнуться гипнозу.

Этот художник (Вирц, 1806–1865, Бельгия) писал картину казни преступника. Для более правдивой передачи страдания казнимого художник перед одной \ казнью попросил загипнотизировать себя и внушить, что казнят именно его. Ему хотелось не только свое поверхностное сознание, но и всю глубину своей психики привлечь к творческой работе.

Художника поместили на месте казни и загипнотизировали. Обманутое сознание и покорное ко всему подсознание вызвали в человеке такое реальное страдание и такой ужас смерти, что загипнотизированный начал бороться с "палачом", а потом жалким голосом умолял поскорее покончить с ним.

Разбуженный художник долгое время не приходил в себя и после этого опыта захворал тяжелым нервным расстройством.

Картину же казни преступника он, поправившись, написал со всем блеском.

Этот случай, конечно, не в достаточной мере определяет деятельность подсознания. Но он характерен как пример желания художника привлечь к своему творчеству всю глубину своей психики.

Между прочим, знаменитый немецкий философ Шеллинг (1775–1854), говоря о подсознании (интуиции), предсказывал даже исчезновение наук, вернее—"вытеснение наук непосредственным знанием, полученным интуитивным путем".

Свою мысль Шеллинг основывал на том, что огромное большинство величайших научных открытий было сделано интуитивно и даже значительно раньше, чем были отысканы доказательства.

Нам известно хотя бы несколько теорем, доказательства которых мы не знаем до сего времени. Они были открыты подсознанием.

XVI (к стр. 171)

Скорость работы нашего организма, как мы говорили, зависит всякий раз от цели и

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru устремления. Без цели и устремления движение как бы прекращается или сводится к минимуму.

Весьма часто человек, исполнив тот или иной труд или намерение, умирает или долгое время находится в упадке.

И наоборот – человек, у которого есть планы дальнейших работ, есть цель и устремление, часто продолжает жить, несмотря даже на слабое и разрушенное здоровье.

Конечно, большинству людей нашей страны не приходится .говорить о "цели жизни". Высокая цель – борьба за социализм, за лучшую жизнь, без угнетения капиталом – несомненно, создает правильную и усиленную работу всего тела. И тут, казалось, нет даже нужды понимать механику этого дела.

Тем не менее благодаря неумелому руководству над своим телом, а также благодаря неправильному отдыху или отсутствию отдыха человек ставит себя иной раз в упадочное положение, и тогда ему просто необходимо знать весь принцип работы нашего организма. В общем, принцип такой:

Движение приостанавливается, если нет устремления. Движение возрастает, чем ярче и сильнее устремление.

У одного это устремление – большая и высокая цель, у другого – поиски славы, богатства, удовлетворение тщеславия, у третьего, наконец, как будто устремлений вовсе нет, но это устремление, попросту в силу низменности натуры, разбито на ряд мелких животных устремлений, вплоть до удовлетворения своего аппетита и любовных стремлений.

В сущности, нет человека, который не имел бы устремлений. А если случится, что человек потерял эти устремления, – он по большей части погибает.

Замечательную историю мне рассказали несколько лет назад.

Эта история о том, как человек, потеряв цель и устремление, создал это искусственным путем и что из этого вышло.

Года три назад я был в Одессе. И вот на трамвае поехал осматривать окрестности.

На какой-то остановке кондуктор объявляет: "Башня Ковалевского".

Действительно, недалеко от остановки, почти на берегу моря, стояла огромная кирпичная башня, в шесть или семь этажей. Это было безобразное кирпичное здание, похожее на огромную водопроводную каланчу.

Тут же, в трамвае, я услышал рассказ об этой башне.

Оказывается, года за четыре до революции один богатый человек, крупный коммерсант, выстроил эту башню на своем участке земли без всякой видимой надобности – просто так, глядеть на море.

Это был чрезвычайно богатый человек, человек, прославившийся в свое время кутежами, развратом и швырянием денег.

К 40 годам он, однако, пресытился своей богатой жизнью. Он все испытал. И, кажется, ничего не осталось такого, чего он не видал.

Его богатство давало ему обеспеченную жизнь. Он ездил за границу, в Египет и в Америку. Но с каждым годом желаний у него становилось все меньше меньше.

И наконец у него не оказалось никаких стремлений, даже самых элементарных.

Ему ничего не хотелось. Никаких желаний не было. И он впал в жесточайшую меланхолию.

Он купил под Одессой дом и землю и приехал сюда, чтобы пожить у моря отдохнуть. Но отдых не удавался. Пресыщение было столь велико, что даже отдых был ему в тягость.

Он попробовал было заняться благотворительностью, но это оказалось скучным и неинтересным.

Наконец кто-то из знакомых посоветовал ему построить новый дом. Дома он строить не стал, но решил построить высоченную башню, с которой можно было бы любоваться морем.

Почти год он затратил на это дело. Почти год он работал, хлопотал, заказывал, горячился, спорил. Жизнь была наполнена. Снова он чувствовал себя хорошо и радостно. Меланхолия исчезла. Но вот наконец башня была готова. На другой день, после того как все мелочи были закончены, Ковалевский бросился вниз с верхнего этажа башни. Он разбился насмерть.

Эта замечательная история необычайно характерна. Она чрезвычайно обнажает, так сказать, механику движения. Создав искусственным образом цель и достигнув ее, человек покончил с собой. Мне вспоминается письмо Л. Н. Толстого к Фету. Фет строил дом в своей усадьбе. И Л. Н. Толстой давал ему советы. Один из советов цитирую по памяти:

"Стройте подольше, дорогой Фет, иначе опять может напасть на вас хандра".

Искусственные устремления создавал себе также Гоголь. Всякий раз, долго оставаясь на одном месте, он впадал в меланхолию. Ему необходимо было какое-то устремление, для того чтобы организм его работал более сносно. Он время от времени устраивал путешествия, говоря, что только в дороге он чувствует себя хорошо. Часто он устраивал эти путешествия без всякой надобности.

Анненков писал об одном таком путешествии Гоголя:

"Эта поездка принадлежала к числу тех прогулок, какие Гоголь предпринимал иногда без всякой определенной цели, а единственно по благотворному действию, которое производила на Гоголя его дорога".

Гоголь писал на протяжении всей своей жизни: "Дорога-мое единственное лекарство... Только в дороге я чувствую себя хорошо... Все сюжеты почти я обделываю в дороге... Дорога сделала со мной чудо- свежест и бодрость взялась такая, какой я никогда не чувствовал..."

Конечно, благотворное влияние дороги можно отчасти приписать психическому воздействию, но вместе с тем устремление, временная цель и достижение этой цели всякий раз почти действовали на здоровье благотворно. Гоголь прибегал к этому всякий раз, когда, истощившись в работе и потеряв возможность работать, чувствовал упадок, пустоту и бесцельность существования.

Дорога была для него лекарством, когда разрушение не было слишком велико.

Кстати, говоря о Гоголе (см. комментарий II), мы сообщили, что Гоголь, по-видимому, ничего не понимал в своем теле и всецело полагался на минеральные воды, от которых он ожидал исцеления.

Справедливость требует отметить, что в последние два года Гоголь стал приближаться к верному пути. Однако это было слишком поздно.

Как известно, на свое тело Гоголь почти не обращал внимания - он не занимался никаким спортом и даже не любил этого.

Но года за два до смерти начал заниматься физической культурой. { Данилевский пишет:

"Он катался на плоту, работал в саду, говоря, что телесное утомление, "рукопашная" работа на вольном воздухе освежает его и дает силу писательским занятиям".

Арнольди (тоже о двух последних годах Гоголя) пишет:

"Купаясь, он делал разные гимнастические упражнения, находя это здоровым".

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
Однако все остальное самолечение Гоголя было крайне неправильным и вредным.

Например (по словам Шевырева), Гоголь каждое утро лечился, обертываясь в мокрую простыню.

Нет сомнения, что это не приносило хорошего результата. Напротив, в таком состоянии нервного возбуждения и крайнего нервного истощения, в каком бывал Гоголь, такое лечение было попросту ужасным. Холодная мокрая простыня чрезвычайно повышала нервное возбуждение, в то время как его надо было погасить.

Это создавало картину искусственного возбуждения, которое сменялось еще большим упадком, чем было. Кроме того, это создавало упорные бессонницы и неврастеническое перерождение мозга. Холодная вода пригодна не для всякого неврастеника. Для Гоголя же это было почти смертельно.

Такой, казалось бы, пустяк, быть может, и был одной из главных причин постоянных недомоганий, а впоследствии, как результат этих недомоганий, душевной болезни и ранней смерти Гоголя.

Вот, так сказать, вред от неумелого самолечения. Впрочем, этот совет был дан Гоголю врачом за границей. Однако, быть может, в то время этот совет был и правилен. Вот еще пример самолечения:

"Перед обедом Гоголь пил воду, которая, как он говорил, придавала деятельность желудку. Для возбуждения аппетита он ел с перцем".

Это было тоже ошибочным. Вода перед обедом, напротив, понижала деятельность желудка – она разжижала желудочный сок, и пищеварение благодаря этому было менее энергичным, чем могло быть.

Вообще все самолечение Гоголя, даже если оно было правильным, затеяно было, пожалуй, слишком поздно. Разрушение было велико – мозг был в полупарализованном состоянии.

Вот как описывал походку Гоголя один из его современников (Михольский):

"Он странно передвигал ноги – с каким-то едва уловимым оттенком паралича".

Это очень ценное наблюдение было сделано в мае 1848 года (за четыре года до смерти), когда Гоголь был в Киеве у попечителя учебного округа. Это наблюдение еще раз подчеркивает правильность нашего соображения – все дело заключалось в истощенном, полупарализованном мозгу.

Однако мы остережемся сказать, что это истощение произошло в силу анатомических изменений мозга.

Быть может, в основе этого была всего лишь функциональная неправильная заторможенность, которая превратилась в стойкую привычку.

А если это так, то излечение было возможно, хотя трудности были бы необычайно велики.

Высокая основная цель, к которой стремился Гоголь – закончить "Мертвые души", – давала ему силы. И когда Гоголь сжег "Мертвые души", он тем самым уничтожил свою цель и этим уничтожил свою жизнь.

XVII (к стр. 178)

Здесь мы хотим снова затронуть вопрос о переключении "низменных" процессов на творчество.

Несколько писем, которые я получил после напечатания первой части повести, заставляют меня с большей ясностью подойти к этому вопросу.

Несколько читателей почему-то оспаривали происхождение "болдинской осени" Пушкина (комментарий IV). Один читатель, огорченный столь материалистическим подходом к возвышенным вещам, пишет по простоте душевной: "Не может быть, что творчество Пушкина возникало таким образом".

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Я подивился столь дружному возражению, однако я не собираюсь сдавать позиции.

В сущности, мне казалось, что тут и доказывать было нечего. Мне казалось, что все и так ясно.

Человек, который отдает энергию на одно, попросту не способен отдать столь же много на другое. Тут арифметически ясно. Тут все дело в пропорции: чем больше отдано на одно, тем меньше остается на другое.

Конечно, вопрос о целомудрии и о переключении энергии не вполне единогласно решен наукой. Вопрос этот оказался спорным и запутанным.

Много сказано было за и много сказано было против.

Бибель, например, считал, что всякое подавление естественных влечений действует крайне вредно. Он считал, что следует упражнять все органы, для того чтобы быть здоровым. Бибель даже считал, что умственное расстройство у Паскаля и у Ньютона (в преклонном возрасте) создано благодаря подавленным влечениям.

Л. Н. Толстой, напротив, защищал целомудрие, энергично выступая против "плотской любви".

В общем, целомудрие во все времена считалось средством достижения высокой производительности со стороны тела и ума. Во все времена и даже в самой седой древности атлеты, борцы и гладиаторы, готовясь к состязанию, отказывались от любви. Парижский университет в течение шести столетий не принимал женатых, считая, что женатый человек для науки потерян.

Можно, наконец, вспомнить, что некоторые насекомые попросту умирают после полового акта.

Между тем по статистике, которая велась в Англии, католическое (безбрачное) духовенство отнюдь не отличалось долговременной жизнью.

Тут возникают некоторые противоречия, которые следует разрешить.

И вот, сопоставляя целый ряд доказательств и рассуждений, лично нам кажется правильной такая позиция.

Благодаря целомудрию, благодаря переключению "низменных" страстей можно достигнуть необычайной производительности. Однако, по-видимому, это можно отнести лишь к молодым годам. В дальнейшем, чтоб не прекратилась деятельность тех или иных внутренних органов, дающих в крови нужные химические составы, влечение не следует подавлять. Его можно переключать лишь в некоторой его части. Причем слишком много энергии, отданной на любовь, несомненно снижает творчество. Однако мы не хотим этим сказать, что творчество возрастает, если вовсе нет любви.

Во всяком случае, половая энергия должна возникнуть. Вовсе не возникшая энергия подавляет и уничтожает творчество.

Второе возражение получено мной от одного врача.

Речь идет об усталости мозга. Современная наука считает, что мозг сам по себе не утомляется, а происходят лишь те торможения, которые как бы прекращают или ослабляют работу мозга.

Однако, говоря об усталости мозга, я и не стремился подчеркнуть его физическое изменение, я говорил главным образом об изменении деятельности мозга при утомлении, то есть о функциональных изменениях.

В самом деле, функциональная деятельность мозга состоит из двух основных механических процессов – торможения и возбуждения.

При усталости, по-видимому, нарушается равновесие в их деятельности и наступает ослабление этих механизмов.

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
При хронической же усталости и перераздражении возникает неврастения, то есть третий функциональный процесс, процесс постоянных ошибок в работе торможений и возбуждений.

Причем нередко создается стойкая привычка к торможению или, наоборот, к возбуждению. И борьба с этой привычкой и есть в основном борьба со слабыми нервами.

XVIII (к стр. 193)

Как часто, закрывая какую-либо книгу, мы думаем об авторе – какой он, как он прожил свою жизнь, что он делает и что думает.

Если есть портрет, мы с любопытством рассматриваем черты лица, стараясь угадать, какие у писателя склонности, какой характер и какие страсти потрясают его.

Нынче, заканчивая книгу, мы решаем дать читателю некоторые сведения о себе.

Я родился в Ленинграде (в Петербурге) в 1895 году. Мне сейчас 37 лет.

Мой отец – украинец (Полтавской губернии), художник. Дворянин.

Он умер рано – сорока с чем-то лет. Он был талантливый художник-передвижник. Его картины и сейчас имеются в Третьяковской галерее, в Академии художеств и в Музее революции. (Отец был в социал-демократической партии.)

Моя мать русская. В молодые годы она была актрисой.

Я кончил гимназию в Ленинграде. Учился весьма плохо. И особенно плохо по русскому – на экзамене на аттестат зрелости я получил единицу по русскому сочинению. (Сочинение было на тему о тургеневских героях.)

Эта неуспеваемость по русскому мне сейчас тем более странна, что я тогда уже хотел быть писателем и писал для себя рассказы и стихи.

Скорей от бешенства, чем от отчаяния, я пытался покончить со своей жизнью.

Осенью 1913 года я поступил в университет на юридический факультет. Мне было тогда 18 лет.

Я год занимался в университете, но своим делом почти не интересовался. Сдал минимум – один экзамен по римскому праву. И все почти дни проводил в физическом кабинете, слушая лекции профессора Хвольсона.

Весной 1914 года я без денег поехал на Кавказ и поступил там на железную дорогу контролером поездов (на линии Кисловодск – Минеральные Воды). Там же давал уроки.

Осенью, в начале войны, я вернулся в Ленинград и вместо университета, прослушав ускоренные военные курсы, уехал прапорщиком на фронт.

У меня не было, сколько я помню, патриотического настроения – я попросту не мог сидеть на одном месте из-за склонности к ипохондрии и меланхолии. Кроме того, я был уволен из университета за невзнос платы.

Вплоть до революции я пробыл на фронте в Кавказской гренадерской дивизии. На германском фронте, командуя батальоном, был ранен и отравлен газами.

В февральскую революцию я вернулся в Ленинград. При Временном правительстве был назначен начальником почт и телеграфа и комендантом Главного почтамта.

В сентябре 1917 года я выехал в командировку в Архангельск. Был там адъютантом архангельской Дружины и секретарем полкового суда.

За несколько недель до прихода англичан я снова уехал в Ленинград. Был момент, когда я из Архангельска хотел уехать за границу. Мне было предложено место на ледоколе. Одна влюбленная в меня француженка достала мне во французском посольстве паспорт иностранного подданного.

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Однако в последний момент я передумал. И незадолго до занятия Архангельска успел выехать в Ленинград.

В июле 1918 года я поступил в пограничную охрану. Сначала служил в Стрельне, потом в Кронштадте.

Из пограничной охраны перевелся добровольцем в Красную Армию и в ноябре 1918 года отправился в действующую армию, на Нарвский фронт.

В Красной Армии я был командиром пулеметной команды и потом полковым адъютантом.

Я не коммунист и в Красную Армию пошел сражаться против дворянства и помещиков – против среды, которую я в достаточной мере хорошо знал.

Я пробыл на фронте полгода и по болезни сердца (порок, полученный после отравления газами в германскую войну) уволился из армии.

После этого я переменял десять или двенадцать профессий, прежде чем добрался до своей теперешней профессии.

Я был агентом уголовного розыска (в Ленинграде). Был инструктором по кролиководству и куроводству (в Смоленской губернии, город Красный, совхоз Маньково).

Был старшим милиционером в Лигове. Изучил два ремесла – сапожное и столярное. И даже работал в сапожной мастерской на Васильевском острове (на 2-й линии, против Академии художеств).

Там же, работая в мастерской, впервые встретился с писателем. Это был Н. Шебуев – в свое время редактор "Бича". Он принес чинить сапоги и, помню, с любопытством разговаривал со мной, удивляясь познаниям сапожника.

Последняя моя профессия до писательства – конторское занятие. Я был конторщиком и потом помощником бухгалтера в Ленинградском военном порту.

Там же, на работе, я написал первые свои рассказы и издал первую свою книжку без фамилии на обложке – "Рассказы Назара Синеврюхова". Тогда же я вошел в содружество писателей "Серапионовы братья".

Мои первые рассказы попали к Горькому. Горький пригласил меня к себе, правильно покритиковал и помог мне материально. А также устроил мне академический паек. С тех пор началась моя литературная судьба. И с тех пор меркнет разнообразие моей жизни. Скоро 15 лет, как я занимаюсь литературой. О чем и для кого я писал? Вот вопросы, которые занимают критику. Существует мнение, что я пишу о мещанах. Однако мне весьма часто говорят: "Нет ли ошибки в вашей работе? У нас ведь нет мещанства как отдельного класса, как отдельной прослойки. У нас нехарактерна эта печальная категория людей. С какой стати вы изображаете мещанство и отстаете от современного типа и темпа жизни?"

Ошибки нет. Я пишу о мещанстве. Да, у нас нет мещанства как класса, но я по большей части делаю собирательный тип. В каждом из нас имеются те или иные черты и мещанина, и собственника, и стяжателя. Я соединяю эти характерные, часто затушеванные черты в одном герое, и тогда этот герой становится нам знакомым и где-то виденным.

Я пишу о мещанстве и полагаю, что этого материала хватит еще на мою жизнь. Для кого я пишу?

Я пишу, я, во всяком случае, имею стремление писать для массового советского читателя.

И вся трудность моей работы свелась главным образом к тому, чтоб научиться так писать, чтобы мои сочинения были всем понятны. Мне много для этого пришлось поработать над языком. Мой язык, за который меня много (зря) ругали, был условный, вернее собирательный (точно так же, как и тип). Я немного изменил и облегчил синтаксис и упростил композицию рассказа. Это позволило мне быть понятным тем читателям, которые не интересовались литературой. Я несколько

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1911.ru упростил форму рассказа (инфантилизм?), воспользовавшись неуважаемой формой и традициями малой литературы.

В силу этого моя работа мало уважалась в течение многих лет. И в течение многих лет я не попадал даже в списки заурядных писателей. Но я никогда не имел от этого огорчений и никогда не работал для удовлетворения своей гордости и тщеславия.

Профессия моя оказалась все же чрезвычайно трудна. Она оказалась наиболее тяжелой из всех профессий, которые я имел. За 14 лет я написал 480 рассказов (и фельетонов), несколько повестей, две маленькие комедии и одну большую. А также выпустил мою самую интересную (документальную) книгу "Письма к писателю".

Нынче, в 1933 году, я начал писать "Возвращенную молодость". Я писал ее три месяца, а думал о ней четыре года.

Читатель, который огорчится переменной моего творчества, может быть спокоен. Выпустив эту книгу, я снова буду продолжать то, что начал. Эта книга - просто временная передышка.

Эту книгу я написал в назидание себе и людям. Я написал ее не для того, чтобы пофилософствовать. Я никогда не уважал такой бесцельной философии.

Мне попросту хотелось быть в этом смысле полезным в той борьбе, какую ведет наша страна за социализм. Я всегда удивлялся крайнему непониманию людей и крайнему незнанию самых элементарных правил руководства своим телом. Мне казалось, знание всего этого необходимо людям, которые много работают.

Мне хотелось простым языком рассказать о том, что я думал и что знал. Быть может, я кое в чем наврал - в таком случае я смиренно прошу у науки извинения.

Эти мои медицинские рассуждения не списаны с книг. Я был той собакой, над которой произвел вс? опыты.

Я знаю, что я до чрезвычайности опростил и, так сказать, огрубил всю предложенную схему жизни, здоровья и смерти. Подозреваю, что кое-что значительно сложнее и кое-что просто непонятно моему воображению (электричество). Но я писал эту книгу не как научное исследование, а как занимательный роман.

Эта книга, для ее достоверности и для поднятия авторитета автора, все же обязывает меня жить по крайней мере 70 лет. Я боюсь, что этого не случится. У меня порок сердца, плохие нервы и несколько неправильная работа психики. В течение многих лет в меня стреляли из ружей, пулеметов и пушек. Меня травили газами. Кормили овсом. И я позабыл то время, когда я лежал на траве, беспечно наблюдая за полетом птичек.

Нет, я не стремлюсь прожить слишком много, тем не менее я считаю позорным умереть в 38 лет. Итак, книга кончена.

Последние страницы я дописываю в Сестрорецке 9 августа 1933 года.

Я сижу на кровати у окна. Солнце светит в мое окно. Темные облака плывут. Собака лает. Детский крик раздается. Футбольный мяч взлетает в воздух. Красавица в пестром халате, играя глазами, идет купаться.

Кашкин поспекает за ней, поглядывая на ее пышные плечи.

Он поигрывает прутиком и насвистывает победный марш.

В саду скрипнула калитка. Маленькая девчурка, как говорит мой друг Олеша - похожая на веник, идет в гости к моему сыну.

Благополучие и незыблемость этих вечных картин меня почему-то радуют и утешают.

Я не хочу большие думать. И на этом прерываю свою повесть.
Август 1933

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

Возвращенная молодость. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
<http://zoschenkomihail.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!